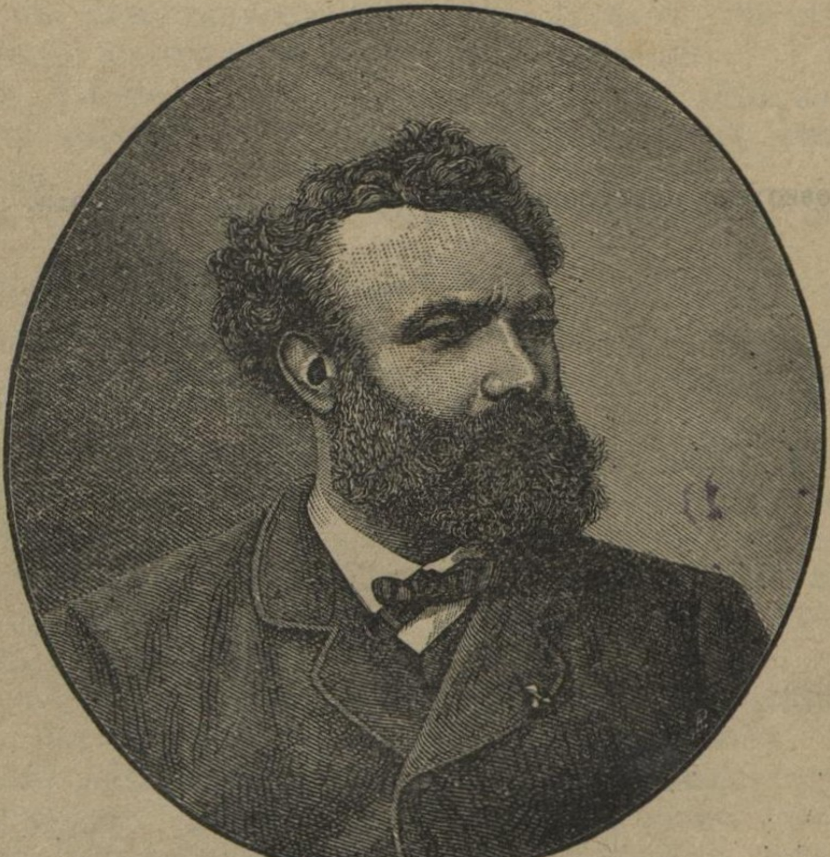
Жюль Вернъ.

Черная Индія.

РОМАНЪ.



Съ рисунками Фера.

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.—1893.

Дозволено цензурою. Москва, 14 марта 1898 года.

ГЛАВА I.

Два противорѣчивыхъ письма.

„Мистеръ Дж. Р. Старру, инженеру,
30, Кэнонгэтъ.
Эдинбургъ.

„Если мистеръ Джемсъ Старръ пожелаетъ отправиться завтра въ Аберфойль, въ каменноугольную копь Дошаръ, въ шахту Яроу, то ему будетъ сдѣлано интересное для него сообщеніе.

„Мистера Джемса Старра весь завтрашній день на станціи „Каллендеръ“ будетъ ждать Гарри Фордъ, сынъ бывшаго старосты углекоповъ Симона Форда.

„Мистера Старра просятъ никому не сообщать объ этомъ приглашеніи“.

Таково было содержаніе письма, которое Джемсъ Старръ получилъ съ первой почтой 3-го декабря 18... года. На письмѣ былъ штемпель почтоваго отдѣленія въ Аберфойлѣ, находящемся въ графствѣ Стирлингъ, въ Шотландіи.

Любопытство инженера было сильно затронуто. Ему даже и на умъ не пришло, что письмо могло быть мистификаціей. Онъ давно зналъ Симона Форда, одного изъ бывшихъ надсмотрщиковъ за работами въ копяхъ Аберфойля; Джемсъ Старръ въ продолженіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ былъ директоромъ этихъ самыхъ копей, или, какъ говорятъ въ англійскихъ копяхъ, viewer'омъ.

Джемсъ Старръ былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія, и, несмотря на его 55 лѣтъ, никто не далъ бы ему болѣе сорока. Онъ происходилъ изъ стариннаго шотландскаго рода и былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ жителей Эдинбурга. Его труды приносили честь почтенному сословію шотландскихъ инженеровъ, которые добываютъ каменный уголь изъ богатой имъ почвы Соединенныхъ Королевствъ, въ Кардифѣ, Ньюкэстлѣ и нижнихъ графствахъ Шотландіи. Но особенно имя Старра пользовалось общимъ уваженіемъ въ глубинѣ тѣхъ таинственныхъ копей Аберфойля, которыя находятся по сосѣдству съ рудниками въ Аллоа и занимаютъ значительную часть графства Стирлингъ. Тутъ, въ этихъ копяхъ, прошла почти вся его жизнь. Кромѣ того, Джемсъ Старръ принималъ участіе въ „Обществѣ шотландскихъ антикваріевъ“ и даже былъ его президентомъ. Онъ считался также въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ „Королевскаго Института“, и въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“ часто появлялись замѣчательныя статьи, подписанныя его именемъ. Отсюда видно, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ ученыхъ практиковъ,

которымъ Англія обязана своимъ благосостояніемъ. Вообще онъ занималъ очень видное положеніе въ старой шотландской столицѣ, которая во всѣхъ отношеніяхъ заслуживала названія „Сѣверныхъ Аѳинъ“.

Извѣстно, что англичане всей совокупности своихъ обширныхъ каменноугольныхъ копей дали очень мѣткое названіе. Они весьма справедливо называютъ ихъ „Черною Индіей“, и эта Индія, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ восточная Индія, содѣйствовала возрастанію изумительнаго богатства Соединенныхъ Королевствъ. Дѣйствительно, тутъ и день и ночь массы углекоповъ трудятся надъ добываніемъ изъ британской почвы каменнаго угля, этого драгоцѣннаго топлива, являющагося положительно необходимостью въ промышленной странѣ.

Въ эту эпоху было еще очень далеко до того времени, когда, согласно предсказаніямъ спеціалистовъ, запасъ угля на всемъ земномъ шарѣ долженъ будетъ истощиться. Недостатка въ этомъ минералѣ нечего было еще опасаться, и во всѣхъ концахъ Стараго и Новаго Свѣта шла усердная эксплоатація залежей каменнаго угля. Различныя фабрики, локомотивы, локомобили, пароходы, газовые заводы и т. п. не имѣли недостатка въ минеральномъ топливѣ. Однако, потребленіе угля въ послѣдніе годы возросло до такой степени, что нѣкоторыя залежи были уже совершенно истощены. Онѣ были покинуты, и пустынныя копи, съ ихъ мрачными шахтами, производили грустное впечатлѣніе.

Такая именно участь постигла и копи Аберфойля.

Десять лѣтъ тому назадъ послѣдняя телѣжка увезла отсюда послѣднюю тонну угля. Орудія, служившія для „подземныхъ“ работъ, машины, назначенныя для передвиженія по рельсамъ, проложеннымъ въ подземныхъ галлереяхъ, вагоны для подземныхъ желѣзныхъ дорогъ, корзинки, въ которыхъ вытаскивали уголь изъ шахтъ, однимъ словомъ — все, что необходимо было при эксплоатаціи копей, было вытащено изъ глубины шахты и оставлено на поверхности земли. Покинутыя копи походили на трупъ мастодонта фантастической величины, у котораго отняли всѣ необходимые для жизни органы, оставивъ ему одинъ только скелетъ.

Изъ всѣхъ этихъ орудій оставались теперь только длинныя деревянныя лѣстницы, служившія для спуска въ глубину копей чрезъ шахту Яроу; съ того самаго дня, какъ прекратились работы, только эти лѣстницы давали доступъ въ нижнія галлереи копи Домаръ.

Снаружи чернѣли зданія, которыя нѣкогда кишѣли рабочимъ людомъ; по нимъ можно было судить о мѣстѣ, гдѣ были прорыты шахты копи Дошаръ, которая, наравнѣ съ другими копями Аберфойля, была совершенно оставлена.

Въ одинъ печальный день углекопы оставили копь, въ которой они проработали столько лѣтъ.

Инженеръ Джемсъ Старръ созвалъ тѣ тысячи скромныхъ тружениковъ, которые составляли дѣятельное и энергичное населеніе копей. Всѣ рабочіе съ своими женами и дѣтьми, не исключая самыхъ старыхъ, собрались на обширномъ дворѣ копи Дошаръ, который нѣкогда былъ переполненъ углемъ.

Эти славные люди, которые должны были разсѣяться въ борьбѣ изъ-за куска насущнаго хлѣба,—тѣ самые люди, которые непрерывный рядъ лѣтъ, поколѣніе за поколѣніемъ, прожили въ старомъ Аберфойлѣ, ожи-

дали теперь своего инженера, чтобы распроститься съ нимъ навсегда. Компанія копей, въ знакъ благодарности, уступила имъ весь чистый доходъ за текущій годъ. На самомъ дѣлѣ, этого было довольно мало, потому что стоимость добытаго угля немногимъ превосходила издержки по эксплоатаціи; но, все-таки, этихъ денегъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы рабочіе могли на нихъ прокормиться до пріисканія себѣ

Джемсъ Старръ.

новыхъ мѣстъ на сосѣднихъ копяхъ или на фермахъ и заводахъ графства.

Джемсъ Старръ сталъ у входа подъ обширный навѣсъ, подъ которымъ такъ долго работали тяжелыя паровыя машины, при помощи которыхъ вытаскивали уголь изъ шахтъ.

Симонъ Фордъ, староста углекоповъ копи Дошаръ, которому тогда

было 55 лѣтъ, и нѣсколько другихъ надсмотрщиковъ за работами окружили его.

Джемсъ Старръ снялъ шляпу. Углекопы въ глубокомъ молчаніи послѣдовали его примѣру.

Эта прощальная сцена носила трогательный и величественный характеръ.

— Друзья мои,—сказалъ инженеръ,—моментъ разлуки наступилъ! Копи Аберфойля, которыя въ теченіе столькихъ лѣтъ соединяли насъ въ общей работѣ, теперь истощены. Наши изысканія привели насъ къ тому убѣжденію, что угля здѣсь больше нѣтъ, и изъ копи Дошаръ только что вынули послѣдній кусокъ угля!

И, въ доказательство своихъ словъ, Джемсъ Старръ указалъ углекопамъ на глыбу угля, лежавшую на днѣ находившейся подлѣ инженера телѣжки.

— Этотъ кусокъ угля, друзья мои,—продолжалъ Джемсъ Старръ,—походитъ на послѣднюю каплю крови, текшей по жиламъ нашихъ копей. Мы сохранимъ его на память, какъ это мы сдѣлали уже съ первымъ кускомъ угля, добытымъ изъ копей Аберфойля назадъ тому 150 лѣтъ. Сколько поколѣній работниковъ перемѣнилось за это время въ нашихъ копяхъ! Но теперь... кончено! „Прощайте!“ — говоритъ вамъ теперь вашъ инженеръ. Эти копи, въ которыхъ работали ваши руки, давали вамъ средства къ существованію. Трудъ былъ тяжелъ, но онъ приносилъ вамъ пользу. Теперь наша громадная семья разсѣется, и нельзя и думать, чтобы ея члены когда-нибудь опять соединились. Но не забывайте, что мы долго прожили вмѣстѣ и что долгъ углекоповъ Аберфойля — помогать другъ другу. Ваши прежніе хозяева также не забудутъ этого. Мы столько времени проработали вмѣстѣ, что не можемъ быть чужими другъ другу. Мы будемъ слѣдить за вами, и на какую бы честную работу вы ни пошли, наши рекомендаціи всюду послѣдуютъ за вами. Итакъ, прощайте, друзья мои! Небо да поможетъ вамъ!

Сказавъ это, Джемсъ Старръ обнялъ самаго стараго рабочаго копей, глаза котораго были влажны отъ слезъ. Потомъ старосты углекоповъ подошли пожать руку инженера въ то время, какъ углекопы махали шляпами и кричали:

— Прощай, Джемсъ Старръ, нашъ начальникъ и другъ!

Это прощанье должно было оставить неизгладимое воспоминаніе во всѣхъ этихъ честныхъ сердцахъ. Но, наконецъ, углекопы покинули обширный дворъ. Вокругъ Джемса Старра образовалась пустота. Въ послѣдній разъ раздались шаги углекоповъ по черной тропинкѣ, ведшей къ копи Дошаръ, и то шумное оживленіе, которое до сихъ поръ царило въ копяхъ Аберфойля, смѣнилось теперь угрюмою тишиной.

Одинъ только человѣкъ остался около Джемса Старра.

Это былъ староста углекоповъ — Симонъ Фордъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ его сынъ Гарри, мальчикъ лѣтъ 15-ти, который уже нѣсколько лѣтъ работалъ въ глубинѣ шахтъ.

Джемсъ Старъ и Симонъ Фордъ знали и взаимно уважали другъ друга.

— Прощайте, Симонъ! — сказалъ инженеръ.

— Прощайте, мистеръ Джемсъ, — отвѣчалъ надсмотрщикъ за рабочими. — Или, лучше, позвольте мнѣ добавить, до свиданья!

— Да, до свиданья, Симонъ! — сказалъ Джемсъ Старръ.— Вы знаете, что я всегда съ удовольствіемъ увижу васъ и поговорю съ вами о счастливомъ прошломъ нашего стараго Аберфойля!

— Я знаю это, мистеръ Джемсъ!

— Мой домъ въ Эдинбургѣ постоянно открытъ для васъ!

— Эдинбургъ, это далеко! — отвѣчалъ надсмотрщикъ, покачивая головой. — Да, далеко отъ копи Дошаръ!

— Далеко, Симонъ! А гдѣ вы разсчитываете поселиться?

— Да здѣсь же, мистеръ Джемсъ! Мы не оставимъ копи, нашей старой кормилицы, изъ-за того, что молоко у нея пропало! Моя жена, мой сынъ и я — мы устроимся какъ-нибудь такъ, чтобы не разстаться съ нею!

— Итакъ, прощайте, Симонъ! — отвѣчалъ инженеръ, голосъ котораго обнаруживалъ внутреннее волненіе, хотя инженеръ и старался скрыть это.

— Нѣтъ, повторяю вамъ, до свиданья, мистеръ Джемсъ, — отвѣчалъ надсмотрщикъ, — а не прощайте! Я, Симонъ Фордъ, даю вамъ честное слово, что Аберфойль еще увидитъ васъ!

Инженеръ не хотѣлъ лишать старика этой послѣдней надежды. Онъ обнялъ молодого Гарри, который смотрѣлъ на него большими, взволнованными глазами, въ послѣдній разъ пожалъ руку Симона Форда и окончательно оставилъ Аберфойль.

Вотъ что случилось десять лѣтъ тому назадъ, и несмотря на то, что староста углекоповъ выразилъ надежду увидаться еще какъ-нибудь, впослѣдствіи, съ инженеромъ, Джемсъ Старръ въ теченіе всего этого времени ни разу даже и не слышалъ о немъ.

И вотъ, послѣ десятилѣтней разлуки къ нему пришло это письмо отъ Симона Форда, которое убѣждало его немедленно отправиться въ бывшія копи Аберфойля.

„Интересное для него сообщеніе...“ Что бы это такое было? Копь Дошаръ, шахта Яроу! Какія прекрасныя воспоминанія будили въ немъ эти дорогія имена. Да! это было хорошее время,— время труда, борьбы — самое хорошее время въ жизни инженера!

Джемсъ Старръ перечелъ письмо. Онъ вдумывался въ каждую строчку. Онъ сожалѣлъ, что Симонъ Фордъ не прибавилъ ни слова болѣе. Онъ почти сердился на него за то, что тотъ прислалъ такое лаконическое письмо.

Можетъ-быть, старикъ открылъ какой-нибудь новый слой угля? Нѣтъ, это невѣроятно!

Джемсъ Старъ припомнилъ, съ какой тщательностью копи Аберфойля были изслѣдованы передъ окончательнымъ прекращеніемъ работъ. Онъ самъ присутствовалъ при послѣднихъ изысканіяхъ, когда, несмотря на всѣ усилія, не было найдено ни одного слоя угля въ почвѣ, истощенной многолѣтнею эксплоатаціей. Итакъ, Джемсъ Старръ покинулъ копи съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ нихъ нѣтъ болѣе ни куска минеральнаго топлива.

„Нѣтъ, — повторялъ онъ, — нѣтъ! Какъ допустить, чтобы Симону Форду удалось найти то, что ускользнуло отъ всѣхъ моихъ изысканій... Однако, старикъ долженъ прекрасно знать, что въ цѣломъ мірѣ только

это и можетъ меня заинтересовать, и это приглашеніе отправиться въ копь Дошаръ, которое я долженъ сохранить въ тайнѣ...“

Джемсъ Старръ никакъ не могъ понять этого.

Съ другой стороны, инженеръ зналъ Симона Форда за искуснаго углекопа, хорошо знавшаго свое дѣло. Онъ не видалъ его съ того самаго времени, какъ работы въ копяхъ Аберфойля были прекращены. Онъ не зналъ даже, что сталось съ бывшимъ старостой. Онъ не могъ бы сказать ни того, чѣмъ онъ занимается, ни того, гдѣ онъ живетъ вмѣстѣ съ своею женой и сыномъ. Онъ зналъ лишь, что старикъ обѣщалъ ему увидаться съ нимъ въ шахтѣ Яроу и что Гарри, сынъ Симона Форда, весь завтрашній день будетъ ждать его на станціи „Каллендеръ“. Итакъ, нужно было съѣздить въ копь Дошаръ.

— Рѣшено, я ѣду! — сказалъ Джемсъ Старръ, который чувствовалъ, что его возбужденіе съ часу на часъ увеличивалось.

Достойный инженеръ принадлежалъ къ той породѣ страстныхъ людей, умъ которыхъ постоянно кипитъ, какъ вода въ котлѣ, поставленномъ надъ жаркимъ огнемъ. Иногда вода въ такомъ котлѣ бьетъ ключомъ, иногда она бурлитъ потихоньку. Въ этотъ день идеи Джемса Старра кипѣли ключомъ.

Но тутъ случилось совсѣмъ неожиданное происшествіе. Оно было каплей холодной воды, попавшей на разгоряченный мозгъ инженера.

Дѣло было въ томъ, что около 6-ти часовъ вечера, съ третьей почтой, Джемсъ Старръ получилъ второе письмо.

Это письмо было запечатано въ грубомъ конвертѣ, надпись на которомъ принадлежала рукѣ, мало привыкшей къ перу.

Джемсъ Старръ разорвалъ этотъ конвертъ. Въ немъ былъ клочокъ бумаги, пожелтѣвшей отъ времени; казалось, его вырвали изъ какой-нибудь старой тетради, давно уже вышедшей изъ употребленія.

На этой бумагѣ было написано слѣдующее:

„Просятъ инженера Джемса Старра не безпокоиться, такъ какъ письмо Симона Форда потеряло теперь всякое значеніе“.

Подписи не было.

ГЛАВА II.

Дорогой.

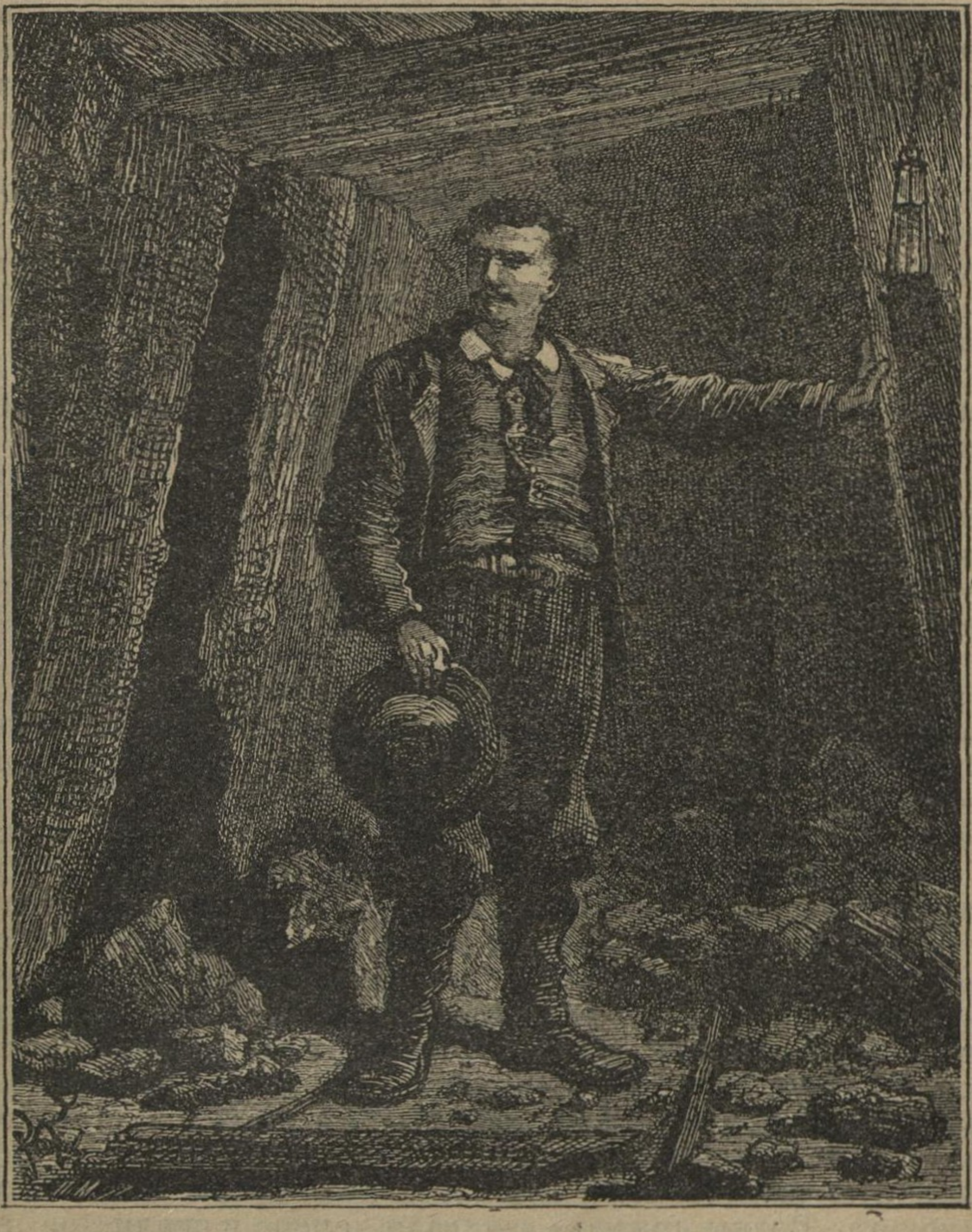
Изумленію Джемса Старра не было границъ, когда онъ прочиталъ это второе письмо, такъ противорѣчившее первому.

„Что все это значитъ?“ — спросилъ онъ самъ себя.

Джемсъ Старръ снова взялъ въ руки разорванный конвертъ. На немъ такъ же, какъ и на конвертѣ перваго письма, былъ штемпель почтоваго отдѣленія въ Аберфойлѣ. Такимъ образомъ, оба письма были отправлены изъ одного и того же пункта, графства Стирлингъ. Тѣмъ не менѣе, второе, очевидно, было написано не старымъ углекопомъ. Не менѣе очевиднымъ, однако, было и то, что авторъ второго письма зналъ тайну бывшаго старосты углекоповъ, потому что онъ ясно говорилъ о томъ предложеніи отправиться въ шахту Яроу, которое было сдѣлано инженеру.

Итакъ, надо ли было вѣрить тому, что первое письмо потеряло теперь всякое значеніе? Можетъ-быть, просто хотѣли помѣшать отъѣзду Джемса Старра въ копи? Не скрывалось ли тутъ какого-нибудь злого умысла разстроить планы Симона Форда?

Вотъ вопросы, которые представились Джемсу Старру по зрѣломъ размышленіи. Противорѣчіе, которое было между обоими письмами



Гарри Фордъ.

возбудило въ немъ еще болѣе страстное желаніе отправиться въ копь Дошаръ. Если во всемъ этомъ не было ничего, кромѣ мистификаціи, то, все-таки, слѣдовало въ этомъ удостовѣриться. Къ тому же Джемсъ Старръ болѣе вѣрилъ первому письму, чѣмъ второму, т. е. болѣе склоненъ былъ исполнить желаніе такого человѣка, какъ Симонъ Фордъ, чѣмъ послушаться предостереженія анонима.

„Въ самомъ дѣлѣ, если желаютъ повліять на мое рѣшеніе, — сказалъ онъ себѣ, — то, значитъ, сообщеніе Симона Форда крайне важно! Завтра я отправлюсь по назначенному адресу!“

Вечеромъ Джемсъ Старръ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ отъѣзду. Такъ какъ могло случиться, что его отсутствіе продолжится нѣсколько дней, то онъ предупредилъ письмомъ сэра В. Эльфистона, президента „Королевскаго Института“, что онъ не будетъ присутствовать въ ближайшемъ засѣданіи общества. Точно такъ же онъ распорядился насчетъ двухъ или трехъ дѣлъ, которыя могли явиться у него на этой недѣлѣ. Потомъ, отдавъ приказаніе своему слугѣ приготовить чемоданъ, онъ легъ спать, болѣе озабоченный всѣмъ этимъ, чѣмъ, можетъ-быть, заслуживало того само дѣло.

На другой день, въ 5 часовъ утра, Джемсъ Старръ вскочилъ съ постели, одѣлся потеплѣе, такъ какъ шелъ холодный дождь, и оставилъ свой домъ на Кэнонгэтѣ, чтобы успѣть сѣсть на Грантонской пристани на пароходъ, который всего въ три часа проходитъ разстояніе между пристанью и Стирлингомъ.

Можетъ-быть, въ первый разъ въ своей жизни, Джемсъ Старръ, проходя по Кэнонгэту *), не обратилъ вниманія на Гомфудъ, этотъ дворецъ прежнихъ властителей Шотландіи. Онъ не замѣтилъ у его входа часовыхъ, одѣтыхъ въ старинный шотландскій костюмъ, состоящій изъ зеленой юбки, клѣтчатаго плаща и мѣшка изъ козьей шкуры, привѣшеннаго къ бедру. Несмотря на свое фанатическое преклоненіе предъ Вальтеръ-Скоттомъ,— преклоненіе, отличающее всякаго истиннаго сына Старой Каледоніи, инженеръ точно такъ же и не взглянулъ на гостиницу, въ которой останавливался Вэверлей и въ которую портной принесъ ему тотъ знаменитый боевой костюмъ изъ тартана, которому такъ наивно удивлялась вдова Флокгартъ. Вопреки обыкновенію, инженеръ не удостоилъ и взглядомъ ту маленькую крѣпость, въ которой послѣ побѣды претендента горцы разрядили свои ружья, при чемъ чуть не убили Флору Макъ-Айворъ. На тюремные часы онъ посмотрѣлъ лишь для того, чтобы удостовѣриться, что онъ еще не опоздалъ. Нужно сознаться также, что, проходя черезъ Нелеръ-Боу, онъ не обратилъ никакого вниманія на домъ великаго реформатора Джона Нокса, единственнаго человѣка, котораго не могли прельстить улыбки Маріи Стюартъ. Но, пройдя черезъ Гай-Стритъ, эту многолюдную улицу, съ такой тщательностью описанную въ „Аббатѣ“, онъ поспѣшилъ къ гигантскому мосту Бриджъ-Стрита, соединяющему три холма Эдинбурга.

Черезъ нѣсколько минутъ Джемсъ Старръ былъ на станціи „Общей желѣзной дороги“, а черезъ полчаса поѣздъ доставилъ его въ Нью-Гавенъ, прекрасную рыбачью деревушку, находящуюся въ милѣ отъ Лиса, порта Эдинбурга. Волны прилива заливали черное и скалистое прибрежье и заходили даже на дамбу. Налѣво стоялъ на якорѣ у Грантонской пристани одинъ изъ тѣхъ пароходовъ, которые совершаютъ рейсы по рѣкѣ Форсу, между Эдинбургомъ и Стирлингомъ.

Въ этотъ моментъ изъ трубы „Принца Уэльсскаго“ (такъ назывался пароходъ) выходили клубы густого чернаго дыма. Черезъ нѣсколько мгновеній раздались удары колокола, и запоздалые пассажиры бѣгомъ

*) Главная и знаменитая улица стараго Эдинбурга.

пустились къ пароходу. Пассажиры были все больше купцы, фермеры или священники; послѣднихъ легко было узнать по ихъ короткимъ панталонамъ, длиннымъ сюртукамъ и узкой бѣлой полоскѣ рубашки вокругъ шеи.

Джемсъ Старръ не послѣднимъ еще сѣлъ на пароходъ. Несмотря на то, что лилъ проливной дождь, никто изъ пассажировъ и не подумалъ укрыться отъ непогоды въ общей каютѣ парохода. Всѣ они неподвижно сидѣли на палубѣ, закутавшись въ свои дорожные плащи; по временамъ кой-кто изъ нихъ подкрѣплялъ себя глоткомъ джина или виски, „одѣвался изнутри", какъ говорятъ англичане. Раздался послѣдній ударъ колокола, и „Принцъ Уэльсскій" вышелъ изъ небольшого бассейна, который защищалъ его отъ волнъ Сѣвернаго моря.

„Фарсъ изъ Форса"—такъ называютъ заливъ, сѣверные берега котораго занимаетъ графство Файфъ, а южные — графства: Линлитгоу, Эдинбургъ и Годдингтонъ. Собственно онъ представляетъ собою лиманъ *) рѣки Форса. Эта рѣка не имѣетъ большого значенія, но по глубинѣ не уступаетъ Темзѣ или Мерси. Спускаясь съ западныхъ склоновъ Бенъ-Ломонда, она впадаетъ въ море у Кинкардина.

На переѣздъ отъ Грантонской пристани къ концу залива не потребовалось бы много времени, если бы не приходилось то и дѣло высаживать пассажировъ то на томъ, то на другомъ берегу залива. Берега Форса были покрыты городами, деревнями, коттеджами... Джемсъ Старръ, укрывшись отъ дождя подъ широкимъ кожанымъ навѣсомъ надъ палубой, не глядѣлъ на разстилавшійся передъ нимъ пейзажъ. Его болѣе интересовали пассажиры, и онъ старался подмѣтить, не обращаетъ ли онъ на себя особеннаго вниманія какого-нибудь изъ нихъ. Можетъ-быть, на самомъ дѣлѣ, анонимный авторъ второго письма былъ на пароходѣ. Однако, инженеръ не могъ уловить ни одного подозрительнаго взгляда.

Отчаливъ отъ Грантонской пристани, „Принцъ Уэльсскій" направился къ узкому проливу, раздѣляющему два мыса — Южной Квинсферри и Сѣверной Квинсферри; за этимъ проливомъ Форсъ образуетъ озеро, очень удобное для судовъ во сто тоннъ. Въ туманной дали уже вырисовывались снѣговыя вершины Грэмпіэнскихъ горъ.

Вскорѣ пароходъ потерялъ изъ виду деревню Абердуръ, островъ Кольмъ, украшенный развалинами какого-то монастыря XII столѣтія, полуразрушенный замокъ Барнбугль, потомъ Донибристль, гдѣ былъ убитъ зять регента Муррея, потомъ укрѣпленный островокъ Гервей. Онъ прошелъ черезъ проливъ Квинсферри, оставилъ слѣва отъ себя замокъ Розитъ, гдѣ нѣкогда жила та вѣтвь Стюартовъ, съ которою была въ родствѣ мать Кромвеля, миновалъ Блакнессъ-кестль, постоянно укрѣпленный, согласно одной изъ статей договора о вѣчномъ союзѣ между Англіей и Шотландіей, и подошелъ уже къ маленькой гавани Чарльзтоуна, откуда вывозится за границу известь изъ каменоломенъ лорда Эльджина. Наконецъ, „Принцъ Уэльсскій" прибылъ на станцію Кромби-Пойнтъ.

Погода въ это время была очень не завидная. Шелъ сильный дождь и дулъ ужасный вѣтеръ.

---

*) Расширеніе рѣки при впаденіи ея въ море.

Джемсъ Старръ былъ въ нѣкоторомъ безпокойствѣ. Встрѣтитъ ли его въ Каллендерѣ сынъ Симона Форда? Инженеръ зналъ по опыту, что углекопы, привыкшіе къ глубокой тишинѣ своихъ шахтъ, не такъ легко переносятъ дурную погоду, какъ крестьяне. Отъ Каллендера до копи Дошаръ и шахты Яроу было не менѣе четырехъ миль, и это, въ соединеніи съ дурною погодой, легко могло удержать дома сына бывшаго старосты углекоповъ. Къ тому же у инженера не выходила изъ головы мысль о томъ, что, можетъ-быть, второе письмо написано съ вѣдома Симона Форда, и, въ такомъ случаѣ, приглашеніе, сдѣланное въ первомъ письмѣ, было, дѣйствительно, отмѣнено. Собственно говоря, это-то, главнымъ образомъ, его и безпокоило.

Во всякомъ случаѣ, Джемсъ Старръ твердо рѣшилъ, что если Гарри Форда и не окажется въ Каллендерѣ, по прибытіи туда желѣзнодорожнаго поѣзда, то онъ и одинъ отправится въ копь Дошаръ и даже, если понадобится, въ деревню Аберфойль. Тамъ онъ, несомнѣнно, получилъ бы какія-нибудь свѣдѣнія о Симонѣ Фордѣ и ужъ, конечно, узналъ бы, гдѣ живетъ старый углекопъ.

Тѣмъ временемъ, „Принцъ Уэльсскій“ продолжалъ разсѣкать тяжелыя волны своими колесами. Густой туманъ и проливной дождь скрывали изъ виду пассажировъ тѣ мѣстности, мимо которыхъ они проѣзжали. Они не видали ни деревни Кромби, ни Торриберна, ни Торригауза, ни Ньюмилльса, ни Корриденгауза, ни Киркгранжа, ни Сольтпэнса. Гавань Боуниссъ, гавань Грэнжмаутъ, старинный замокъ Кюльроссъ и аббатство Сито, Кинкардинъ и его лѣсные склады, Эрчкэстль и его башня XIII столѣтія, Клакманнанъ и его замокъ, построенный Робертомъ Брюсомъ, — тоже остались незамѣченными.

„Принцъ Уэльсскій“ остановился у пристани въ Аллоа и высадилъ тутъ нѣсколько пассажировъ. Сердце Джемса Старра сжалось, когда онъ, послѣ десятилѣтняго отсутствія, снова очутился вблизи этого маленькаго городка, въ которомъ были значительныя копи, кормившія нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ рукъ. Его воображеніе унесло его въ глубину этихъ шахтъ, въ которыхъ неустанно работали кирки углекоповъ. Эти копи въ Аллоа, находившіяся почти рядомъ съ копями въ Аберфойлѣ, продолжали обогащать графство; между тѣмъ, какъ въ Аберфойлѣ, въ продолженіе уже столькихъ лѣтъ, не насчитывалось ни одного рабочаго.

По выходѣ изъ Аллоа пароходъ пошелъ по многочисленнымъ извилинамъ рѣки Форса, которыя тянутся на протяженіи 19-ти миль. Въ одно мгновенье промелькнули развалины аббатства Кембескеннета, основаніе котораго относится къ XII столѣтію. Потомъ показались замокъ Стирлингъ и королевскій дворецъ этого имени. Въ этомъ мѣстѣ черезъ Форсъ перекинуты два моста, и суда съ высокими мачтами не могутъ проходить дальше.

Едва „Принцъ Уэльсскій“ причалилъ къ берегу, какъ инженеръ поспѣшилъ выйти на набережную. Черезъ пять минутъ онъ подходилъ къ желѣзнодорожной станціи въ Стирлингѣ. Черезъ часъ онъ выходилъ изъ вагона въ Каллендерѣ, большой деревнѣ, расположенной на лѣвомъ берегу рѣки Тэ.

Тамъ, у желѣзнодорожной станціи, стоялъ какой-то молодой человѣкъ, который тотчасъ же подошелъ къ инженеру.

Это былъ Гарри, сынъ Симона Форда.

ГЛАВА III.

Подъ почвой Соединенныхъ Королевствъ.

Для болѣе яснаго пониманія этого разсказа, считаемъ необходимымъ напомнить читателю въ нѣсколькихъ словахъ о происхожденіи каменнаго угля.

Въ ту геологическую эпоху, когда земной шаръ находился еще въ періодѣ формаціи, его окружала густая атмосфера, вся насыщенная водяными парами и угольною кислотой. Постепенно сгущаясь, эти пары пролились, наконецъ, на землю обильнымъ дождемъ; о количествѣ влаги, упавшей тогда на землю, можно составить себѣ приблизительное понятіе, если вообразить, что сразу разбилось нѣсколько милліоновъ милліардовъ бутылокъ съ сельтерской водой. Вся эта масса воды, насыщенной угольной кислотой, попала на почву вязкую, мало окрѣпшую, находившуюся еще въ полужидкомъ состояніи, которое поддерживалось какъ извнѣ — знойными лучами палящаго солнца, такъ и изнутри — огнемъ, который бушевалъ внутри земли и не отошелъ еще къ центру земного шара, гдѣ онъ находится теперь. Внутренняя теплота земли свободно проникала тогда сквозь поры тонкаго и незатвердѣвшаго слоя земной коры. Слѣдствіемъ этого было существованіе на землѣ роскошной растительности, подобную которой можно бы теперь, пожалуй, видѣть только на такихъ планетахъ, какъ Венера или Меркурій, которыя не на такомъ далекомъ разстояніи отъ солнца, какъ земля.

Итакъ, неотвердѣвшая еще почва обоихъ полушарій покрылась огромными лѣсами. Угольной кислоты, которая такъ нужна была для растеній, было въ изобиліи. Поэтому растительное царство на землѣ было представлено въ это время одними деревьями. Ни травки ни кустика — нигдѣ не было. Повсюду высились огромныя массивныя деревья, на которыхъ не было ни цвѣтовъ ни плодовъ, которыя утомляли глазъ своимъ однообразіемъ и не могли прокормить ни одного живого существа. Земля не была еще подготовлена къ появленію на ней животнаго царства.

Въ составъ этихъ допотопныхъ лѣсовъ входили, главнымъ образомъ, растенія изъ класса сосудистыхъ тайнобрачныхъ. Каламиты, разнообразные древовидные хвощи, лепидодендроны, родъ гигантскихъ плауновъ, вышиною въ 25 или 30 метровъ и въ метръ шириною у основанія, астерофилы, папоротники гигантскихъ размѣровъ, отпечатки которыхъ нашли въ копяхъ Сентъ-Этьена,— вотъ тѣ растенія, изъ которыхъ почти исключительно состояли лѣса этой эпохи. Подобныя этимъ растеніямъ можно найти и на теперешней землѣ, но только среди самыхъ скромныхъ представителей растительнаго царства.

Эти деревья погружали тогда свои корни въ почву, глубоко пропитанную влагой. Они жадно впитывали въ себя углеродъ, отъ котораго они мало-по-малу освобождали атмосферу, и можно сказать, что они

были предназначены къ тому, чтобы перенести его, подъ видомъ каменнаго угля, въ нѣдра земли.

Въ самомъ дѣлѣ, это была эпоха землетрясеній, тѣхъ сотрясеній почвы, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ внутреннимъ переворотамъ или вулканической работѣ, которыя въ одно мгновеніе измѣняли очертанія земной поверхности. Тутъ холмы превращались въ горы, тамъ появлялись бездонныя пропасти, которымъ предстояло обратиться въ океаны или моря. Иногда цѣлые лѣса проваливались сквозь тонкій слой земной коры и уходили вглубь до тѣхъ поръ, пока не находили твердой точки опоры, въ видѣ какихъ-нибудь первобытныхъ гранитныхъ скалъ.

Геологическое зданіе въ нѣдрахъ земли рисуется въ такомъ видѣ: на самомъ низу лежитъ первобытная почва, надъ которой расположены слои первичной формаціи; затѣмъ идутъ слои вторичной формаціи, нижнюю часть которыхъ составляютъ залежи каменнаго угля; затѣмъ — слои третичной формаціи, и надъ ними наносная земля древняго и новаго происхожденія.

Въ эту эпоху вòды, которыхъ не сдерживало никакое русло и которыхъ было въ изобиліи на всѣхъ пунктахъ земного шара, неслись повсюду, отрывая отъ едва образовавшихся скалъ то, что послужило впослѣдствіи для образованія шифера, песчаника, известняка... Съ теченіемъ времени,— періоды времени тутъ надо считать милліонами лѣтъ,— эти обломки затвердѣли и подъ тяжелою броней изъ шифера, твердаго и рыхлаго песчаника, гравія и кремня похоронили цѣлую массу осѣвшихъ лѣсовъ.

Что же произошло въ этомъ гигантскомъ горнилѣ, гдѣ скопилась такая масса растительныхъ веществъ, провалившихся сквозь тонкій слой земной коры? Произошло настоящее химическое явленіе, нѣчто въ родѣ дистилляціи. Весь углеродъ, который содержали эти растенія, скопился, и изъ него мало-по-малу образовался каменный уголь, благодаря двойному вліянію огромнаго давленія и высокой температуры, которая происходила отъ близости подземнаго огня, еще не успѣвшаго въ эту эпоху отойти въ центръ земного шара.

Такимъ образомъ одно царство замѣнялось другимъ, въ этомъ медленномъ, но ничѣмъ непредотвратимомъ процессѣ. Царство растительное обращалось въ минеральное. Всѣ эти растенія, которыя прежде жили растительной жизнью, теперь окаменѣли. Нѣкоторыя изъ существъ, заключенныхъ въ этомъ обширномъ гербаріи и не успѣвшихъ еще окончательно обратиться въ минералы, оставляли свой отпечатокъ на тѣхъ, которыя минерализовались скорѣе и надавливали на нихъ всей своей тяжестью гигантскаго гидравлическаго пресса. Точно такъ же раковины, различные зоофиты, въ родѣ морскихъ звѣздъ, полиповъ и спириферъ, даже рыбы и ящерицы, увлекаемыя водой, оставляли на углѣ, тогда еще мягкомъ, свой отпечатокъ, въ ясномъ и отчетливомъ видѣ сохранившійся и до нашихъ дней *).

*) Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ тѣ растенія, отпечатки которыхъ были найдены, принадлежатъ къ тѣмъ классамъ представителей, которыхъ можно и въ настоящее время встрѣтить въ тропическихъ странахъ. Отсюда можно заключить, что въ ту отдаленную эпоху температура повсюду на землѣ была одинаковая, благодаря, по

Давленіе, какъ кажется, играло значительную роль въ образованіи залежей каменнаго угля. Дѣйствительно, ему именно обязаны своимъ происхожденіемъ различные виды каменнаго угля, употребляющіеся въ промышленности. Такъ, въ самыхъ низкихъ слояхъ каменноугольной почвы лежитъ антрацитъ, который, почти совсѣмъ не имѣя въ своемъ составѣ летучихъ веществъ, содержитъ весьма значительное количество углерода. Наоборотъ, въ самыхъ верхнихъ слояхъ находятся лигнитъ и ископаемое дерево, т. е. вещества, въ которыхъ количество углерода значительно меньше. Между антрацитомъ и лигнитомъ идетъ цѣлый рядъ слоевъ, въ которыхъ расположены,— выше или ниже, смотря по степени бывшаго давленія,— жилы графита и жирнаго или сухого каменнаго угля. Можно даже положительно сказать, что торфяныя болота сохранились въ ихъ настоящемъ видѣ благодаря лишь отсутствію давленія.

Итакъ, повсюду на землѣ залежи каменнаго угля появились такимъ образомъ: сначала земля поглотила гигантскіе лѣса геологической эпохи, потомъ съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ давленія и высокой температуры и подъ дѣйствіемъ угольной кислоты, поглощенныя землею растенія обратились въ минералы.

Однако, щедрая въ иныхъ случаяхъ природа зарыла въ землю лѣсовъ не такъ ужъ много, чтобы образовавшагося изъ нихъ угля хватило для потребностей человѣка на цѣлыя тысячелѣтія. Наступитъ день, когда угля не станетъ, — это несомнѣнно. Тогда машины всего міра принуждены будутъ прекратить свою работу, если только какое-нибудь новое топливо не замѣнитъ къ тому времени угля. Въ эту болѣе или менѣе отдаленную эпоху не будетъ уже залежей угля, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя покрыты вѣчными льдами въ Гренландіи и по берегамъ Баффинова залива и эксплоатація которыхъ почти невозможна. Это грозное будущее неизбѣжно. Богатыя американскія залежи, лежащія по берегамъ Большого Соленого озера и въ Калифорніи, со временемъ истощатся. Та же участь постигнетъ копи Капъ-Бретона и Св. Лаврентія, залежи Аллеганскихъ горъ, Пенсильваніи, Виргиніи, Иллинойса, Индіаны и Миссури. Несмотря на то, что залежи Сѣверной Америки вдесятеро значительнѣе залежей всего свѣта, не пройдетъ и ста вѣковъ, какъ прожорливое чудовище промышленности уже поглотитъ послѣдній на всемъ земномъ шарѣ кусокъ каменнаго угля.

Разумѣется, недостатокъ въ каменномъ углѣ почувствуется прежде всего въ Старомъ Свѣтѣ. Хотя минеральнаго топлива довольно много въ Абиссиніи, въ Землѣ Наталь, по берегамъ рѣки Замбези, въ Мозамбикѣ и на островѣ Мадагаскарѣ, но добываніе его тамъ сопряжено съ большими затрудненіями. Копи Бирмы, Китая, Кохинхины, Японіи и центральной Азіи будутъ истощены довольно скоро. Драгоцѣнный минералъ въ изобиліи содержится въ почвѣ Австраліи; но англичане не дадутъ ему улежать тамъ и до того времени, когда его не станетъ въ

всей вѣроятности, тому, что подземный огонь былъ близокъ къ земной поверхности. Этимъ, въ свою очередь, объясняется нахожденіе залежей каменнаго угля во всякихъ широтахъ.

самой Великобританіи. Еще раньше исчезнетъ онъ изъ континентальныхъ государствъ Европы.

По слѣдующимъ цифрамъ можно судить о количествахъ угля, потребовавшагося для человѣка со времени открытія первыхъ залежей. Залежи Россіи, Саксоніи и Баваріи занимаютъ пространство въ 600000 гектаровъ, Испаніи — въ 150000 гектаровъ, Богеміи и Австріи — въ 150000. Въ Бельгіи каменный уголь встрѣчается въ окрестностяхъ Льежа, Намура, Монса и Шарлеруа; въ общемъ онъ занимаетъ тутъ территорію въ 4 мили длиною и въ 3 шириною, т. е. приблизительно тоже 150000 гектаровъ. Во Франціи углемъ изобилуютъ: бассейнъ рѣкъ Луары и Роны, Ривъ-де-Жье, С. Этьенъ, Живоръ, Эпинакъ, Бланзи, Крезо, Гаръ, Але, Гранкомбъ, Кармо, Бассакъ, Грессакъ, Анзенъ, Валансьенъ, Лансъ и Бетюнъ; всѣ эти мѣстности составляютъ территорію почти въ 350000 гектаровъ.

Соединенныя Королевства, безспорно, страна, самая богатая каменнымъ углемъ. Они, за исключеніемъ Ирландіи, въ которой почти совсѣмъ нѣтъ минеральнаго топлива, владѣютъ огромными залежами; но это богатство такъ же истощается, какъ и всякое другое. Самыя большія изъ ихъ залежей находятся въ Ньюкэстлѣ, въ графствѣ Нортумберландъ, и даютъ ежегодно до 30 милліоновъ тоннъ угля, т. е. почти треть того, что требуется для Англіи, и вдвое больше того количества угля, которое добывается во Франціи. Копи Уэльса, который переполненъ углекопами въ Кардифѣ и Ньюпортѣ, даютъ ежегодно 10 милліоновъ тоннъ превосходнаго угля. Еще больше даютъ въ общемъ копи графствъ: Іоркскаго, Ланкастерскаго, Дерби и Стаффорда. Наконецъ, въ той части Шотландіи, которая расположена между Эдинбургомъ и Глэсго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ два моря такъ глубоко врѣзываются въ островъ, расположены также обширныя копи. Въ общемъ въ Великобританіи каменнымъ углемъ изобилуетъ территорія, занимающая не менѣе 1600000 гектаровъ и доставляющая ежегодно до 100 милліоновъ тоннъ чернаго топлива.

Но какъ бы велики ни были эти богатства, человѣкъ пользуется ими такъ расточительно, что наступитъ нѣкогда день, когда они истощатся. Не окончится еще третье тысячелѣтіе христіанской эры, какъ рука европейскаго углекопа уже опустошитъ тѣ склады, въ которыхъ, по одному мѣткому выраженію, сосредоточилась солнечная теплота первыхъ дней мірозданія *).

Именно въ ту эпоху, къ которой относится этотъ разсказъ, одна изъ важнѣйшихъ шотландскихъ копей была уже истощена, благодаря

---

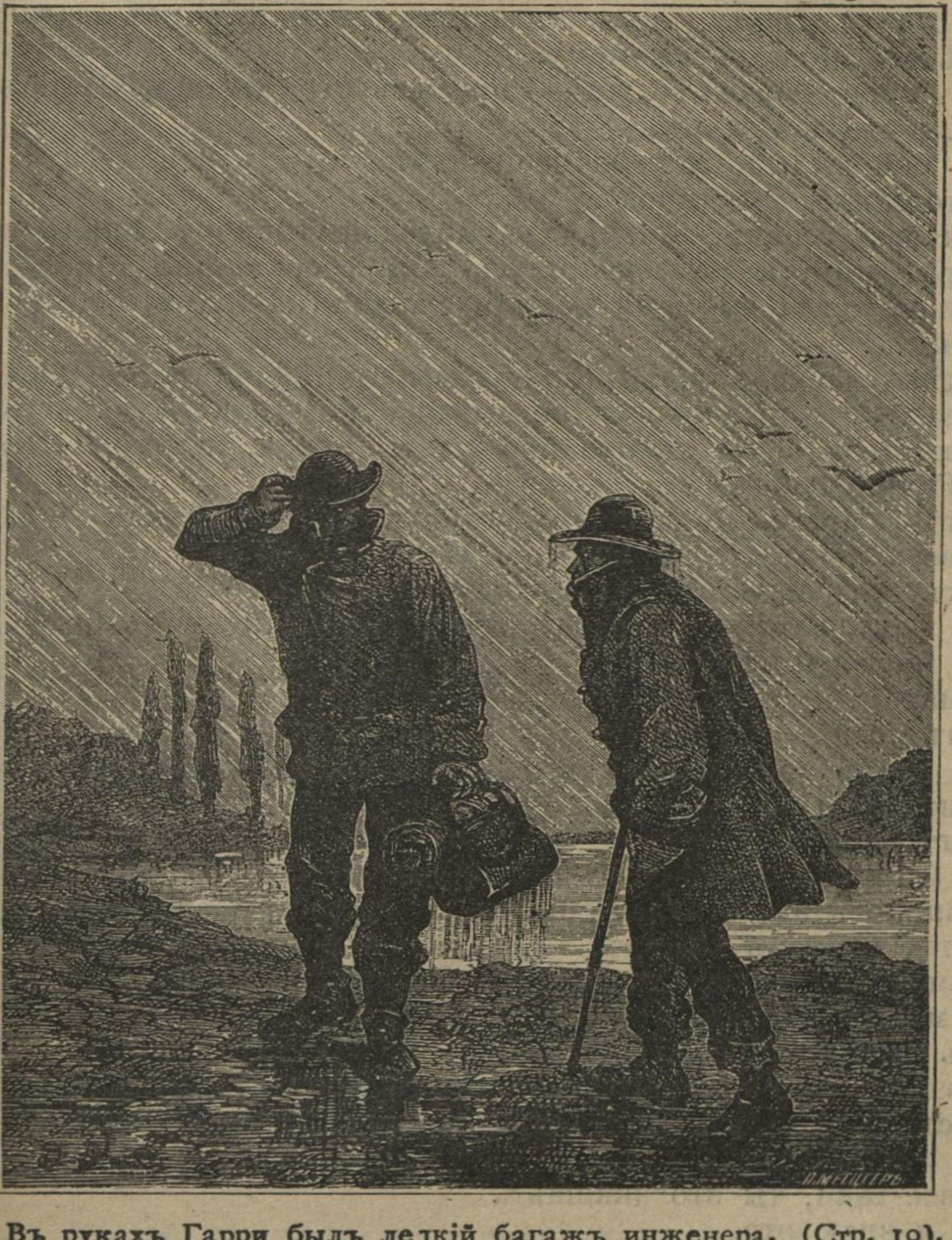
*) Вотъ сколько времени, судя по послѣднимъ исчисленіямъ, въ которыхъ принято въ расчетъ прогрессивное возрастаніе потребленія угля, потребуется для исчезновенія изъ Европы минеральнаго топлива:

Во Франціи	1140	лѣтъ.
Въ Англіи	800	„
Въ Бельгіи	750	„
Въ Германіи	300	„

Что касается Америки, то, считая, что тамъ ежегодно потребляется 500 милліоновъ тоннъ угля, приходятъ къ заключенію, что въ американскихъ залежахъ хватитъ угля на 6000 лѣтъ.

слишкомъ усердной эксплоатаціи. Это была копь Аберфойля, работами въ которой такъ долго руководилъ инженеръ Джемсъ Старръ.

Работы въ копяхъ Аберфойля были прекращены уже десять лѣтъ тому назадъ. Новыхъ слоевъ каменнаго угля отыскать не могли, несмотря на то, что рыли землю на глубину 1500 и даже 2000 футовъ.



Въ рукахъ Гарри былъ легкій багажъ инженера. (Стр. 19).

Джемсъ Старръ оставилъ копи съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ нихъ нѣтъ ни куска угля.

Итакъ, читателю очевидно, что при такомъ положеніи дѣла открытіе новыхъ залежей въ почвѣ Англіи было бы очень важнымъ событіемъ. Ужъ не удалось ли Симону Форду сдѣлать это открытіе?—вотъ о чемъ спрашивалъ себя Джемсъ Старръ,—вотъ на что онъ желалъ надѣяться.

Онъ хотѣлъ вѣрить, что его зовутъ на разработку новаго уголка Черной Индіи.

Правда, второе письмо сбивало его нѣсколько съ толку, но теперь онъ не хотѣлъ о немъ и думать. Сынъ стараго углекопа ожидалъ его на станціи, слѣдовательно, анонимное письмо не имѣло никакого значенія.

Въ ту самую минуту, какъ инженеръ выходилъ изъ вагона, молодой человѣкъ подошелъ къ нему.

— Ты Гарри Фордъ? — живо спросилъ его Джемсъ Старръ.

— Да, мистеръ Старръ.

— Ну, мой милый, я тебя не узналъ бы. Въ эти десять лѣтъ ты сталъ настоящимъ мужчиной!

— А я васъ узналъ, — отвѣчалъ молодой углекопъ, снявъ шляпу.— Вы, мистеръ, ничуть не измѣнились. Вы совершенно такой же, какъ въ тотъ день, когда вы меня обняли въ копи Дошаръ! Такія вещи не забываются!

— Надѣнь же шляпу, Гарри! — сказалъ инженеръ. — Дождь льетъ какъ изъ ведра, и вѣжливость не должна доводить до простуды!

— Можетъ-быть, вы хотите переждать дождь, мистеръ Старръ? — спросилъ Гарри Фордъ.

— Нѣтъ, Гарри! Не къ чему терять время! Дождь будетъ лить пожалуй, весь день, а мнѣ некогда. Идемъ!

— Какъ хотите, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну, какъ поживаетъ отецъ твой, Гарри? Здоровъ онъ?

— Да, мистеръ Старръ.

— А мать?..

— Мать тоже.

— Это отецъ твой написалъ мнѣ письмо, въ которомъ приглашалъ меня въ шахту Яроу?

— Нѣтъ, это я.

— Но Симонъ Фордъ не присылалъ мнѣ другого письма, въ которомъ отмѣнялось это приглашеніе? — съ живостью спросилъ инженеръ.

— Нѣтъ, мистеръ Старръ! — отвѣчалъ молодой углекопъ.

— Прекрасно! — сказалъ Джемсъ Старръ, не касаясь болѣе вопроса объ анонимномъ письмѣ.

Потомъ онъ продолжалъ:

— А ты не знаешь, чего хочетъ отъ меня старый Симонъ?

— Мистеръ Старръ, мой отецъ рѣшилъ самъ сказать вамъ объ этомъ.

— А все-таки, ты это знаешь?..

— Да, я знаю это.

— Прекрасно, Гарри, я ничего больше не спрошу тебя объ этомъ. Скорѣй же въ дорогу, мнѣ хочется поскорѣе увидать Симона Форда... Кстати, гдѣ онъ живетъ?

— Въ копи.

— Какъ! Въ копи Дошаръ?

— Да, мистеръ Старръ! — отвѣчалъ Гарри Фордъ.

— Какъ! Такъ твои родные не оставили старой копи послѣ того, какъ прекратились работы?

— Ни на одинъ день, мистеръ Старръ. Вы знаете отца. Тамъ, гдѣ онъ родился, тамъ онъ хочетъ и умереть!

— Я понимаю это, Гарри... Я понимаю это! Его родная копь! Онъ не хотѣлъ ее оставить! Ну, а вамъ тамъ нравится?..

— Да, мистеръ Старръ, — отвѣчалъ молодой углекопъ. — Мы другъ друга такъ любимъ, да и потребности наши очень скромны!

— Прекрасно, Гарри, — сказалъ инженеръ. — Такъ въ дорогу!

И, слѣдуя за молодымъ человѣкомъ, Джемсъ Старръ направился по улицамъ Каллендера.

Черезъ десять минутъ оба они были уже внѣ этого городка.

ГЛАВА IV.

Копь Дошаръ.

Гарри Фордъ былъ молодой человѣкъ 25-ти лѣтъ, высокаго роста, здоровый, стройный и сильный. Его немного серьезная физіономія, его обыкновенно мечтательная наружность — рѣзко выдѣляли его уже въ раннемъ дѣтствѣ среди его товарищей-углекоповъ. Правильныя черты его лица, его глубокіе и кроткіе глаза, его довольно жесткіе, скорѣе каштановые, чѣмъ бѣлокурые волосы, его природная грація — все это дѣлало изъ него самый совершенный типъ настоящаго lowlander'а, т. е. жителя равнинъ Шотландіи. Привыкшій съ самаго нѣжнаго возраста къ тяжелому физическому труду въ копяхъ, онъ въ настоящее время былъ надежнымъ товарищемъ, славнымъ и добрымъ малымъ. Руководимый своимъ отцомъ и побуждаемый своими собственными инстинктами, онъ работалъ надъ собой и учился во всякую свободную минуту. Благодаря этому, онъ еще въ годы ученья успѣлъ выдвинуться и стать однимъ изъ первыхъ въ своемъ сословіи въ той странѣ, гдѣ такъ мало невѣждъ, потому что она употребляетъ всѣ усилія для искорененія невѣжества. Если рука Гарри Форда, въ годы его ранней юности, и не выпускала кирки углекопа, то, все-таки, молодой углекопъ успѣлъ пріобрѣсти достаточно познаній для того, чтобы со временемъ занять болѣе видное мѣсто въ іерархіи копей, и ужъ, конечно, онъ наслѣдовалъ бы своему отцу въ его званіи старосты копи Дошаръ, если бы работы въ копяхъ не прекратились.

Джемсъ Старръ былъ еще хорошимъ ходокомъ, но, все-таки, не поспѣвалъ бы за своимъ провожатымъ, если бы тотъ не умѣрялъ своихъ шаговъ.

Дождь шелъ въ это время уже не съ прежнею силой. Его крупныя капли, еще не дойдя до земли, превращались въ мелкую водяную пыль подъ дѣйствіемъ вѣтра.

Гарри Фордъ и Джемсъ Старръ прошли по лѣвому берегу рѣки около мили. Въ рукахъ молодого человѣка былъ легкій багажъ инженера. Оставивъ потомъ рѣку въ сторонѣ, они углубились внутрь страны. Предъ ними повсюду разстилались обширныя пастбища, окружавшія уединенныя фермы. Тамъ и сямъ спокойно паслись стада на вѣчно зеленой травѣ этихъ луговъ южной Шотландіи. То были большей частью безрогія коровы или маленькія овечки съ шелковистой шерстью,

очень похожія на дѣтскія игрушки. Не было видно ни одного пастуха, потому что, вѣроятно, всѣ они укрывались отъ дождя въ дуплахъ деревьевъ; но зато colley, эти пастушьи собаки особой породы, которыя такъ славятся своимъ умѣньемъ наблюдать за стадами, были видны всюду на пастбищахъ.

Шахта Яроу находилась отъ Каллендера на разстояніи почти четырехъ миль. Джемсъ Старръ внимательно разсматривалъ мѣстность, по которой онъ теперь шелъ и которой онъ не видалъ съ того самаго дня, какъ послѣдняя тонна угля изъ копей Аберфойля была отправлена по желѣзной дорогѣ въ Глэсго. Тихая земледѣльческая жизнь заняла тутъ мѣсто прежней промышленной, болѣе шумной и болѣе дѣятельной. Контрастъ былъ тѣмъ поразительнѣе, что зимою полевыя работы прекращаются. Но тогда, во всѣ времена года, массы углекоповъ, находившихся и на землѣ и подъ землею, оживляли эту мѣстность. Большія телѣги развозили тутъ уголь и день и ночь. Рельсы, глубоко ушедшіе теперь въ землю благодаря гнилымъ шпаламъ, тогда скрипѣли подъ тяжестью вагоновъ. Въ настоящее время шоссейныя дороги и простыя тропинки замѣнили трамваи, бывшіе въ употребленіи во времена эксплоатаціи угольныхъ копей; Джемсъ Старръ думалъ, что онъ идетъ по пустынѣ.

Итакъ, инженеръ печально смотрѣлъ на окрестность. По временамъ онъ останавливался, чтобы перевести дыханіе. Онъ прислушивался. Въ воздухѣ не слышно уже было былого шума и свиста машинъ. На горизонтѣ не было видно чернаго дыма, на который всякій инженеръ смотритъ съ любовью. Не было видно ни высокихъ цилиндрическихъ или призматическихъ трубъ, изъ которыхъ выходилъ бы дымъ густыми клубами, ни предохранительныхъ клапановъ, которые бы со свистомъ выпускали бѣлый паръ. Самая земля, которая нѣкогда была черна отъ насѣвшей на нее угольной пыли, теперь была чиста, на что непривычный глазъ Джемса Сторра смотрѣлъ лишь съ сожалѣніемъ.

Всякій разъ, какъ инженеръ останавливался, останавливался и Гарри Фордъ. Молодой углекопъ молча ждалъ. Онъ прекрасно понималъ, что происходило въ душѣ его спутника, и раздѣлялъ его чувства. Онъ тоже былъ сыномъ копей и провелъ въ нихъ бóльшую часть своей жизни.

— Да, Гарри, все это перемѣнилось, — сказалъ, наконецъ, Джемсъ Старръ. — Но должны же были, конечно, истощиться эти копи, изъ которыхъ взяли такую массу угля, ихъ сокровища! Ты жалѣешь о прежнемъ времени?

— Да, я жалѣю о немъ, мистеръ Старръ! — отвѣчалъ Гарри. — Работа была тяжела, но она была интересна, какъ всякая борьба.

— Безъ сомнѣнія, мой милый! Тутъ происходила ежеминутная борьба; тутъ ежеминутно грозили обвалы, пожары, наводненія, взрывы... Нужно было предотвращать эти опасности! Ты вѣрно сказалъ! Это была борьба и, слѣдовательно, настоящая жизнь!

— Углекопы Аллоа болѣе счастливы, чѣмъ углекопы Аберфойля, мистеръ Старръ!

— Да, Гарри, — отвѣтилъ инженеръ.

— Не шутя, я начинаю сожалѣть, — вскричалъ молодой человѣкъ, —

что земной шаръ не весь составленъ изъ угля! Тогда угля хватило бы на цѣлые милліоны лѣтъ!

— Безъ сомнѣнія, Гарри; но нужно сознаться, однако, что природа оказалась очень предусмотрительной, составивъ нашъ сфероидъ, главнымъ образомъ, изъ песка, известняка и гранита, которыхъ огонь не можетъ истребить!

— Вы хотите сказать, мистеръ Старръ, что люди кончили бы тѣмъ, что сожгли бы свой земной шаръ?..

— Да, они сожгли бы его весь, мой милый, — отвѣчалъ инженеръ. — Земля до послѣдняго куска исчезла бы тогда въ печахъ локомотивовъ, локомобилей, пароходовъ, газовыхъ заводовъ, — и вотъ чѣмъ бы кончилъ нашъ міръ въ одинъ прекрасный день!

— Теперь этого нечего бояться, мистеръ Старръ, но зато надо думать, что угольныя копи истощатся скорѣе, чѣмъ этого ожидаетъ статистика!

— Такъ и будетъ, Гарри, и вотъ почему я думаю, что Англіи слѣдовало бы продавать свое топливо другимъ націямъ дороже, чѣмъ на вѣсъ золота!

— И правда! — отвѣчалъ Гарри.

— Я хорошо знаю, — добавилъ инженеръ, — что ни гидравлика ни электричество не сказали еще своего послѣдняго слова и что со временемъ человѣкъ широко воспользуется этими двумя силами. Но что жъ изъ этого?! Уголь тоже очень удобенъ и удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ промышленности! Къ несчастью, люди не могутъ производить его по своему желанію. Если лѣса, которые находятся на землѣ, безпрестанно разрастаются подъ вліяніемъ теплоты и влаги, то этого, къ сожалѣнію, не происходитъ съ подземными лѣсами; и нельзя ожидать, чтобы земной шаръ когда-нибудь снова пришелъ въ такое состояніе, въ которомъ количество ихъ могло бы увеличиться!

Разговаривая, Джемсъ Старръ и его проводникъ пошли быстрѣе. Черезъ часъ послѣ того, какъ они вышли изъ Каллендера, они уже подходили къ копи Дошаръ.

Даже самый равнодушный зритель былъ бы тронутъ печальнымъ видомъ, который представляли покинутыя зданія. Они походили на скелетъ нѣкогда живого существа.

На обширномъ пространствѣ, окруженномъ нѣсколькими тощими деревцами, почва еще исчезала подъ чернымъ слоемъ угольной пыли, но уже не видно было ни куска угля. Все уже давно было подобрано и пошло въ дѣло.

На невысокомъ холмѣ рисовался силуэтъ огромнаго сруба, который медленно разрушали лучи солнца и капли дождя. На верхушкѣ этого сруба былъ укрѣпленъ огромный блокъ, ниже котораго шли толстыя переборки; черезъ нихъ нѣкогда были перекинуты канаты, по которымъ корзины съ углемъ поднимались на поверхность земли.

Въ нижнемъ этажѣ была полуразрушенная комната съ испорченными машинами, стальныя и мѣдныя части которыхъ нѣкогда такъ блестѣли. По землѣ валялись бревна, покрывшіяся мохомъ отъ сырости, остатки насосовъ, сломанныхъ шестерней, подъемныхъ машинъ, длинныхъ лѣстницъ, такъ похожихъ на ребра ихтіозавровъ, рельсовъ на

сгнившихъ шпалахъ, которыя теперь не выдержали бы вѣса пустого вагончика, и т. п. Такова была картина, представившаяся инженеру и его спутнику.

Наружныя отверстія шахтъ поросли мохомъ. Вблизи нихъ виднѣлись остатки корзинъ, а тамъ дальше тянулся большой угольный паркъ, въ который нѣкогда складывали уголь съ тѣмъ, чтобы разсортировать его потомъ, смотря по его величинѣ и качеству. Обломки бочекъ, кривые поршни, мостики, дрожавшіе при малѣйшемъ вѣтрѣ, длинныя коромысла, наклонившіяся надъ отверстіями шахтъ, треснувшія стѣны, полуразрушенныя кровли — все это представляло яркую и печальную картину запустѣнія, производившую такое тяжелое впечатлѣніе, какое не получается ни при видѣ развалинъ древняго рыцарскаго замка, ни при видѣ разрушенной крѣпости.

— Какая жалость! — сказалъ Джемсъ Старръ, взглянувъ на молодого человѣка, который ничего не отвѣтилъ.

Потомъ они оба вошли подъ навѣсъ, прикрывавшій отверстіе шахты Яроу. По лѣстницамъ этой шахты еще можно было спуститься въ самыя нижнія галлереи копи.

Инженеръ наклонился надъ шахтой.

Въ былое время оттуда съ шумомъ выходилъ воздухъ изъ вентиляторовъ, но теперь шахта походила на нѣмую пропасть. Казалось, что стоишь у кратера какого-нибудь потухшаго вулкана.

Джемсъ Старръ и Гарри вступили на первую площадку лѣстницы.

Во время эксплоатаціи копи Аберфойля были обильно снабжены различными остроумными снарядами, приспособленными для спуска въ шахты. Тутъ были корзины съ автоматическими парашютами, скользившими по деревяннымъ рельсамъ, подвижныя лѣстницы, называющіяся „engine-men“ и такъ устроенныя, что давали углекопамъ возможность безопасно спускаться и безъ труда подниматься, и т. п.

Но всѣ эти усовершенствованные аппараты были унесены, лишь только прекратились работы. Только въ шахтѣ Яроу оставался цѣлый рядъ лѣстницъ, отдѣленныхъ узенькими площадками черезъ каждые 50 футовъ. Тридцать такихъ лѣстницъ давали возможность спуститься въ нижнія галлереи копи, на глубину 1500 футовъ. Только такимъ образомъ происходило сообщеніе между глубиною копи Дошаръ и поверхностью земли. Что касается вентиляціи, то она производилась чрезъ шахту Яроу, галлереи которой сообщались съ другой шахтой, у которой отверстіе находилось на болѣе высокомъ уровнѣ. Такимъ образомъ, получался сифонъ, изъ котораго и выходилъ испорченый воздухъ.

— Я слѣдую за тобой, мой милый, — сказалъ инженеръ, давая знакъ молодому человѣку, чтобы онъ шелъ впередъ.

— Какъ вамъ угодно, мистеръ Старръ.

— У тебя есть лампа?

— Да, и дай Богъ, чтобы мы опять стали пользоваться предохранительными лампами, съ которыми мы, бывало, работали!

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ, — теперь тутъ нечего опасаться взрывовъ газа!

У Гарри была простая маленькая лампа, фитиль которой онъ и зажегъ. Въ копяхъ, лишенныхъ угля, не могли образоваться струи углеводороднаго газа. Поэтому нечего было опасаться взрыва и не къ чему

было отдѣлять пламя отъ окружающаго воздуха металлическимъ колпачкомъ, который мѣшаетъ соединенію газа съ огнемъ. Усовершенствованная лампа Дэви была тутъ не нужна. Но если опасности и не было, то это потому, что исчезла ея причина, а вмѣстѣ съ этой причиной исчезло и минеральное топливо, которое нѣкогда составляло богатство копи Дошаръ.

Гарри сошелъ по первымъ ступенькамъ верхней лѣстницы. Джемсъ Старръ послѣдовалъ за нимъ. Вскорѣ они оба очутились среди глубокой тьмы, которую слабо освѣщалъ лишь огонекъ лампы. Молодой человѣкъ держалъ лампу надъ головой, чтобы лучше освѣтить путь своему спутнику.

Инженеръ и его проводникъ мѣрнымъ шагомъ, столь обычнымъ углекопамъ, прошли уже десять лѣстницъ. Всѣ онѣ были еще въ довольно хорошемъ состояніи.

Джемсъ Старръ съ любопытствомъ смотрѣлъ на все то, что слабый свѣтъ лампы позволялъ ему видѣть на стѣнахъ мрачной шахты, которыя были еще обшиты досками, наполовину уже сгнившими.

Дойдя до пятнадцатой площадки, т. е. пройдя половину дороги, наши путники остановились, чтобы немного перевести духъ.

— Рѣшительно у меня нѣтъ твоихъ ногъ, мой милый, — сказалъ инженеръ, глубоко вдыхая въ себя воздухъ. — Но, все-таки, я могу еще ходить!

— Вы еще очень сильны, мистеръ Старръ, — отвѣчалъ Гарри. — Вотъ что значитъ прожить много лѣтъ въ копяхъ.

— Ты правъ, Гарри. Если бы мнѣ было 20 лѣтъ, я въ одинъ мигъ очутился бы на днѣ копи... Ну, теперь въ путь!

Но въ этотъ самый моментъ, какъ они оба собирались оставить площадку, на которой они отдыхали, далеко въ глубинѣ шахты раздался чей-то голосъ. Голосъ приближался, подобно рокоту волны, которая ежеминутно растетъ, и становился все яснѣе и яснѣе.

— Э! Кто это тамъ? — спросилъ инженеръ, останавливая Гарри.

— Не знаю, — отвѣчалъ молодой углекопъ.

— Это не отецъ твой?..

— Онъ? Нѣтъ, мистеръ Старръ!

— Такъ какой-нибудь вашъ сосѣдъ?..

— У насъ нѣтъ сосѣдей на днѣ копи, — отвѣчалъ Гарри. — Мы тамъ одни, совершенно одни.

— Однако, намъ надо пропустить этого незнакомца, — сказалъ Джемсъ Старръ. — Тѣ, которые спускаются, должны уступать дорогу тѣмъ, которые взбираются.

Оба они остановились въ ожиданіи.

Голосъ звучалъ въ это время такъ красиво, какъ будто онъ раздавался въ обширномъ акустическомъ залѣ, и вскорѣ до слуха молодого углекопа довольно ясно долетѣло нѣсколько словъ изъ одной шотландской пѣсни.

— Пѣсня озеръ! — вскричалъ Гарри. — А! Такъ это идетъ Жакъ Ріанъ.

— Кто такой этотъ Жакъ Ріанъ, который такъ прекрасно поетъ? — спросилъ Джемсъ Старръ.

— Мой бывшій товарищъ по копямъ, — отвѣчалъ Гарри.

Потомъ онъ закричалъ:

— Эй! Жакъ!

— Это ты, Гарри? — раздался отвѣтъ. — Подожди меня, я сейчасъ приду!

И снова полилась пѣсня.

Черезъ нѣсколько многовеній высокій молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, съ веселымъ лицомъ, улыбающимися глазами и бѣлокурыми волосами, показался изъ глубины и ступилъ на площадку пятнадцатой лѣстницы.

Его первымъ движеніемъ было крѣпко пожать руку, которую протянулъ ему Гарри.

— Какъ я радъ, что тебя встрѣтилъ! — вскричалъ онъ. — Но, клянусь святымъ Мунго, если бы я зналъ, что ты былъ сегодня на поверхности земли, то не спустился бы въ шахту Яроу!

— Мистеръ Джемсъ Старръ, — сказалъ тутъ Гарри, освѣтивъ своею лампой инженера, который былъ до тѣхъ поръ въ тѣни.

— Мистеръ Старръ! — воскликнулъ Жакъ Ріанъ. — Ахъ, господинъ инженеръ, я васъ не узналъ бы! Съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ работать въ копи, мои глаза отвыкли видѣть въ темнотѣ.

— А! Я припоминаю теперь мальчугана, который постоянно пѣлъ. Это было десять лѣтъ тому назадъ, мой милый!.. Такъ это былъ ты?

— Я самый, мистеръ Старръ, и, какъ видите, я хоть и перемѣнилъ свое ремесло, но не перемѣнилъ характера. Ба! Смѣяться и пѣть, это гораздо лучше, какъ я думаю, чѣмъ плакать и охать!

— Безъ сомнѣнія, Жакъ Ріанъ!.. А что ты подѣлываешь послѣ того, какъ оставилъ копь?

— Я работаю на фермѣ Мельрозъ, возлѣ Ирвина, въ графствѣ Ранфрэ, за сорокъ миль отсюда. Ахъ, это далеко не то, что наши копи въ Аберфойлѣ. Кирка больше шла ко мнѣ, чѣмъ лопата или соха. И потомъ въ старой копи эхо весело повторяло пѣсни, между тѣмъ, какъ тамъ, наверху... Но вы, кажется, идете къ старому Симону, мистеръ Старръ?

— Да, Жакъ, — отвѣчалъ инженеръ.

— Извините, такъ я васъ задерживою...

— А зачѣмъ, Жакъ, — спросилъ тутъ Гарри, — приходилъ ты сегодня въ нашъ коттеджъ?

— Я хотѣлъ повидать тебя, товарищъ, — отвѣчалъ Жакъ Ріанъ, — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пригласить тебя на праздникъ Ирвинскаго клана. Ты знаешь, я тамъ играю на волынкѣ! Будутъ пѣть и танцовать!

— Спосибо, Жакъ, но я не могу.

— Не можешь?

— Да; мистеръ Старъ, можетъ-быть, поживетъ у насъ, а я долженъ снова проводить его въ Каллендеръ.

— Э, Гарри! До праздника остается еще цѣлая недѣля. Къ тому времени, я думаю, мистеръ Старръ уѣдетъ, и, слѣдовательно, ничто тебя не задержитъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, Гарри, — замѣтилъ Джемсъ Старръ, — тебѣ не мѣшало бы воспользоваться приглашеніемъ твоего товарища Жака!

— Хорошо, я согласенъ, Жакъ, — сказалъ Гарри. — Черезъ недѣлю мы увидимся съ тобой на праздникѣ въ Ирвинѣ.

— Прекрасно! Такъ черезъ недѣлю! — отвѣчалъ Жакъ Ріанъ. — До свиданья, Гарри! Вашъ покорный слуга, мистеръ Старръ! Я очень радъ, что снова увидалъ васъ! Я сообщу всѣмъ друзьямъ, что вы живы и здоровы. Никто не забылъ васъ, господинъ инженеръ!

— И я никого не забылъ, — сказалъ Джемсъ Старръ.

— Большое вамъ спасибо, мистеръ, — отвѣчалъ Жакъ Ріанъ.

Копь «Дошаръ». (Стр. 21).

— До свиданья, Жакъ, — сказалъ Гарри, въ послѣдній разъ пожимая руку своего товарища.

И Жакъ Ріанъ съ прежней пѣснью вскорѣ скрылся изъ виду.

Черезъ четверть часа, Джемсъ Старръ и Гарри спустились съ послѣдней лѣстницы и очутились на самомъ днѣ копи.

Вокругъ той площадки, которая составляла дно шахты Яроу, шли

во всѣхъ направленіяхъ галлереи, служившія при эксплоатаціи копей. Онѣ были прорыты въ слояхъ шифера и песчаника, и стѣны ихъ были покрыты или толстыми бревнами, слегка обтесанными, или камнемъ. Тьма царила теперь въ этихъ галлереяхъ, въ былое время освѣщавшихся лампами углекоповъ или даже электричествомъ, которое стало употребляться въ копяхъ въ послѣдніе годы ихъ эксплоатаціи. Въ мрачныхъ тоннеляхъ не стало теперь слышно ни скрипа вагончиковъ, бѣжавшихъ по рельсамъ, ни голосовъ углекоповъ, ни ржанія лошадей и и муловъ, ни стука кирки...

— Не хотите ли отдохнуть немножко, мистеръ Старръ? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, мой милый, — отвѣчалъ инженеръ, — я спѣшу увидать коттеджъ стараго Симона.

— Такъ идемте, мистеръ Старръ! Я пойду впереди, хотя я увѣренъ, что вы сами нашли бы дорогу въ этомъ мрачномъ лабиринтѣ галлерей.

— Да, конечно... Я еще представляю себѣ весь планъ бывшихъ копей.

Держа лампу надъ головой, чтобы лучше освѣтить путь инженеру, который шелъ сзади, Гарри углубился въ высокую галлерею, похожую на притворъ каѳедральнаго собора. Ноги обоихъ путниковъ то и дѣло задѣвали за деревянныя шпалы, на которыхъ во время эксплоатаціи лежали рельсы.

Но едва они прошли шаговъ 50, какъ вдругъ огромный камень упалъ къ ногамъ Джемса Старра.

— Берегитесь, мистеръ Старръ! — вскричалъ Гарри, схвативъ инженера за руку.

— Камень, Гарри! А! Такъ эти старые своды не очень прочны...

— Мистеръ Старръ, — отвѣчалъ Гарри Фордъ, — мнѣ кажется, что камень былъ брошенъ... и брошенъ рукою человѣка!..

— Брошенъ! — вскричалъ Джемсъ Старръ. — Что ты хочешь сказать, мой милый?

— Ничего, ничего... мистеръ Старръ, — уклончиво отвѣтилъ Гарри, взглядъ котораго, сдѣлавшійся серьезнымъ, казалось, хотѣлъ проникнуть внутрь этихъ толстыхъ стѣнъ. — Будемъ продолжать нашъ путь. Держитесь за меня, пожалуйста, и не оступитесь.

— Хорошо, Гарри!

И оба они пошли дальше. Гарри все время смотрѣлъ впередъ, стараясь направить свѣтъ своей лампы въ самую глубь галлереи.

— Скоро мы придемъ? — спросилъ инженеръ.

— Минутъ черезъ десять.

— Прекрасно.

— Но, — пробормоталъ Гарри, — это очень странно! Со мною это въ первый разъ случается. Нужно же было, чтобы этотъ камень упалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы проходили!..

— Это простой случай, Гарри!

— Случай!.. — отвѣчалъ молодой человѣкъ, недовѣрчиво покачивая головой. — Да... случай...

Гарри остановился. Онъ прислушивался.

— Что тамъ такое, Гарри? — спросилъ инженеръ.

— Мнѣ показалось, что кто-то идетъ позади насъ, — отвѣчалъ молодой углекопъ, внимательно прислушиваясь.

Потомъ онъ прибавилъ:

— Нѣтъ, я ошибся. Крѣпче опирайтесь на мою руку, мистеръ Старръ! Представьте, что это трость...

— Прочная трость, Гарри, — смѣясь отвѣчалъ Джемсъ Старръ. — Лучшей я не знаю!

Потомъ они молча продолжали свой путь по мрачной галлереѣ.

Часто Гарри, очевидно, чѣмъ-то озабоченный, оборачивался, словно стараясь уловить гдѣ-нибудь въ отдаленіи шумъ или подмѣтить мерцаніе огонька.

Но и впереди и позади были лишь угрюмая тишина и мракъ.

ГЛАВА V.

Семейство Фордовъ.

Черезъ 10 минутъ Джемсъ Старръ и Гарри вышли, наконецъ, изъ галлереи.

Молодой углекопъ и его спутникъ очутились на лужайкѣ, если только такимъ именемъ можно назвать обширную и мрачную рытвину. Эта рытвина, однако, не была совершенно ужъ лишена дневного свѣта. Нѣсколько солнечныхъ лучей доходили до нея чрезъ отверстіе одной оставленной шахты. Такимъ же путемъ достигали сюда и струи свѣжаго воздуха.

Итакъ, немного воздуха и свѣта проникало на лужайку чрезъ толстый слой шифера.

Вотъ тутъ-то, въ подземномъ жилищѣ, въ которомъ во время эксплоатаціи копей работали гигантскія машины, и жилъ уже 10 лѣтъ Симонъ Фордъ съ своею семьей.

Старый углекопъ любилъ называть свое скромное жилище громкимъ именемъ „коттеджа". Обладая довольно порядочнымъ состояніемъ, пріобрѣтеннымъ цѣною долгой трудовой жизни, Симонъ Фордъ могъ бы жить въ любомъ городѣ королевства, подъ яркими лучами солнца и посреди деревьевъ; но ни его семья ни онъ не хотѣли покидать копи, гдѣ они были такъ счастливы, благодаря сходству своихъ понятій и вкусовъ. Да! имъ нравился этотъ коттеджъ, находившійся подъ землею на разстояніи почти 1500 футовъ отъ ея поверхности. Жизнь въ немъ имѣла уже то преимущество, что здѣсь нечего было опасаться прихода агентовъ государственной казны, обязанныхъ взимать поземельные налоги!

Въ эту эпоху Симону Форду, бывшему старостѣ углекоповъ копи Дошаръ, было уже 65 лѣтъ. По своему высокому росту и крѣпкому сложенію онъ выдавался среди жителей даже этого кантона, который доставлялъ самыхъ видныхъ солдатъ въ полки горныхъ шотландцевъ.

Симонъ Фордъ происходилъ изъ старинной семьи углекоповъ и велъ свою генеалогію съ того самаго времени, когда началась эксплоатація угольныхъ залежей въ Шотландіи.

Не вдаваясь въ археологическія изслѣдованія о томъ, знали ли каменный уголь греки и римляне, пользовались ли имъ до начала христіанской эры китайцы и дѣйствительно ли онъ получилъ свое французское названіе (la houille) отъ имени Гульо (Houillos), который жилъ въ Бельгіи въ XII столѣтіи, можно считать достовѣрнымъ, что впервые правильная разработка угля началась въ Великобританіи. Уже въ XI столѣтіи Вильгельмъ Завоеватель раздѣлилъ между своими рыцарями весь доходъ съ залежей Ньюкэстля. Въ XIII столѣтіи Генрихъ III далъ кому-то право эксплоатировать залежи „морского угля“, какъ его тогда называли. Наконецъ, къ концу того же самаго столѣтія упоминается о залежахъ въ Шотландіи и въ Уэльсѣ.

Именно около этого времени предки Симона Форда стали углекопами, и это званіе переходило потомъ въ ихъ родѣ отъ отца къ сыну. Они были простыми рабочими и, какъ каторжники, трудились надъ добываніемъ изъ земли драгоцѣннаго топлива. Существуетъ даже мнѣніе, что всѣ углекопы той эпохи, равно какъ и солевары, были настоящими рабами. Дѣйствительно, даже въ XVIII столѣтіи это мнѣніе было до такой степени распространено въ Шотландіи, что во время войны Претендента серьезно опасались, какъ бы 20000 углекоповъ Ньюкэстля не подняли оружія съ той цѣлью, чтобы завоевать себѣ свободу, которой они, по общему мнѣнію, не имѣли.

Но какъ бы тамъ ни было, а Симонъ Фордъ гордился тѣмъ, что принадлежитъ къ древнему роду шотландскихъ углекоповъ. Онъ работалъ тамъ же, гдѣ и его предки примѣняли кирку, ломъ и заступъ. Въ 30 лѣтъ онъ былъ старостой копи Дошаръ, самой значительной изъ копей Аберфойля. Онъ страстно любилъ свое ремесло. Въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ старательно исполнялъ свои обязанности. Онъ страдалъ, видя, какъ угля въ копяхъ становится все меньше и меньше, и съ ужасомъ ожидалъ наступленія того грознаго часа, когда уголь изъ Аберфойля совсѣмъ исчезнетъ.

Онъ ревностно сталъ искать новыхъ слоевъ угля во всѣхъ копяхъ Аберфойля, которыя подъ землею соединялись другъ съ другомъ. Нѣсколько такихъ слоевъ ему удалось открыть въ послѣдніе годы эксплоатаціи. Имъ руководилъ удивительный инстинктъ углекопа, и инженеръ Джемсъ Старръ высоко цѣнимъ Форда. Можно сказать, что старый углекопъ съ такой же точностью опредѣлялъ, гдѣ находятся залежи угля въ копяхъ, съ какою гидроскопъ указываетъ источники воды, скрытые въ землѣ.

Но наступилъ, наконецъ, моментъ, когда драгоцѣннаго минерала совсѣмъ не стало въ копяхъ. Новыя изысканія не привели ни къ какимъ результатамъ. Было очевидно, что залежи истощились. Эксплоатація кончилась. Углекопы удалились.

И повѣрятъ ли? Большинство изъ нихъ ушли въ отчаяніи. Всѣ, которые знаютъ, что человѣкъ, въ сущности, любитъ свой трудъ, не удивятся этому. Симонъ Фордъ, безспорно, пострадалъ больше всѣхъ. Онъ былъ типичнымъ углекопомъ, существованіе котораго было неразрывно связано съ существованіемъ копи. Со дня рожденія онъ жилъ въ копи и не хотѣлъ изъ нея удалиться по прекращеніи работъ. Итакъ, онъ остался. Гарри, его сынъ, заботился о снабженіи провіантомъ под-

земнаго жилища; что же касается до него самого, то въ теченіе 10 лѣтъ онъ едва ли больше 10 разъ былъ на поверхности земли.

— Итти туда наверхъ! Къ чему? — говорилъ онъ обыкновенно, и не выходилъ изъ своего чернаго жилища.

Здѣсь не было рѣзкихъ перемѣнъ температуры, и старый углекопъ не зналъ ни лѣтняго зноя ни зимнихъ холодовъ. Его семья пользовалась отличнымъ здоровьемъ. Чего жъ ему надо было больше?

Но, въ сущности, онъ глубоко страдалъ. Ему жаль было оживленія, движенія, царившаго въ копи во время работъ; ему жаль было всей прежней жизни. Въ головѣ его крѣпко засѣла одна неотвязная мысль.

— Нѣтъ, нѣтъ! Копь не можетъ быть истощена! — все повторялъ онъ.

И плохо пришлось бы тому, кто, въ присутствіи Симона Форда усомнился бы въ томъ, что копи стараго Аберфойля снова заживутъ былою жизнью! Стараго углекопа не покидала надежда на то, что онъ откроетъ когда-нибудь новыя залежи угля, которыя возвратятъ копямъ ихъ блестящее прошлое. Да! Если бы понадобилось, онъ съ величайшимъ удовольствіемъ снова взялъ бы кирку углекопа, и его старыя, но еще крѣпкія руки опять стали бы рубить скалы. И вотъ каждый день онъ, то одинъ, то въ сопровожденіи сына, отправлялся на свои поиски въ эти мрачныя галлереи и каждый день возвращался въ коттеджъ усталымъ, но все еще не потерявшимъ надежды.

Достойною женой Симона Форда была Мэджъ, высокая и сильная старуха. Мэджъ, какъ и ея мужъ, не хотѣла оставлять копи Дошаръ. Она раздѣляла всѣ его надежды и желанія. Она постоянно поддерживала его мужество.

— Ты правъ, Симонъ! — говорила она ему. — Аберфойль не умеръ, а только спитъ!

Мэджъ точно такъ же не любила уходить изъ темнаго коттеджа на землю, и они всѣ втроемъ вели счастливую, уединенную жизнь.

Вотъ къ какимъ людямъ пришелъ Джемсъ Старръ.

Инженера ждали. Симонъ Фордъ стоялъ у двери, и лишь только замѣтилъ лампу Гарри, какъ тотчасъ же поспѣшилъ навстрѣчу бывшему директору копей.

— Добро пожаловать, мистеръ Джемсъ! — закричалъ онъ ему, и его голосъ громко зазвучалъ подъ сводами галлерей. — Добро пожаловать въ коттеджъ стараго углекопа! Домъ Фордовъ попрежнему гостепріименъ, хотя и находится подъ землей на разстояніи 1500 футовъ.

— Какъ поживаете, мой добрый Симонъ? — спросилъ Джемсъ Старръ, пожимая руку, которую протянулъ ему хозяинъ.

— Прекрасно, мистеръ Старръ! Да и какъ же можетъ быть иначе, когда мы здѣсь защищены отъ всѣхъ рѣзкихъ перемѣнъ погоды? Ваши леди, которыя каждое лѣто отправляются подышать воздухомъ въ Ньюговенъ или въ Порто-Белло *), сдѣлали бы гораздо лучше, если бы пожили нѣсколько мѣсяцевъ въ копяхъ Аберфойля! Здѣсь онѣ, по крайней мѣрѣ, не простудились бы, отъ чего не убережешься на сырыхъ улицахъ вашей старой столицы.

(* Морскія купанья въ окрестностяхъ Эдинбурга

— Вполнѣ съ вами согласенъ, Симонъ, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ, радуясь тому, что онъ нашелъ углекопа такимъ, какимъ онъ былъ прежде. — Признаться, я частенько себя спрашиваю, почему я не ухожу изъ своего дома на Кэнонгэтѣ, чтобы поселиться въ какомъ-нибудь коттеджѣ по сосѣдству съ вами.

— Если хотите, мистеръ Старръ, то... я знаю одного изъ вашихъ бывшихъ углекоповъ, который будетъ очень радъ жить рядомъ въ вами.

— Ну, какъ здоровье Мэджъ? — спросилъ инженеръ.

— Старуха здоровѣе еще, чѣмъ я, если только это возможно! — отвѣчалъ Симонъ Фордъ. — Она будетъ очень рада видѣть васъ у себя за столомъ. Я думаю, что она превзойдетъ себя, чтобы только хорошенько угостить васъ.

— Увидимъ, Симонъ, увидимъ! — сказалъ инженеръ, который послѣ долгой ходьбы не прочь былъ отъ хорошаго завтрака.

— Вы не хотите поѣсть, мистеръ Старръ?

— Очень даже хочу. Аппетитъ у меня разыгрался. И потомъ такая скверная погода!..

— А! Тамъ, наверху вѣдь дождь! — замѣтилъ Симонъ Фордъ.

— Да, Симонъ! И Форсъ разбушевался, какъ море!

— Ну, вотъ, видите, мистеръ Джемсъ! А здѣсь никогда не бываетъ дождя! Впрочемъ, къ чему я вамъ это говорю? Вы сами знаете все это не хуже меня! Вы въ коттеджѣ. Это — самое главное, и — еще разъ скажу — добро пожаловать!

Симонъ Фордъ, сопровождаемый Гарри, ввелъ Джемса Старра въ свое жилище. Джемсъ Старръ очутился посреди большой комнаты, освѣщенной нѣсколькими лампами, одна изъ которыхъ была висячая.

На столѣ, накрытомъ чистою скатертью, было уже все готово для завтрака; вокругъ стола стояли четыре стула, обитыхъ кожею.

— Здравствуйте, Мэджъ! — сказалъ инженеръ.

— Здравствуйте, мистеръ Джемсъ! — отвѣчала шотландка, которая поднялась со стула, чтобы поздороваться съ гостемъ.

— Я съ удовольствіемъ васъ вижу, Мэджъ!

— Всегда пріятно, мистеръ Джемсъ, видѣть тѣхъ, кому оказывалъ только добро.

— Ну, жена, супъ на столѣ, — перебилъ тутъ Симонъ Фордъ, — и не къ чему заставлять мистера Джемса ждать. У господина инженера аппетитъ сейчасъ, какъ у углекопа, и намъ пріятно будетъ показать, что нашъ мальчикъ не заставляетъ насъ голодать въ коттеджѣ. Кстати, Гарри, — добавилъ старый углекопъ, обращаясь къ сыну, — Жакъ Ріанъ приходилъ къ тебѣ сегодня.

— Я знаю это, отецъ! Мы встрѣтили его въ шахтѣ Яроу.

— Это прекрасный и веселый товарищъ, — сказалъ Симонъ Фордъ. — Но, мнѣ кажется, ему нравится тамъ, наверху! Значитъ, у него нѣтъ настоящей крови углекопа въ жилахъ. Прошу за столъ, мистеръ Джемсъ; завтракать надо хорошенько, потому что обѣдать намъ сегодня не придется, да и ужинать будемъ довольно поздно.

Но прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, инженеръ обратился къ своему хозяину съ слѣдующими словами:

— Да, Симонъ... Вы вѣдь желаете, чтобы я поѣлъ съ аппетитомъ?

— Вы окажете намъ этимъ величайшую честь, мистеръ Джемсъ, — отвѣчалъ Симонъ Фордъ.

— Прекрасно, но для этого нужно отбросить всякія заботы... Вотъ почему я теперь же хотѣлъ бы вамъ предложить два вопроса.

— Пожалуйста, мистеръ Джемсъ.

— Въ вашемъ письмѣ вы говорите, что сдѣлаете мнѣ интересное сообщеніе?

— Оно, на самомъ дѣлѣ, интересно.

— Для васъ?..

— Для васъ и для меня, мистеръ Джемсъ. Но я хотѣлъ бы сообщить вамъ это послѣ завтрака и на самомъ мѣстѣ, а то, пожалуй, вы мнѣ не повѣрите.

— Симонъ, — замѣтилъ инженеръ, — посмотрите мнѣ... прямо въ глаза. Интересное сообщеніе?.. Да?.. Хорошо!.. Я не спрашиваю васъ больше объ этомъ, — добавилъ онъ, какъ будто бы во взглядѣ стараго углекопа онъ прочелъ отвѣтъ, на который надѣялся.

— А второй вопросъ? — спросилъ хозяинъ.

— Вы знаете, Симонъ, кто мнѣ написалъ это? — отвѣчалъ инженеръ, показывая анонимное письмо, которое онъ получилъ.

Симонъ Фордъ взялъ письмо и съ большимъ вниманіемъ прочиталъ его.

Потомъ онъ подалъ его своему сыну.

— Ты знаешь эту руку? — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, отецъ! — отвѣчалъ Гарри.

— И на этомъ письмѣ тоже былъ штемпель почтоваго отдѣленія въ Аберфойлѣ? — спросилъ Симонъ Фордъ у инженера.

— Да, какъ и на вашемъ, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ.

— Что ты думаешь обо всемъ этомъ, Гарри? — сказалъ Симонъ Фордъ, лобъ котораго нѣсколько нахмурился.

— Я думаю, отецъ, — отвѣчалъ Гарри, — что кому-то нужно было помѣшать тому, чтобы мистеръ Джемсъ Старръ къ намъ пріѣхалъ.

— Но кому же это? — вскричалъ старый углекопъ. — Кто могъ разгадать самыя сокровенныя мои мысли?

И Симонъ Фордъ впалъ въ задумчивость, изъ которой его вскорѣ вывелъ голосъ Мэджъ.

— Сядемте, мистеръ Старръ, — сказала она. — Супъ остынетъ. Не будемъ больше думать объ этомъ письмѣ!

Всѣ послѣдовали этому приглашенію и заняли свои мѣста за столомъ. Джемсъ Старръ сѣлъ напротивъ Мэджъ, отецъ и сынъ другъ противъ друга.

Завтракъ въ шотландскомъ вкусѣ былъ очень хорошъ. Сначала ѣли hotchpotch — супъ, въ которомъ мясо плавало посреди великолѣпнаго бульона. По словамъ Симона, его жена не знала соперницъ въ искусствѣ приготовленія hotchpotch'а.

Впрочемъ, то же самое можно было сказать и относительно слѣдующаго блюда, рагу изъ курицы, которое заслуживало однѣхъ лишь похвалъ.

Все это запивалось превосходнымъ элемъ, купленнымъ на одной изъ лучшихъ пивоваренъ Эдинбурга.

Но главное блюдо было еще впереди. Это былъ haggis, національный пудингъ, который приготовляютъ изъ мяса и ячменной муки. Это замѣчательное блюдо, внушившее поэту Бернсу одну изъ его лучшихъ одъ, имѣло участь всего прекраснаго на этомъ свѣтѣ: оно исчезло, какъ мечта.

Гость чистосердечно поблагодарилъ Мэджъ.

Завтракъ кончился десертомъ, состоявшимъ изъ сыра и отлично приготовленнаго пирожнаго изъ овсяной муки. Десертъ запили отличною наливкой, которой было 25 лѣтъ, т. е. ровно столько же, сколько Гарри.

За столомъ сидѣли больше часу. Джемсъ Старръ и Симонъ Фордъ не только досыта наѣлись, но и досыта наговорились, главнымъ образомъ, о прошломъ старыхъ копей Аберфойля.

Что касается Гарри, то онъ все время молчалъ. Два раза онъ выходилъ изъ-за стола и даже изъ дома. Было очевидно, что случай съ камнемъ внушалъ ему нѣкоторое безпокойство, и онъ хотѣлъ немного покараулить около коттеджа. Анонимное письмо только усилило его тревогу.

Когда онъ въ первый разъ вышелъ такимъ образомъ изъ дома, инженеръ сказалъ Симону Форду и Мэджъ:

— А славный у васъ мальчикъ, друзья мои!

— Да, мистеръ Джемсъ, онъ очень добрый и послушный сынъ! — съ живостью отвѣтилъ старый углекопъ.

— Нравится ему съ вами въ коттеджѣ?

— Да, онъ насъ не оставляетъ.

— А вы не думаете его женить?

— Женить Гарри! — вскричалъ Симонъ Фордъ. — Да на комъ? На дѣвушкѣ сверху, съ земли, которая будетъ любить балы да танцы, которая предпочтетъ свой кланъ нашимъ копямъ! Гарри самъ этого не захочетъ!

— Симонъ, — возразила Мэджъ, — ты, однако, не потребуешь, чтобы нашъ Гарри никогда не женился...

— Конечно, нѣтъ,— отвѣчалъ старый углекопъ,— но это не такъ настоятелно! Кто знаетъ, можетъ-быть, мы и найдемъ ему...

Гарри вернулся въ этотъ моментъ, и Симонъ Фордъ замолчалъ.

Когда Мэджъ поднялась изъ-за стола, всѣ послѣдовали ея примѣру и потомъ присѣли на минуточку у дверей коттеджа.

— Ну, Симонъ, — сказалъ инженеръ, — я слушаю!

— Мистеръ Джемсъ,— отвѣчалъ Симонъ Фордъ,— тутъ дѣло не въ вашихъ ушахъ, а въ вашихъ ногахъ. Вы отдохнули съ дороги?

— И отдохнулъ и подкрѣпилъ свои силы, Симонъ. Теперь я готовъ сопровождать васъ всюду, куда хотите.

— Гарри, — сказалъ Симонъ Фордъ, обращаясь къ сыну, — зажги наши предохранительныя лампы.

— Вы берете предохранительныя лампы!— вскричалъ Джемсъ Старръ. Его сильно изумило это, такъ какъ нельзя было опасаться взрыва газа въ копи, совершенно лишенной каменнаго угля.

— Да, мистеръ Джемсъ, мы беремъ ихъ... изъ предосторожности!

— Въ такомъ случаѣ, мой добрый Симонъ, ужъ не надѣть ли мнѣ и одежду углекопа?

— Ну этому-то еще не время, мистеръ Джемсъ, еще не время! — отвѣчалъ старый землекопъ, глаза котораго какъ-то странно сверкнули.

Гарри, который ушелъ въ коттеджъ, почти тотчасъ же вернулся оттуда, неся три предохранительныхъ лампы.

Одну изъ этихъ лампъ Гарри отдалъ инженеру, другую своему отцу,

Жакъ Ранъ.

атретью оставилъ у себя въ лѣвой рукѣ; въ правую же руку онъ взялъ длинную палку.

— Такъ въ путь! — сказалъ Симонъ Фордъ, взявъ кирку, находившуюся у дверей коттеджа.

— Такъ въ путь! — повторилъ инженеръ. — До свиданья, Мэджъ!

— Богъ да хранитъ васъ! — отвѣчала шотландка.

— Не забудь, жена, приготовить намъ хорошій ужинъ! — закричалъ Симонъ Фордъ. — Мы вернемся голодные и поужинаемъ съ удовольствіемъ!

ГЛАВА VI.

Нѣкоторыя необъяснимыя явленія.

Извѣстно, что суевѣріе очень распространено и въ горной и въ низменной Шотландіи. Въ нѣкоторыхъ кланахъ фермеры какого-нибудь лорда, собравшись вечеркомъ поболтать, любятъ передавать разсказы, заимствованные изъ гиперборейской миѳологіи. Несмотря на широкое распространеніе образованія, эти легенды не снизошли еще на уровень простыхъ сказокъ и, кажется, онѣ неразлучны съ самою почвой Старой Каледоніи. Это до сихъ поръ страна духовъ и привидѣній, домовыхъ и фей. Тамъ все еще является злобный геній, который отбираетъ у людей деньги; *Seer*, одаренный ясновидѣніемъ, предсказываетъ тамъ смерть; *May Moullach*, являющійся подъ видомъ молодой дѣвушки, у которой руки покрыты густыми волосами, предвѣщаетъ тамъ грозныя несчастія; фея *Branshie* является предвѣстницей близкой гибели; духи *Brawnies* охраняютъ домашнюю утварь; *Urisk* часто посѣщаютъ свои излюбленныя дикія ущелья озера Катрайнъ... Невозможно и перечесть всѣхъ духовъ, населяющихъ эту страну.

Само собою разумѣется, что населеніе шотландскихъ копей внесло свою долю легендарнаго и баснословнаго матеріала въ этотъ миѳологическій репертуаръ. Если горы Шотландіи населены добрыми и злыми духами, то съ еще большимъ правомъ должны быть ими населены мрачныя бездны копей. Кто заставляетъ уголь дрожать во время бурныхъ ночей, кто указываетъ человѣку новые слои угля, кто воспламеняетъ газъ и производитъ ужасные взрывы, если не какой-либо духъ копей? Такъ, по крайней мѣрѣ, думали всѣ суевѣрные шотландцы, и хотя всѣ эти явленія могли быть объяснены чисто естественнымъ путемъ, тѣмъ не менѣе, большинство углекоповъ охотно вѣрили въ созданія своей фантазіи, и напрасно было бы стараться ихъ разубѣдить. Да и гдѣ, на самомъ дѣлѣ, можетъ такъ свободно разыграться фантазія, какъ не въ глубинѣ этихъ мрачныхъ шахтъ?

Копи Аберфойля находились именно въ странѣ легендъ и, разумѣется, должны были дать много матеріала для разсказовъ о разныхъ сверхъестественныхъ событіяхъ.

Итакъ, съ ихъ именемъ связывалась масса легендъ. Къ этому нужно добавить, что нѣкоторыя, не объясненныя еще тогда явленія дали лишь новую пищу народному суевѣрію.

Однимъ изъ наиболѣе суевѣрныхъ углекоповъ копи Дошаръ былъ Жакъ Ріанъ, товарищъ Гарри. Трудно было найти человѣка, который бы такъ охотно вѣрилъ въ сверхъестественное, какъ онъ. Всѣ эти фантастическія исторіи онъ передѣлывалъ въ пѣсни, которыя и распѣвалъ съ большимъ успѣхомъ въ длинные зимніе вечера.

Но не одинъ Жакъ Ріанъ высказывалъ свое суевѣріе. Его товарищи не менѣе громко утверждали, что копи Аберфойля посѣщались духами,

что тутъ все равно, какъ въ горахъ, часто являлись привидѣнія, и т. п. По ихъ мнѣнію, было бы странно, если бъ было иначе. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ съ большимъ удобствомъ, какъ не въ мрачныхъ и глубокихъ копяхъ, могли происходить забавы разныхъ геніевъ, домовыхъ и другихъ актеровъ фантастическихъ драмъ? Если обстановка была вполнѣ подходящая, то почему же бы и не могли явиться тутъ сверхъестественныя существа для того, чтобы продѣлывать всѣ свои штуки?

Такъ разсуждали Жакъ Ріанъ и его товарищи по копямъ Аберфойля. Мы уже сказали, что различныя шахты соединялись между собою длинными подземными галлереями. Такимъ образомъ, подъ почвою графства Стирлингъ былъ расположенъ огромный лабиринтъ изъ тоннелей, углубленій и шахтъ, походившій на гигантскій муравейникъ.

Отправляясь на работу или возвращаясь съ нея, углекопы разныхъ шахтъ часто встрѣчались другъ съ другомъ. Отсюда происходила постоянная возможность частаго обмѣна мнѣній, и, такимъ образомъ, фантастическіе разсказы о копяхъ переходили изъ устъ въ уста съ удивительной быстротой.

Однако, два человѣка, болѣе образованныхъ и обладавшихъ болѣе положительнымъ характеромъ, чѣмъ другіе, не вѣрили этимъ сказкамъ. Они, ни въ какомъ случаѣ, не допускали вмѣшательства въ людскія дѣла домовыхъ, добрыхъ или злыхъ геніевъ и фей.

Это были Симонъ Фордъ и его сынъ. Они доказали свои убѣжденія, поселившись въ темныхъ копяхъ по прекращеніи работъ. Можетъ-быть, добрая Мэджъ и имѣла нѣкоторую наклонность къ вѣрѣ въ сверхъестественное, но, за неимѣніемъ слушателей, она была принуждена разсказывать всѣ эти исторіи о привидѣніяхъ лишь самой себѣ, что она частенько и дѣлала для того, чтобы не забыть старыя преданія.

Если бы Симонъ и Гарри Фордъ были такъ же суевѣрны, какъ и ихъ товарищи, то они, все-таки, не оставили бы копи. Надежда открыть новый слой угля заставила бы ихъ пренебречь страхомъ передъ фантастической когортой демоновъ. Ничто не могло поколебать ихъ глубокаго убѣжденія въ томъ, что копи Аберфойля еще не совсѣмъ истощены.

Вотъ почему каждый день, въ теченіе цѣлыхъ 10-ти лѣтъ, отецъ и сынъ уходили изъ коттеджа въ галлереи со своими кирками, палками и лампами. Тамъ они ударяли по скаламъ, стараясь по звуку разгадать, не скрывается ли въ нихъ уголь.

Оба они рѣшили, что не слѣдуетъ предаваться отчаянію до тѣхъ поръ, пока они не изслѣдуютъ такимъ образомъ всей почвы копей до самаго первобытнаго гранита. Они рѣшили посвятить всю свою жизнь на то, чтобы возвратить Аберфойлю его прежнее благосостояніе. Если бы отецъ умеръ раньше достиженія успѣха, то сынъ одинъ продолжалъ бы работу.

Въ то же самое время они производили изслѣдованія въ копяхъ и въ видахъ собственной безопасности. Они старались убѣдиться въ прочности земляныхъ насыпей и сводовъ и доискивались, не слѣдуетъ ли опасаться въ какомъ-либо мѣстѣ обвала. Они внимательно слѣдили, въ какихъ именно мѣстахъ просачивается сверху вода, устраивали сточныя ямы и отводили въ нихъ воду. Однимъ словомъ, они сдѣлались храни-

телями копей, которыя лишились всѣхъ своихъ богатствъ, исчезнувшихъ какъ дымъ.

Во время этихъ путешествій по галлереямъ Гарри иногда поражали нѣкоторыя явленія, которыхъ онъ никакъ не могъ себѣ объяснить.

Такъ, напримѣръ, ему нѣсколько разъ казалось, что онъ слышитъ стукъ, похожій на стукъ кирки, которою ударяютъ о скалы.

Гарри, котораго сверхъестественное пугало не болѣе, чѣмъ естественное, прибавлялъ шагу, чтобы захватить на мѣстѣ таинственнаго работника.

Но тоннель бывалъ пустъ. Точно такъ же на стѣнахъ его молодой углекопъ не могъ обыкновенно замѣтить новыхъ слѣдовъ кирки или лома, и Гарри спрашивалъ себя, не обманула ли его какая-нибудь звуковая иллюзія, не слышалъ ли онъ какого-нибудь страннаго и фантастическаго эхо.

Иногда, внезапно освѣтивъ своею лампой какой-нибудь кривой проходъ, Гарри какъ будто замѣчалъ какую-то удаляющуюся тѣнь. Онъ кидался за нею, но... никого не находилъ, а между тѣмъ, ужъ ни одинъ человѣкъ не могъ бы укрыться отъ его преслѣдованій въ такомъ мѣстѣ!

Два раза за послѣдній мѣсяцъ Гарри, находясь въ западной части копей, ясно слышалъ въ отдаленіи взрывъ, какъ будто какой-нибудь углекопъ производилъ его съ помощью динамита.

Въ послѣдній разъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія, Гарри убѣдился, что одинъ изъ столбовъ свода только что былъ поврежденъ взрывомъ.

При свѣтѣ своей лампы Гарри внимательно обслѣдовалъ стѣну, пострадавшую отъ взрыва. Она состояла не изъ камня, а изъ шифера, и нѣкогда здѣсь шли слои угля. Что имѣлось въ виду при взрывѣ? Хотѣли ли открыть тутъ новый слой угля? Или, можетъ-быть, просто хотѣли уничтожить эту часть копей? Вотъ вопросы, на которые ни Гарри ни старый углекопъ, которому онъ разсказалъ объ этомъ, не могли подыскать удовлетворительнаго отвѣта.

— Странно! — часто говорилъ себѣ Гарри. — Присутствіе кого-нибудь другого въ нашихъ копяхъ кажется невозможнымъ, а между тѣмъ, оно несомнѣнно. Но чего же хочетъ этотъ другой? Хочетъ ли онъ, какъ и мы, отыскать, нѣтъ ли здѣсь новыхъ слоевъ угля? Или, можетъ-быть, онъ собирается уничтожить и то, что остается еще отъ копей Аберфойля? Но съ какой цѣлью? Я это разузнаю, хотя бы это стоило мнѣ жизни!

За двѣ недѣли до того дня, когда Гарри Фордъ велъ инженера по лабиринту копи Дошаръ, онъ едва не добился своей цѣли.

Съ яркимъ фонаремъ въ рукѣ онъ шелъ по юго-западному краю копей.

Вдругъ ему показалось, что только-что пробѣжалъ огонекъ въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ предъ нимъ, въ глубинѣ узкаго прохода, проходившаго черезъ всѣ копи. Онъ бросился къ подозрительному свѣту...

Но всѣ поиски оказались напрасны. Такъ какъ Гарри не объяснялъ физическихъ явленій сверхъестественными причинами, то онъ и заключилъ, что, вѣроятно, какой-нибудь неизвѣстный поселился въ копяхъ. Ничего болѣе положительнаго онъ сказать не могъ.

Итакъ, Гарри предоставилъ случаю раскрыть эту тайну. Не разъ еще онъ видѣлъ, какъ этотъ огонекъ перебѣгалъ съ одного конца на другой; но всякій разъ онъ появлялся всего на какую-нибудь секунду, и Гарри ужъ не пытался болѣе узнать, что это такое.

Если бы Жакъ Ріанъ и другіе суевѣрные углекопы увидали эти фантастическіе огоньки, то они, вѣроятно, еще болѣе укрѣпились бы въ своей вѣрѣ въ сверхъестественное!

Но ни Гарри ни старый Симонъ ни разу и не подумали о вмѣшательствѣ духовъ. Всякій разъ, какъ имъ случалось разговаривать объ этихъ необъяснимыхъ явленіяхъ, происходившихъ, конечно, по какимъ-нибудь естественнымъ причинамъ, старый углекопъ замѣчалъ:

— Подождемъ, мой мальчикъ, подождемъ! Въ одинъ прекрасный день все это объяснится.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что ни разу до сихъ поръ ни Гарри ни его отецъ не подверглись какому-либо насилію.

Если камень, упавшій въ этотъ день къ ногамъ Джемса Старра, былъ брошенъ, дѣйствительно, рукою злоумышленника, то это была еще первая попытка въ этомъ родѣ.

Джемсъ Старръ былъ того мнѣнія, что камень оторвался отъ сводовъ галлереи. Но Гарри не допускалъ такого простого объясненія. По его мнѣнію, камень не упалъ, а былъ брошенъ. Онъ думалъ, что камень не описалъ бы такой линіи, если бы не получилъ толчка извнѣ.

Итакъ, Гарри видѣлъ тутъ покушеніе на жизнь его или его отца, или даже инженера. Можетъ-быть, читатель согласится, что молодой углекопъ имѣлъ право такъ думать.

ГЛАВА VII.

Опытъ Симона Форда.

Былъ ровно полдень, когда Джемсъ Старръ и его два спутника оставили коттеджъ.

Дневной свѣтъ, проникая въ отверстіе шахты, слабо освѣщалъ рытвину, въ которой находился коттеджъ. Лампы Гарри пока не были нужны, но вскорѣ ими предстояло воспользоваться, такъ какъ старый углекопъ собирался отвести инженера на самый конецъ копи Дошаръ.

Пройдя до двухъ миль по главной галлереѣ, три изслѣдователя (имъ, дѣйствительно, предстояло произвести изслѣдованіе) очутились у входа въ узкій тоннель. Своды тоннеля опирались на деревянныя стропила, покрытыя бѣловатымъ мохомъ; тоннель шелъ почти параллельно той линіи, которую на землѣ, вверху надъ нимъ, описывало верхнее теченіе рѣки Форса.

Думая, что Джемсъ Старръ, послѣ долгаго отсутствія, многое позабылъ въ копи Дошаръ, Симонъ Фордъ напоминалъ ему частности ея общаго плана.

Такимъ образомъ, Джемъ Старръ и Симонъ Фордъ все время разговаривали.

Гарри шелъ впереди и освѣщалъ дорогу. Онъ то и дѣло направлялъ

свѣтъ своей лампы въ разные темные проходы, желая убѣдиться, что тамъ нѣтъ никакой подозрительной тѣни.

— Далеко еще намъ итти, Симонъ? — спросилъ инженеръ.

— Да еще съ полмили, мистеръ Джемсъ! Въ прежнее время мы скорехонько проѣзжали тутъ въ вагончикахъ подземной желѣзной дороги, но какъ далеко это время!

— Мы, должно-быть, направляемся къ тому мѣсту, гдѣ шелъ послѣдній слой угля? — спросилъ Джемсъ Старръ.

— Да! Какъ видно, вы еще не забыли нашихъ копей?

— Дальше, если не ошибаюсь, и нельзя итти? — продолжалъ инженеръ.

— Вѣрно, мистеръ Джемсъ! Тамъ мы вытащили послѣдній кусокъ угля! Я такъ живо это помню, какъ будто бы это происходило лишь вчера! Я самъ нанесъ послѣдній ударъ киркой, и онъ отозвался въ моей груди больнѣе, чѣмъ въ скалахъ! Вокругъ насъ всюду былъ лишь песчаникъ да шиферъ, и, когда вагончикъ покатился къ той шахтѣ, откуда вытаскиваютъ уголь на поверхность земли, я послѣдовалъ за нимъ съ болью въ сердцѣ, какъ за гробомъ бѣдняка! Мнѣ казалось, что я хоронилъ жизнь копей!

Глубокая грусть, съ которою старый углекопъ произнесъ эти слова, произвела сильное впечатлѣніе на инженера. Онъ почти готовъ былъ раздѣлять эти чувства, которыя такъ походили на чувства моряка, покидающаго свой тонущій корабль, или лорда, который видитъ, какъ уничтожаютъ замокъ его предковъ!

Джемсъ Старръ крѣпко пожалъ руку Симона Форда, который продолжалъ:

— Но въ тотъ день мы всѣ ошиблись. Нѣтъ! Старая копь была еще жива! Не трупъ ея покидали углекопы, и я осмѣлюсь утверждать, мистеръ Джемсъ, что сердце ея еще бьется!

— Да говорите же, Симонъ! Вы открыли новыя залежи? — вскричалъ инженеръ, который не могъ болѣе владѣть собою. — Я это зналъ! Въ вашемъ письмѣ не могло быть ничего другого! Интересное для меня сообщеніе въ копи Дошаръ! Да что же можетъ меня интересовать тутъ, какъ не то, что открыты новыя залежи?..

— Мистеръ Джемсъ, — отвѣчалъ Симонъ Фордъ. — Я не хотѣлъ извѣщать никого другого, кромѣ васъ...

— И прекрасно сдѣлали, Симонъ! Но скажите мнѣ, какъ убѣдились вы въ существованіи новыхъ залежей?..

— Выслушайте меня, мистеръ Джемсъ! — отвѣчалъ Симонъ Фордъ. — Я нашелъ не залежи...

— Такъ что же?

— Я нашелъ вещественное доказательство того, что эти залежи существуютъ.

— Что же это за доказательство?..

— Вы, конечно, согласитесь, что изъ нѣдръ почвы не можетъ выходить подземный газъ, если тамъ нѣтъ каменнаго угля, который именно его и выдѣляетъ?

— Конечно, да! — отвѣчалъ инженеръ. — Нѣтъ угля, нѣтъ и газа! Нѣтъ слѣдствія безъ причины...

— Какъ нѣтъ дыма безъ огня!

— И вы снова убѣдились въ присутствіи въ нашихъ копяхъ углеродистаго водорода?..

— Можетъ ли ошибиться старый углекопъ! — отвѣчалъ Симонъ Фордъ. — Я сейчасъ же узналъ нашего стариннаго врага, подземный газъ!

— Но если это былъ другой газъ!? — сказалъ Джемсъ Старръ. — Углеродистый водородъ почти безъ цвѣта и безъ запаха! Только взрывъ можетъ обнаружить его присутствіе!..

— Мистеръ Джемсъ, — отвѣчалъ Симонъ Фордъ. — Позволите мнѣ разсказать вамъ по-своему, что я сдѣлалъ... и какъ я сдѣлалъ? Простите, если разсказъ будетъ длиненъ.

Джемсъ Старръ зналъ стараго углекопа, зналъ, что лучше всего дать ему высказаться.

— Мистеръ Джемсъ, — началъ Симонъ Фордъ. — Вотъ уже 10 лѣтъ, какъ не проходитъ ни одного дня безъ того, чтобы Гарри или я не позаботились о возвращеніи Аберфойлю его прежняго благосостоянія! Да, ни одного дня! Если залежи угля тутъ есть, то мы рѣшили открыть ихъ во что бы то ни стало! Но какъ это сдѣлать? Производить изысканія, какъ это дѣлаютъ инженеры, мы не умѣли; но зато мы обладали инстинктомъ углекоповъ, а инстинктъ часто скорѣе доводитъ до цѣли, чѣмъ знаніе. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю...

— Не спорю противъ этого, — замѣтилъ инженеръ.

— Кромѣ того, Гарри нѣсколько разъ видѣлъ въ нашихъ копяхъ огоньки, которые такъ же быстро исчезали, какъ вспыхивали. Отчего происходили эти огоньки? Вотъ вопросъ, на который я и тогда не могъ и теперь не могу дать никакого положительно отвѣта; но, повидимому, они обязаны своимъ происхожденіемъ присутствію углеродистаго водорода, а это, въ свою очередь, указываетъ на существованіе каменноугольныхъ залежей.

— Эти огоньки не производили взрывовъ? — съ живостью спросилъ инженеръ.

— Да, были маленькіе взрывы, — отвѣчалъ Симонъ Фордъ, — похожіе на тѣ, которые вызывалъ я самъ, желая убѣдиться въ присутствіи углеродистаго водорода. Вы помните, какимъ образомъ старались предупредить взрывы въ копяхъ въ то время, когда нашъ добрый геній, сэръ Гумфри Дэви, не изобрѣлъ еще своей предохранительной лампы?

— Да, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ. — Вы хотите сказать о „кающемся грѣшникѣ“? Но только мнѣ ни разу не приходилось видѣть его за работой.

— Да вы и не могли видѣть это: вами вѣдь всего 55 лѣтъ. Вотъ я на 10 лѣтъ васъ старше, такъ видѣлъ послѣдняго „кающагося грѣшника“ нашихъ копей. Его называли такъ потому, что онъ носилъ длинную монашескую рясу. Въ эту эпоху только тѣмъ и избавлялись отъ дурного газа, что сами устраивали маленькіе взрывы, прежде чѣмъ газъ успѣвалъ скопляться въ значительномъ количествѣ въ верхнихъ частяхъ галлерей, куда онъ уходилъ по своей неимовѣрной легкости. Обязанность „кающагося грѣшника“ состояла въ томъ, чтобы производить такіе взрывы. Вотъ почему „кающійся грѣшникъ“ съ маской на лицѣ, съ капюшономъ на головѣ, въ простой рясѣ изъ грубой шерстяной ткани, плотно обтягивавшей его тѣло, обыкновенно ползкомъ та-

щился по землѣ. Онъ дышалъ чистымъ воздухомъ, находившимся въ нижнихъ частяхъ галлерей, а въ правой рукѣ, высоко надъ своей головой, держалъ зажженный факелъ. Не успѣвъ еще собраться въ значительномъ количествѣ, газъ, все-таки, производилъ небольшой взрывъ, и, благодаря этому, количество его значительно уменьшалось. Тогда „кающійся грѣшникъ" снова принимался за свое дѣло, и такимъ образомъ удавалось избѣгать большихъ взрывовъ. Но и небольшіе взрывы газа были опасны, такъ что „кающійся грѣшникъ" часто умиралъ тутъ же на мѣстѣ. Тогда другой приходилъ на его мѣсто. Такъ продолжалось до самаго того времени, когда лампа Дэви проникла во всѣ копи. Но я еще засталъ „кающихся грѣшниковъ" и знаю, какъ они исполняли свое дѣло; я воспользовался ихъ способомъ, и вотъ какимъ образомъ я убѣдился въ присутствіи углеродистаго водорода въ нашихъ копяхъ, а слѣдовательно, и въ существованіи угольныхъ залежей!

Все, что разсказалъ старый углекопъ о „кающемся грѣшникѣ", безусловно справедливо. Дѣйствительно, такимъ именно образомъ избавлялись нѣкогда въ копяхъ отъ вреднаго газа.

Углеродистый водородъ, иначе называемый подземнымъ или болотнымъ газомъ, безцвѣтенъ, не имѣетъ почти запаха и положительно вреденъ для дыханья. Ни одинъ углекопъ не могъ бы существовать въ пространствѣ, насыщенномъ этимъ вреднымъ газомъ. Жизнь въ такомъ пространствѣ такъ же невозможна, какъ и среди свѣтильнаго газа. Подобно этому послѣднему, болотный газъ, въ соединеніи съ 8-ю или 5-ю процентами воздуха, образуетъ смѣсь, способную, при малѣйшемъ воспламененіи, произвести страшный взрывъ, почти всегда сопровождающійся ужасными послѣдствіями.

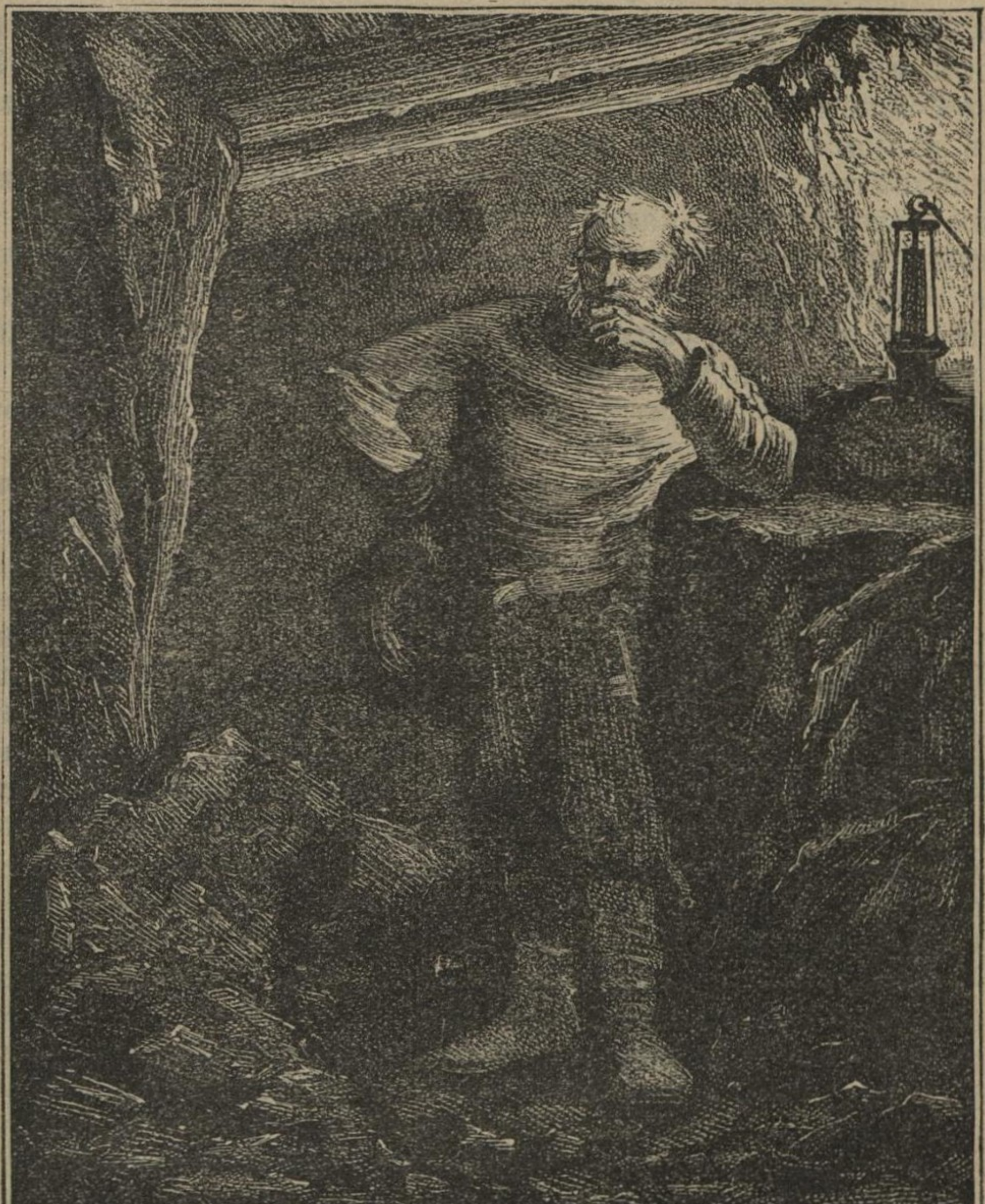
Эта опасность устраняется при пользованіи лампою Дэви. Въ этой лампѣ пламя окружено металлическою сѣткой; газъ, проходя туда, спокойно сгораетъ внутри сѣтки, и воспламененіе не сообщается наружному газу. Предохранительная лампа Дэви теперь значительно усовершенствована. Ее не опасно даже разбить, потому что она сейчасъ же потухнетъ. Если, несмотря на запрещеніе, углекопъ пожелаетъ ее открыть, то она тоже погаснетъ. Почему же и теперь бываютъ взрывы? Да потому, что неосторожность нѣкоторыхъ рабочихъ доходитъ иногда до такой степени, что они курятъ въ копяхъ; къ тому же иной случайный неловкій ударъ киркою способенъ произвести искру, которой достаточно для воспламененія газа, а слѣдовательно, и для взрыва.

Не во всѣхъ угольныхъ копяхъ бываетъ углеродистый водородъ. Въ тѣхъ копяхъ, гдѣ его нѣтъ, пользуются обыкновенною лампой. Такъ дѣлаютъ, напримѣръ, въ копи Тьеръ, въ Анзенѣ. Но если въ залежахъ исключительно жирный уголь, который содержитъ въ себѣ много газовъ, то всегда въ изобиліи происходитъ выдѣленіе болотнаго газа. Одна лишь спасительная лампа Дэви способна оградить тутъ отъ взрывовъ, тѣмъ болѣе ужасныхъ, что не пострадавшіе отъ нихъ непосредственно углекопы подвергаются опасности задохнуться въ галлереяхъ, переполненныхъ углекислотою, получающеюся послѣ взрыва.

Все еще продолжая итти впередъ, Симонъ Фордъ разсказалъ инженеру все, что онъ сдѣлалъ для того, чтобы добиться своей цѣли; онъ разсказалъ, какъ онъ убѣдился въ томъ, что происходитъ постоянно, хотя и не особенно значительное, выдѣленіе болотнаго газа въ край-

ней галлереѣ западной части копей, и какимъ образомъ онъ произвелъ небольшіе взрывы, которые окончательно не оставили въ немъ и тѣни сомнѣнія въ этомъ.

Цѣлый часъ прошелъ съ того времени, какъ Джемсъ Старръ и его два товарища оставили коттеджъ. Въ этотъ часъ они прошли до четырехъ миль. Желая и надѣясь поскорѣе убѣдиться въ справедливости



Симонъ Фордъ.

словъ Симона Форда, инженеръ совсѣмъ и не чувствовалъ усталости. Онъ думалъ о томъ, что разсказалъ ему старый углекопъ. Онъ взвѣшивалъ мысленно всѣ тѣ аргументы, которые этотъ послѣдній приводилъ въ доказательство своего убѣжденія. Онъ соглашался съ нимъ въ томъ, что это постоянное выдѣленіе углеродистаго водорода, несомнѣнно, указывало на существованіе новыхъ залежей угля. Если бъ тутъ было одно изъ тѣхъ простыхъ скопленій газа, которыя иногда встрѣчаются

въ копяхъ, то оно скоро истощилось бы, и явленія, описанныя Фордомъ, быстро прекратились бы. Но тутъ было далеко не то. По словамъ Симона Форда, углеродистый водородъ выдѣлялся безпрерывно, и отсюда можно было заключить, что въ почвѣ скрывались пласты каменнаго угля. Слѣдовательно, богатства копи Дошаръ не совсѣмъ еще были истощены. Но интересно было и то, шелъ ли тутъ лишь одинокій, болѣе или менѣе значительный, слой угля или же тутъ были цѣлыя залежи?

Гарри, который шелъ впереди своего отца и инженера, остановился.

— Вотъ мы и пришли! — вскричалъ старый углекопъ. — Наконецъ-то, мистеръ Джемсъ, вы, слава Богу, здѣсь, и сейчасъ мы узнаемъ...

Голосъ стараго углекопа немного дрожалъ.

— Успокойтесь, мой добрый Симонъ! — сказалъ ему инженеръ. — Я такъ же взволнованъ, какъ и вы, но не слѣдуетъ терять времени!

Въ этомъ мѣстѣ крайняя галлерея копи образовывала мрачную пещеру. Ни одной шахты не было въ этой части копей, и такимъ образомъ галлерея, глубоко уходившая въ нѣдра земли, не сообщалась непосредственно съ земною поверхностью.

Глубоко заинтересованный, Джемсъ Старръ пытливо осмотрѣлъ мѣстность, въ которой онъ находился.

На крайней стѣнкѣ этой пещеры можно еще было различить слѣды послѣднихъ ударовъ киркою и даже нѣсколько отверстій, пробитыхъ патронами, которыми обыкновенно взрывали скалы во время эксплоатаціи. Вся эта масса шифера была очень крѣпка, и вслѣдствіе этого не было необходимости покрывать стѣны галлереи обшивкою, которая бы предохраняла отъ обваловъ. Эта галлерея была послѣднею, въ которой производились работы. Здѣсь именно шли послѣдніе пласты угля въ слояхъ шифера и песчаника третичной формаціи. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, былъ вынутъ послѣдній въ копи Дошаръ кусокъ минеральнаго топлива.

— Здѣсь, мистеръ Джемсъ, — сказалъ Симонъ Фордъ, взмахнувъ киркою, — станемъ мы рубить скалы, потому что за этой стѣной, по моему мнѣнію, и находятся новые пласты угля.

— На поверхности этихъ скалъ, — спросилъ Джемсъ Старръ, — вы и замѣтили присутствіе болотнаго газа?

— Да, мистеръ Джемсъ, — отвѣчалъ Симонъ Фордъ, — и я иногда зажигалъ его, приближая къ стѣнѣ мою лампу. То же дѣлалъ и Гарри.

— А на какой высотѣ? — спросилъ Джемсъ Старръ.

— На высотѣ... футовъ десяти надъ поломъ, — отвѣчалъ Гарри.

Джемсъ Старръ сѣлъ на выступѣ одной скалы. Можно было сказать, что, обнюхавъ воздухъ пещеры, онъ сталъ какъ бы сомнѣваться въ справедливости словъ обоихъ углекоповъ, которые однако говорили такъ убѣжденно.

Въ самомъ дѣлѣ, углеродистый водородъ не совсѣмъ ужъ лишенъ запаха, и инженеръ былъ сначала удивленъ, что его очень тонкое обоняніе не указало ему на присутствіе страшнаго газа. Во всякомъ случаѣ, если этотъ газъ и входилъ въ составъ окружающаго воздуха, то въ очень небольшомъ количествѣ. Итакъ нечего было опасаться взрыва, и безопасно можно было открыть предохранительную лампу, чтобы

произвести тотъ опытъ, который нѣсколько разъ уже примѣнялъ старый углекопъ.

Такимъ образомъ въ данный моментъ Джемсъ Старръ опасался вовсе не того, что вреднаго газа окажется слишкомъ много въ составѣ окружающаго воздуха, а того, что его будетъ тамъ очень мало или даже, можетъ-быть, совсѣмъ не будетъ.

„Ужъ не ошиблись ли они? — пробормоталъ онъ. — Нѣтъ! Это такіе люди, которые хорошо знаютъ свое дѣло! И однако...“

Итакъ онъ не безъ нѣкоторой тревоги ожидалъ подтвержденія словъ Симона Форда. Но вдругъ и Гарри, кажется, замѣтилъ отсутствіе характеристическаго запаха болотнаго газа. Обратившись къ отцу, молодой человѣкъ сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— Кажется, отецъ, газъ больше не выдѣляется!

— Не можетъ быть! — вскричалъ старый углекопъ.

Плотно сжавъ губы, Симонъ Фордъ началъ вбирать въ себя носомъ воздухъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ обернулся къ сыну.

— Дай твою лампу, Гарри! — сказалъ онъ.

Руки Симона Форда лихорадочно дрожали, когда онъ бралъ лампу. Онъ отвинтилъ металлическую сѣтку, окружавшую огонь лампы, и пламя стало горѣть на открытомъ воздухѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, взрыва не произошло; но еще болѣе важно было то, что не слышно было даже того легкаго треска, который обыкновенно указываетъ на присутствіе въ воздухѣ небольшого количества вреднаго газа.

Симонъ Фордъ взялъ палку, которую держалъ Гарри. Укрѣпивъ на ея концѣ лампу, онъ поднялъ ее въ верхніе слои воздуха, гдѣ газъ, въ силу своей неимовѣрной легкости, долженъ былъ скопиться скорѣе всего, хотя бы даже въ самомъ ничтожномъ количествѣ.

Но и тамъ бѣлое и ровное пламя лампы не обнаружило ни малѣйшихъ слѣдовъ углеродистаго водорода.

— Поднесите лампу къ стѣнѣ! — сказалъ инженеръ.

— Хорошо! — отвѣчалъ Симонъ Фордъ, поднося лампу къ той части стѣны, чрезъ которую еще наканунѣ, какъ замѣтили оба углекопа, выдѣлялся газъ.

Рука старика дрожала въ то время, какъ онъ пытался установить лампу на одномъ уровнѣ съ трещинами въ шиферѣ.

— Нѣтъ, не могу! Гарри... сдѣлай это ты! — сказалъ онъ.

Гарри взялъ палку и началъ подносить лампу къ тѣмъ мѣстамъ стѣны, гдѣ, какъ онъ зналъ, были трещины въ слояхъ шифера. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ покачивалъ головой, такъ какъ его слухъ не могъ уловить того легкаго треска, съ которымъ обыкновенно выдѣляется болотный газъ.

Взрыва опять не произошло. Итакъ было очевидно, что чрезъ стѣну не проходило ни одной частицы болотнаго газа.

— Опять ничего! — вскричалъ Симонъ Фордъ, кулаки котораго сжались скорѣе отъ гнѣва, чѣмъ отъ разочарованія.

Въ это время пронзительный крикъ вырвался изъ груди Гарри.

— Что тамъ такое? — съ живостью спросилъ Джемсъ Старръ.

— Трещины въ шиферѣ задѣланы!

— Да неужели? — воскликнулъ старый углекопъ.

— Посмотри самъ, отецъ!

Гарри не ошибся. При свѣтѣ лампы было ясно видно, что щели задѣланы. Свѣжая замазка изъ извести шла по стѣнѣ длинными бѣловатыми полосами, которыхъ не могла скрыть насѣвшая на нихъ угольная пыль.

— Онъ! — вскричалъ Гарри. — Никто другой, какъ онъ!

— Онъ? — въ недоумѣнiи переспросилъ Джемсъ Старръ.

— Да, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, — тотъ таинственный незнакомецъ, который разгуливаетъ въ нашихъ копяхъ, котораго я подкарауливалъ сотни разъ и ни разу не могъ захватить на мѣстѣ, который, какъ я теперь въ этомъ увѣренъ, написалъ вамъ, мистеръ Старръ, письмо съ цѣлью помѣшать вашему прiѣзду въ копь Дошаръ, тотъ, наконецъ, который бросилъ камень въ галлерею шахты Яроу. Да! Теперь нѣтъ сомнѣнiй! Рука человѣка ясно видна во всемъ этомъ!

Гарри говорилъ съ такою энергiей, что его убѣжденiе всецѣло сообщилось и инженеру. Что же касается до стараго углекопа, то его не къ чему было убѣждать; для него неотразимое доказательство было налицо: щели, чрезъ которыя газъ свободно выходилъ еще наканунѣ, были теперь замазаны.

— Возьми твою кирку, Гарри! — вскричалъ Симонъ Фордъ. — Встань, мой мальчикъ, ко мнѣ на плечи! Я еще достаточно силенъ для того, чтобы сдержать тебя!

Гарри понялъ. Его отецъ прислонился къ стѣнѣ. Гарри всталъ къ нему на плечи, и теперь кирка молодого углекопа могла достать до замазки. Удары тотчасъ же посыпались на ту часть стѣны, которую покрывала замазка.

Вдругъ раздался легкiй трескъ, похожiй на тотъ, съ которымъ шампанское выливается изъ бутылки. Этотъ трескъ въ англiйскихъ копяхъ называютъ типичнымъ именемъ: „пуффъ!“

Гарри схватилъ свою лампу и поднесъ ее къ щели...

Произошелъ небольшой взрывъ, и по стѣнѣ пробѣжало небольшое красноватое пламя, съ голубенькою полоской по краямъ.

Гарри тотчасъ же соскочилъ на полъ, и старый углекопъ, внѣ себя отъ радости, схватилъ за руки инженера, крича:

— Ура! ура! ура! мистеръ Джемсъ! Взрывъ! Значитъ, тамъ есть уголь!

ГЛАВА VIII.

Взрывъ динамита.

Опытъ стараго углекопа удался... Углеродистый водородъ, какъ извѣстно, выдѣляется лишь углемъ. Слѣдовательно, теперь нельзя было сомнѣваться въ существованiи въ копи слоевъ драгоцѣннаго минерала. Но какъ велики были эти слои, и какого достоинства уголь въ нихъ заключался? Вотъ вопросъ, который еще предстояло рѣшить.

Къ такому выводу пришелъ инженеръ, познакомившись съ опытомъ Симона Форда. Старый углекопъ былъ вполнѣ согласенъ съ инженеромъ.

„Да! — сказалъ самъ себѣ Джемсъ Старръ. — За этой стѣной лежатъ пласты угля, ускользнувшіе отъ нашихъ изысканій! Досадно, что такъ случилось, потому что теперь сызнова придется налаживать все дѣло, которое такъ хорошо шло десять лѣтъ тому назадъ! Ну, да что жъ за бѣда! Важно то, что мы, все-таки, нашли новыя богатства тамъ, гдѣ не ожидали! Ну, на этотъ разъ мы не оставимъ ужъ въ нашей копи ни кусочка угля!

— Ну, мистеръ Джемсъ, — спросилъ Симонъ Фордъ, — что же вы думаете о нашемъ открытіи? Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало васъ безпокоить? Можетъ-быть, вы жалѣете, что пріѣхали въ копь Дошаръ?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой старый товарищъ! — отвѣчалъ Джемсъ Старръ.— Мѣ не потеряли напрасно времени, но теперь мы станемъ его терять, если не вернемся сейчасъ же въ коттеджъ. Завтра мы снова придемъ сюда. Мы взорвемъ тогда эту стѣну динамитомъ. Мы проявимъ на свѣтъ Божій часть новыхъ залежей, и если по моимъ указаніямъ окажется, что новыя залежи значительны, то я тотчасъ же организую „Общество Новаго Аберфойля“, къ величайшему удовольствію его прежнихъ акціонеровъ! Не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ первыя телѣги съ новымъ углемъ будутъ уже вывезены изъ копей!

— Вотъ это хорошая рѣчь, мистеръ Джемсъ! — воскликнулъ Симонъ Фордъ. — Значитъ, старая копь снова помолодѣетъ, какъ вдова, которая собирается выйти замужъ! Значитъ, къ ней снова вернется ея былое оживленіе вмѣстѣ съ ударами кирки и заступа, взрывами скалъ, грохотомъ вагоновъ, ржаніемъ лошадей, скрипомъ телѣжекъ и ревомъ машинъ! И я,— я вновь увижу все это! Надѣюсь, мистеръ Джемсъ, что вы не сочтете меня слишкомъ старымъ для того, чтобы опять поручить мнѣ исполненіе моихъ прежнихъ обязанностей „старосты углекоповъ“?

— Конечно, нѣтъ, мой старый товарищъ! Вы выглядите еще гораздо моложе, чѣмъ я!

— Въ такомъ случаѣ, остается лишь пожелать, чтобы угля теперь хватило на многіе годы, и дай-то Богъ, чтобы я имѣлъ утѣшеніе умереть, не дождавшись конца эксплоатаціи!

Радость стараго углекопа была безгранична. Хотя Джемсъ Старръ вполнѣ раздѣлялъ чувства Симона Форда, но предоставлялъ ему восторгаться за двоихъ.

Одинъ Гарри оставался задумчивъ. Онъ невольно вспоминалъ всѣ тѣ странныя и необъяснимыя обстоятельства, при которыхъ произошло открытіе новыхъ залежей, и страшился за будущее.

Черезъ часъ инженеръ и его оба товарища уже возвращались въ коттэджъ.

Поужинавъ съ большимъ аппетитомъ и одобривъ всѣ планы, которые развивалъ старый углекопъ, инженеръ легъ спать. Одно лишь непреодолимое желаніе дождаться поскорѣе завтрашняго дня мѣшало инженеру спать, какъ слѣдуетъ.

На другой день, послѣ обстоятельнаго завтрака, Джемсъ Старръ, Симонъ Фордъ, Гарри и сама Мэджъ пустились въ путь. Всѣ они отправились, какъ настоящіе углекопы. Они несли съ собою разные инструменты и динамитные патроны, предназначенные для взрыва стѣны. Кромѣ того, Гарри захватилъ огромный факелъ и большую предохра-

нительную лампу, которая могла горѣть безпрерывно въ теченіе 12-ти часовъ. Этого времени было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы успѣть дойти до цѣли, произвести тамъ всѣ возможныя изслѣдованія и вернуться обратно домой.

— За дѣло! — вскричалъ Симонъ, когда его спутники и онъ добрались до крайней галлереи.

Онъ схватилъ тяжелый ломъ и собирался ужъ имъ ударить...

— Постойте минутку! — сказалъ тогда Джемсъ Старръ. — Надо посмотрѣть сначала, не произошло ли какихъ-нибудь перемѣнъ за ночь и продолжаетъ ли выдѣляться газъ.

— Вы правы, мистеръ Старръ, — отвѣчалъ Гарри. — То, что было замазано вчера, можетъ быть замазано и сегодня!

Мэджъ, сидя на выступѣ одной скалы, внимательно оглядывала какъ самую пещеру, такъ и ту стѣну, которую предстояло взорвать.

Послѣ внимательнаго осмотра оказалось, что все было въ томъ же положеніи, какъ наканунѣ. Съ трещинами не произошло никакой перемѣны. Углеродистый водородъ выдѣлялся, но въ очень незначительномъ количествѣ, такъ что не могъ произвести никакого взрыва. Итакъ, Джемсъ Старръ и его товарищи могли теперь съ спокойнымъ сердцемъ приступить къ своей работѣ.

— Ну, теперь за дѣло! — повторилъ Симонъ Фордъ.

Вскорѣ подъ ударами его лома, которымъ онъ дѣйствовалъ съ необычайной ловкостью и силой, скала разлетѣлась на куски.

Она состояла, главнымъ образомъ, изъ пудлинга, песчаника и шифера, которые часто встрѣчаются по сосѣдству съ угольными залежами.

Джемсъ Старръ подбиралъ отлетавшіе куски скалы и тщательно ихъ осматривалъ, надѣясь найти тамъ хотя малѣйшій слѣдъ угля.

Эта предварительная работа продолжалась около часу, и въ результатѣ ея получилось довольно значительное углубленіе въ крайней стѣнкѣ галлереи.

Джемсъ Старръ выбралъ тогда мѣсто, гдѣ должны были быть просверлены отверстія, нужныя для устройства въ нихъ подкопа. Эта работа поручена была Гарри, который быстро ее сдѣлалъ. Въ просверленныя отверстія были вложены динамитные патроны. Туда же помѣстили длинный просмоленный фитиль, который и зажгли съ свободнаго конца. Послѣ этого Джемсъ Старръ и его товарищи стали поодаль.

— Ахъ, мистеръ Джемсъ, — сказалъ Симонъ Фордъ, охваченный сильнымъ волненіемъ, котораго онъ и не думалъ скрыть, — никогда! Нѣтъ, никогда мое старое сердце не билось такъ скоро! Я готовъ хоть сейчасъ приняться за раб ты по добыванію угля!

— Потерпите, Симонъ! – отвѣчалъ инженеръ. — Ужъ не думаете ли вы, что за этой стѣной скрывается галлерея, вполнѣ приспособленная для работъ?

— Извините, мистеръ Джемсъ! — отвѣчалъ старый углекопъ. — Теперь я все считаю возможнымъ! Если ужъ на нашу долю выпало счастье открыть эти залежи, то почему же это счастье отступится отъ насъ теперь?

Въ этотъ моментъ раздался взрывъ динамита. Глухой гулъ прошелъ по всему лабиринту подземныхъ галлерей.

Джемсъ Старръ, Мэджъ, Гарри и Симонъ Фордъ тотчасъ же подбѣжали къ стѣнѣ пещеры.

— Мистеръ Джемсъ! мистеръ Джемсъ! — вскричалъ старый углекопъ. — Смотрите: дверь пробита!

Это сравненіе Симона Форда какъ нельзя болѣе шло къ отверстію, которое образовалось въ стѣнѣ и глубину котораго нельзя было измѣрить.

Гарри кинулся уже было въ отверстіе...

Инженеръ, чрезвычайно изумленный тѣмъ, что за пробитымъ отверстіемъ оказалась пустота, удержалъ молодого углекопа.

— Подожди до тѣхъ поръ, пока внутренній воздухъ очистится! — сказалъ онъ.

— Да! Остерегайся вредныхъ испареній! — прибавилъ, въ свою очередь, Симонъ Фордъ.

Прошло съ четверть часа въ томительномъ ожиданіи. Послѣ этого просунули въ углубленіе зажженный факелъ, укрѣпленный на концѣ палки: факелъ продолжалъ пылать такъ же ярко, какъ и прежде.

— Ну, ступай теперь, Гарри! — сказалъ Джемсъ Старръ. — Мы послѣдуемъ за тобой.

Пробитое динамитомъ отверстіе было достаточно велико для того, чтобы одинъ человѣкъ могъ пройти чрезъ него.

Съ факеломъ въ рукѣ, Гарри вошелъ въ него, не колеблясь, и вскорѣ исчезъ во мракѣ.

Джемсъ Старръ, Симонъ Фордъ и Мэджъ молча ждали.

Прошло нѣсколько минутъ, показавшихся имъ чрезвычайно длинными. Гарри все не показывался, голоса его тоже не было слышно. Приблизясь къ отверстію, Джемсъ Старръ не увидалъ даже огня его лампы, которая должна была бы освѣщать эту мрачную пустоту.

Не провалилась ли почва подъ ногами Гарри? Не попалъ ли молодой углекопъ въ какую-нибудь яму? Не зашелъ ли онъ такъ далеко, что его голосъ не могъ донестись до его спутниковъ?

Не желая ничего слушать, старый углекопъ собирался, въ свою очередь, итти въ отверстіе, какъ вдругъ вдали показался небольшой огонекъ, который все увеличивался и увеличивался. Наконецъ, раздался голосъ Гарри:

— Идите, мистеръ Старръ! Иди, отецъ! Путь въ „Новый Аберфойль“ свободенъ!

ГЛАВА IX.

Новый Аберфойль.

Если бы инженеры того времени, обладая какими-нибудь сверхъестественными силами, могли съ одного раза и притомъ на 1000 футовъ въ глубину срѣзать всю ту часть земной поверхности, на которой находятся всѣ озера, рѣки, заливы и прибрежья графствъ: Стирлингъ, Дембартонъ и Ранфрэ, то подъ этимъ огромнымъ покровомъ они нашли бы неизмѣримую пропасть, въ сравненіе съ которой могла бы итти одна лишь знаменитая Мамонтова пещера, въ Кентуки.

Эта бездонная пропасть состояла изъ нѣсколькихъ сотенъ ячеекъ,

разной формы и разной величины. Можно сказать, что она представляла изъ себя родъ улья, но улья фантастически громаднаго, въ которомъ, вмѣсто пчелъ, могли бы помѣститься всѣ ихтіозавры, магетаріи и птеродактили геологической эпохи.

По этому улью шелъ цѣлый лабиринтъ галлерей. Однѣ изъ нихъ были выше самыхъ высокихъ соборовъ, другія были низенькія и узенькія; однѣ шли прямо и ровно, другія — криво и въ гору.

Своды и стѣны галлерей состояли изъ песчаника и шифера. Тамъ и сямъ между этими безполезными веществами чернѣли пласты каменнаго угля. Они шли вплоть до самаго Сѣвернаго моря на протяженіи почти сорока миль. Громадная цѣнность находившихся здѣсь залежей угля не подлежала никакому сомнѣнію. Было очевидно, что по своей величинѣ онѣ превосходятъ залежи Кардифа и Ньюкэстля.

Къ тому же нужно добавить, что эксплоатація этихъ залежей была значительно облегчена тѣмъ, что сама природа, по странной игрѣ случая, устроила въ Новомъ Аберфойлѣ галлереи и тоннели.

Да, сама природа! Сначала можно было подумать, что здѣсь находятся копи, которыя какая-нибудь акціонерная компанія оставила нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Но это было невѣроятно: такія богатства не бросаютъ. Нѣтъ, человѣческіе термиты не прогрызли еще почвы въ этой части Шотландіи, и все это вышло въ такомъ видѣ изъ рукъ Создателя. Но, повторяю, ни подземелья египтянъ ни катакомбы римлянъ не могутъ быть сравниваемы съ этими естественными копями. Рядомъ съ ними могутъ быть поставлены однѣ лишь знаменитыя Мамонтовы пещеры, въ которыхъ на протяженіи болѣе, чѣмъ двадцати миль, тянутся 226 улицъ, 11 озеръ, 7 рѣкъ, 8 водопадовъ, 32 шахты неизмѣримой глубины и 57 сводовъ, изъ которыхъ нѣкоторые повисли на ужасной высотѣ въ 450 футовъ.

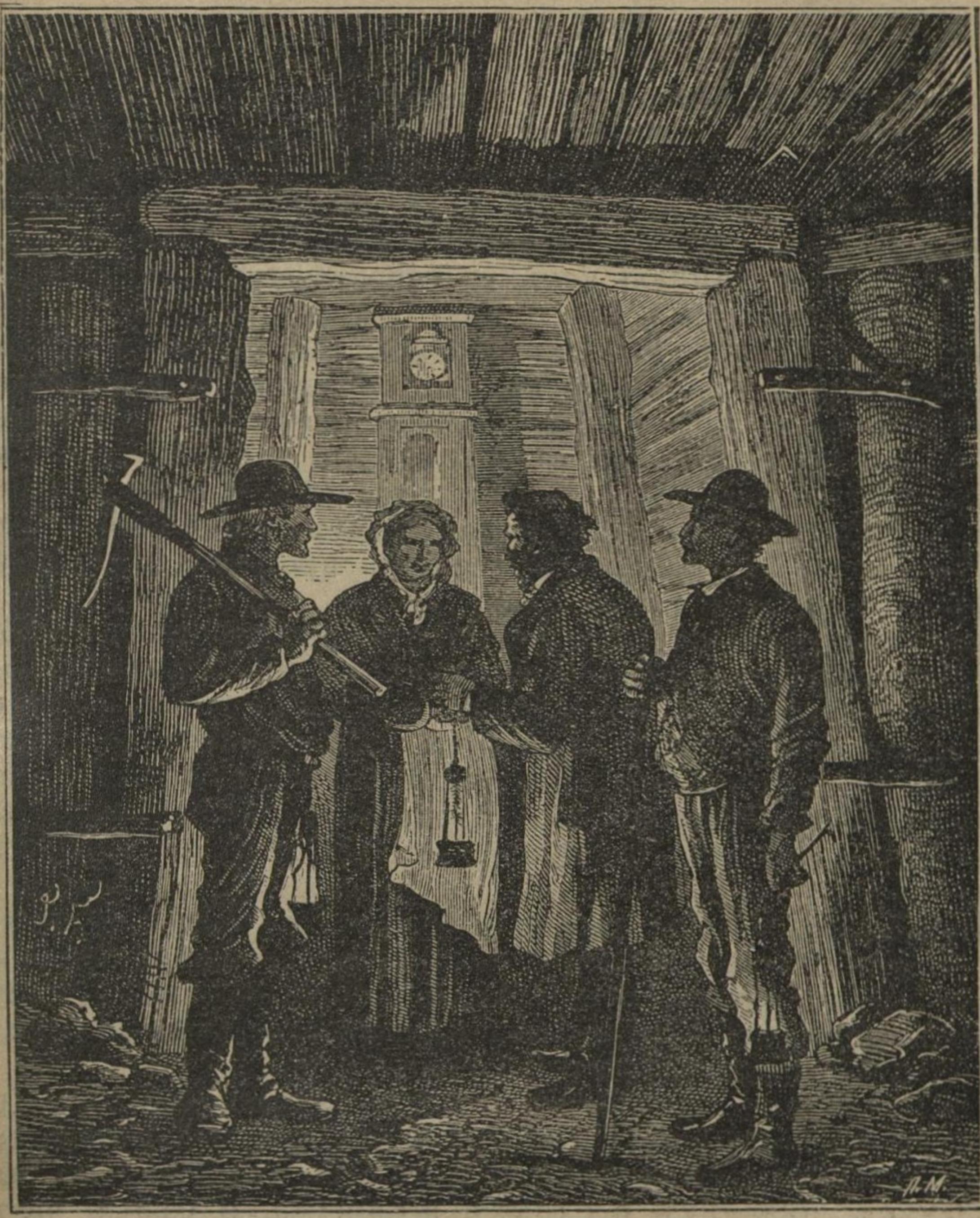
Копи Новаго Аберфойля, все равно какъ и эти пещеры, созданы не человѣкомъ, а самимъ Богомъ!

Вотъ какія неисчислимыя богатства удалось открыть старому углекопу. Десятилѣтнее пребываніе въ старой копи, рѣдкая настойчивость въ изслѣдованіяхъ, пылкая надежда, подкрѣпляемая удивительнымъ инстинктомъ углекопа, — всѣ эти благопріятныя условія помогли ему стать побѣдителемъ тамъ, гдѣ всякій другой понесъ бы пораженіе. Почему же изысканія, которыя въ послѣдніе годы эксплоатаціи велись подъ личнымъ наблюденіемъ Джемса Старра, прекратились именно здѣсь, у самой границы новыхъ залежей? Это было дѣломъ случая, который вообще играетъ большую роль во всѣхъ дѣлахъ подобнаго рода.

Но какъ бы тамъ ни было, въ этомъ мѣстѣ Шотландіи существовало цѣлое подземное графство, въ которомъ можно было бы жить, если бы въ него проникали лучи солнца или какого-нибудь другого, столь же яркаго, свѣтила.

Вода была локализована тамъ въ низменныхъ мѣстахъ и образовывала обширные пруды или даже громадныя озера, превосходившія по своей величинѣ даже озеро Катрайнъ, которое простиралось по земной поверхности какъ разъ надъ этимъ мѣстомъ. Конечно, вода находилась безъ движенія въ этихъ озерахъ, и прибоя въ нихъ не было. Они не отражали въ себѣ силуэтовъ какого-нибудь стариннаго готическаго замка. Березы и дубы не наклонялись надъ ихъ берегами, горы не покры-

вали длинными тѣнями ихъ поверхности, пароходы не разсѣкали ихъ волнъ, солнце не купало въ нихъ своихъ блестящихъ лучей, луна не показывалась изъ-за нихъ на горизонтѣ. И однако, эти глубокія озера, зеркальной поверхности которыхъ не рябилъ ни малѣйшій вѣтерокъ, были бы очаровательны при свѣтѣ электричества. Они были соединены



До свиданья, Мэджъ! (Стр. 33).

сѣтью каналовъ, которые дополняли географическія особенности этой странной мѣстности.

Тутъ не можетъ произрастать ни одно растеніе, и, тѣмъ не менѣе, здѣсь могло бы жить цѣлое населеніе. И кто знаетъ! Можетъ-быть, наступитъ тотъ день, когда залежи угля истощатся и когда весь бѣдный людъ Соединенныхъ Королевствъ найдетъ себѣ пріютъ въ копяхъ Аберфойля, Ньюкэстлѣ, Аллоа и Кардифа.

ГЛАВА X.

Туда и оттуда.

Услышавъ голосъ Гарри, Джемсъ Старръ, Мэджъ и Симонъ Фордъ поспѣшили войти въ узкое отверстіе, которое было только что пробито и которое соединило теперь копь Дошаръ съ новыми рудниками.

Войдя въ него, они очутились у входа въ довольно широкую галлерею. Можно было подумать, что она сдѣлана рукою человѣка, что кирка и ломъ пробили ее для добыванія угля. Наши изслѣдователи должны были спросить себя, ужъ не попали ли они, по странной игрѣ случая, въ какую-нибудь старинную копь, о существованіи которой забыли самые старые углекопы графства.

Нѣтъ! Просто геологическія наслоенія, такъ сказать, *пощадили* эту галлерею въ эпоху, когда происходило образованіе земляныхъ слоевъ вторичной формаціи. Можетъ-быть, нѣкогда тутъ и пробѣгалъ какой-нибудь потокъ, но теперь эта галлерея была такъ же суха, какъ если бы она находилась еще нѣсколькими тысячами футовъ ниже, т. е. въ гранитныхъ скалахъ. Въ то же время воздуха было здѣсь вполнѣ достаточно; очевидно, атмосферный воздухъ проникалъ сюда чрезъ какіе-нибудь естественные вентиляторы.

Это послѣднее мнѣніе было высказано инженеромъ, и оно было справедливо. Что касается до болотнаго газа, который недавно выдѣлялся чрезъ шиферъ стѣны, то, повидимому, онъ былъ здѣсь лишь въ незначительномъ количествѣ, которое теперь все уже вышло. Такъ можно было думать потому, что его присутствіе въ воздухѣ галлереи было совершенно незамѣтно. Однако, изъ предосторожности Гарри захватилъ съ собою предохранительную лампу, которая могла горѣть цѣлыхъ 12 часовъ.

Джемсъ Старръ и его товарищи ощущали безграничную радость. Всѣ ихъ желанія были удовлетворены. Всюду около нихъ былъ одинъ лишь уголь. Нѣкоторое волненіе дѣлало ихъ молчаливыми. Самъ Симонъ Фордъ былъ сдержанъ. Его радость выражалась не длинными фразами, но отрывистыми восклицаніями.

Можетъ-быть, они поступали неблагоразумно, идя все дальше и дальше по этому подземелью. Ба! Они и не думали о возвращеніи. Галлерея шла почти совсѣмъ безъ извилинъ. На ихъ пути не было никакихъ разсѣлинъ, никакихъ вредныхъ испареній, и цѣлый часъ Джемсъ Старръ, Мэджъ, Гарри и Симонъ Фордъ шли такимъ образомъ, не зная въ точности, куда приведетъ ихъ этотъ неизвѣстный тоннель.

И, несомнѣнно, они зашли бы еще дальше, если бы, наконецъ, дошли до самаго конца той широкой дороги, по которой они шли все время.

Галлерея привела ихъ къ огромной пещерѣ, ни высоты ни длины которой они опредѣлить не могли. Окружавшая тьма не давала имъ разглядѣть, на какой высотѣ висѣли своды этой пещеры и на какомъ разстояніи находилась противоположная стѣна. При свѣтѣ лампы изслѣдователи могли только разобрать, что дно пещеры занято было об-

ширнымъ воднымъ пространствомъ, большимъ прудомъ или озеромъ, живописные берега котораго, усѣянные высокими скалами, терялись во мракѣ.

— Стойте! — вскричалъ Симонъ Фордъ, внезапно останавливаясь. — Ни шагу дальше, а то мы попадемъ въ какую-нибудь пропасть!

— Такъ отдохнемъ немного, друзья мои! — отвѣчалъ инженеръ. — Къ тому же нужно подумать и о возвращеніи въ коттеджъ.

— Наша лампа будетъ горѣть еще цѣлыхъ 10 часовъ, мистеръ Старръ! — сказалъ Гарри.

— Вотъ и отдохнемъ немножко, — замѣтилъ Джемсъ Старръ. — Признаюсь, моимъ ногамъ это необходимо! А вы, Мэджъ, не чувствуете усталости отъ такой долгой ходьбы?

— Не очень, мистеръ Джемсъ! — отвѣчала шотландка. — Въ старыхъ копяхъ Аберфойля мы, бывало, ходили такъ по цѣлымъ днямъ.

— Ба! — добавилъ Симонъ Фордъ. — Если понадобится, такъ Мэджъ пройдетъ вдесятеро больше! Ну, что, мистеръ Джемсъ, не стоило мнѣ васъ безпокоить? Посмѣйте только сказать, что не стоило!

— Эхъ, мой старый товарищъ, давно ужъ не ощущалъ я такой радости, — отвѣчалъ инженеръ. — Мы лишь немного осмотрѣли эти удивительныя копи и, тѣмъ не менѣе, можемъ сказать, что онѣ простираются на огромное пространство, по крайней мѣрѣ, въ длину.

— И въ ширину и въ глубину тоже! — возразилъ Симонъ Фордъ.

— Ну, это мы узнаемъ лишь послѣ.

— А я, — я знаю это сейчасъ! Ужъ повѣрьте моему инстинкту стараго углекопа. Онъ меня еще ни разу не обманывалъ!

— Вѣрю, вѣрю, Симонъ, — отвѣчалъ инженеръ съ улыбкой. — Я думаю, что эксплоатація этихъ залежей продлится цѣлые вѣка!

— Вѣка! — закричалъ Симонъ Фордъ. — Конечно, мистеръ Джемсъ! Пройдетъ болѣе 1000 лѣтъ прежде, чѣмъ послѣдній кусокъ угля будетъ вывезенъ изъ нашихъ новыхъ копей!

— Дай Богъ! — отвѣчалъ Джемсъ Старръ. — Что касается до качества угля...

— Уголь здѣсь превосходный, мистеръ Джемсъ, превосходный! — перебилъ Симонъ Фордъ. — Посмотрите сами!

Съ этими словами онъ своею киркой выломалъ изъ стѣны кусокъ угля.

— Посмотрите, посмотрите! — повторялъ онъ, поднося этотъ кусокъ къ своей лампѣ. — Его поверхность блеститъ. Да, уголь у насъ будетъ жирный и богатый смолистыми веществами. А какъ хорошо онъ ломается на куски: почти безъ пыли! Ахъ, мистеръ Джемсъ! Двадцать лѣтъ тому назадъ эти залежи составили бы опасную конкуренцію Кардифу! Ну, да и теперь новый уголь быстро пойдетъ въ ходъ, и его дорого будутъ продавать!

— Въ самомъ дѣлѣ, — замѣтила Мэджъ, взявъ въ руки кусокъ угля и осмотрѣвъ его съ видомъ знатока, — это уголь хорошаго качества. Возьми его, Симонъ, съ собой въ коттеджъ! Я хочу, чтобы этотъ первый кусокъ новаго угля сгорѣлъ подъ нашимъ котломъ!

— Вотъ это хорошая рѣчь, жена! — отвѣчалъ старый углекопъ. — Ты увидишь, что я не ошибся.

— Мистеръ Старръ, — спросилъ тутъ Гарри, — вы не знаете, куда ведетъ эта длинная галлерея, по которой мы все время шли?

— Нѣтъ, мой милый! — отвѣчалъ инженеръ. — Съ компасомъ я, можетъ-быть, могъ бы еще опредѣлить ея направленіе. Но безъ компаса я все равно, какъ морякъ въ открытомъ морѣ и при густомъ туманѣ, когда даже по солнцу онъ не можетъ опредѣлить, гдѣ онъ находится.

— Несомнѣнно, мистеръ Джемсъ, — замѣтилъ Симонъ Фордъ. — Но я просилъ бы васъ не сравнивать нашего положенія съ положеніемъ моряка, у котораго постоянно и повсюду бездна подъ ногами. Мы здѣсь на твердой землѣ и не боимся потонуть!

— Я не хотѣлъ огорчать васъ, Симонъ, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ. — Я далекъ былъ отъ мысли унижать новыя копи Аберфойля невѣрнымъ сравненіемъ. Я хотѣлъ только сказать, что мы не знаемъ, гдѣ находимся.

— Мы находимся подъ почвой графства Стирлингъ, мистеръ Джемсъ, — сказалъ Симонъ Фордъ. — Я утверждаю это какъ...

— Слушайте! — сказалъ Гарри, перебивъ стараго углекопа.

Всѣ, какъ и молодой человѣкъ, насторожили слухъ. Гарри обладалъ острымъ слухомъ и прежде всѣхъ услышалъ какой-то глухой гулъ, похожій на отдаленный рокотъ волнъ. То же услышали Джемсъ Старръ, Симонъ и Мэджъ. Вверху надъ нимъ раздавались какіе-то раскаты, и ясно было слышно, какъ звукъ то усиливался, то ослаблялся.

Всѣ четверо нѣсколько минутъ внимательно прислушивались, не говоря ни слова.

Потомъ вдругъ Симонъ Фордъ закричалъ:

— Э!.. Ужъ не катятся ли тамъ вагончики по рельсамъ Новаго Аберфойля?

— Мнѣ кажется, отецъ, — сказалъ Гарри, — что этотъ шумъ напоминаетъ скорѣе плескъ волнъ, разбивающихся о берегъ.

— Однако, надъ нами не море же?! — вскричалъ старый углекопъ.

— Конечно, нѣтъ — отвѣчалъ инженеръ. — Но очень возможно, что мы находимся сейчасъ какъ разъ подъ озеромъ Катрайнъ.

— Значитъ, земляные пласты, находящіеся вверху надъ этой пещерой, не очень большой толщины, если шумъ воды слышенъ такъ ясно?

— Несомнѣнно, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ, — и вотъ почему эта пещера должна быть громадной высоты.

— Вы правы, мистеръ Старръ, — сказалъ Гарри.

— Къ тому же на землѣ сейчасъ дурная погода, — продолжалъ Джемсъ Старръ, — и весьма возможно, что вода въ озерѣ разбушевалась такъ же, какъ въ заливѣ Форсъ.

— Э, да какое намъ дѣло до всего этого?! — сказалъ Симонъ Фордъ. — Наши залежи не станутъ хуже отъ того, что надъ ними находится озеро. Если бы намъ пришлось заводить копи на днѣ или даже подъ дномъ Сѣвернаго канала, то и тутъ я не вижу ничего дурного.

— Прекрасно, Симонъ! — вскричалъ инженеръ, который не могъ удержаться отъ улыбки при видѣ энтузіазма стараго углекопа. — Доведемъ наши траншеи до самого моря! Просверлимъ дно Атлантическаго

океана! Проведемъ подъ нимъ дорогу къ нашимъ братьямъ въ Америкѣ! Проникнемъ къ самому центру земного шара, если это окажется нужнымъ, и унесемъ оттуда послѣдніе куски угля!

— Вы смѣетесь, мистеръ Джемсъ? — спросилъ Симонъ Фордъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Я... смѣюсь! Да нѣтъ же, Симонъ! Но вы заразили меня своимъ восторгомъ, и я начинаю фантазировать! Теперь вернемся къ дѣйствительности, которая тоже прекрасна. Оставимъ здѣсь наши кирки, чтобы не брать ихъ съ собою въ другой разъ, и пойдемте назадъ въ коттеджъ!

Въ настоящее время ничего другого не оставалось и дѣлать. Впослѣдствіи инженеръ долженъ былъ снова прійти въ Новый Аберфойль, чтобы произвести здѣсь необходимыя изысканія; при этомъ онъ долженъ былъ привести съ собою нѣсколько десятковъ углекоповъ и захватить всѣ необходимые инструменты. Но теперь слѣдовало возвратиться въ копь Дошаръ. Дорога туда не представляла никакихъ затрудненій. Галлерея почти прямо шла къ отверстію, пробитому динамитомъ. Слѣдовательно, заблудиться было нельзя.

Въ тотъ моментъ, какъ Джемсъ Старръ повернулся уже, чтобы итти назадъ, Симонъ Фордъ остановилъ его.

— Мистеръ Джемсъ, — сказалъ онъ ему, — видите вы эту огромную пещеру, это подземное озеро, этотъ песчаный берегъ?.. Видите?.. Такъ вотъ сюда хочу я перенести свое жилище, здѣсь я построю себѣ новый коттеджъ и, если нѣсколько товарищей пожелаютъ послѣдовать моему примѣру, то не пройдетъ и года, какъ подъ почвой старой Англіи окажется однимъ селомъ больше!

Джемсъ Старръ улыбаясь одобрилъ проектъ Симона Форда и пожалъ руку старому углекопу; потомъ они всѣ четверо двинулись въ обратный путь.

Первую милю они прошли безъ всякихъ приключеній. Гарри шелъ впереди, держа лампу надъ головой. Онъ шелъ все время по главной галлереѣ и, хотя по обѣимъ сторонамъ ея находилась масса узкихъ тоннелей, онъ, все-таки, не сбивался съ пути. Такимъ образомъ, можно было надѣяться, что наши изслѣдователи благополучно доберутся домой, какъ вдругъ случилось досадное происшествіе, которое поставило ихъ въ очень затруднительное положеніе.

Въ тотъ моментъ, какъ Гарри поднималъ свою лампу, которую онъ опустилъ было на нѣсколько мгновеній, воздухъ вдругъ сильно заколебался, какъ будто бы по нему только что пролетѣли чьи-то невидимыя крылья. Лампа выскользнула изъ рукъ Гарри, упала на скалистый полъ галлереи и разбилась.

Джемсъ Старръ и его товарищи внезапно очутились въ абсолютной темнотѣ. Ихъ лампа, масло изъ которой вытекло, не могла имъ болѣе служить.

— Ну, Гарри, — вскричалъ Симонъ Фордъ, — ты, должно-быть, хочешь, чтобы мы, возвращаясь въ коттеджъ, сломали себѣ шею?

Гарри ничего не отвѣчалъ. Онъ думалъ, не долженъ ли онъ и этотъ случай съ лампой приписать вмѣшательству таинственнаго незнакомца. Значитъ, въ этомъ подземельѣ у нихъ былъ врагъ, непонятная вражда котораго могла впослѣдствіи создать для нихъ серьезныя затрудненія?

Значитъ, чьи-то интересы требовали того, чтобы новыя залежи угля не эксплоатировались? Конечно, это предположеніе казалось нелѣпымъ, но факты говорили сами за себя, и, по мѣрѣ того, какъ число ихъ увеличивалось, простыя предположенія переходили въ убѣжденія.

Но что бы тамъ ни было, а сейчасъ положеніе изслѣдователей было далеко не изъ пріятныхъ. Посреди глубокаго мрака имъ предстояло пройти еще около 5 ти миль до копи Дошаръ, а потомъ по копи Дошаръ нужно было итти никакъ не менѣе часу до коттеджа.

— Идемте же впередъ! — сказалъ Симонъ Фордъ. — Не слѣдуетъ терять ни минуты. Пойдемте ощупью, какъ слѣпые. Заблудиться невозможно. Тоннели не собьютъ насъ съ пути, и, идя все время по главной галлереѣ, мы придемъ прямо къ тому отверстію, чрезъ которое вошли. Потомъ намъ придется итти по старой копи. Мы ее хорошо знаемъ, и не первый разъ намъ съ Гарри придется итти тамъ въ темнотѣ. Къ тому же мы найдемъ тамъ наши лампы, которыя мы тамъ оставили. Итакъ, въ дорогу! Гарри, ты иди впереди! Мистеръ Джемсъ, вы слѣдуйте за нимъ! Мэджъ, ты пойдешь третьею, а я — послѣднимъ. Особенно намъ нужно стараться не отставать другъ отъ друга!

Ничего другого не оставалось дѣлать, и рѣшено было послѣдовать совѣту стараго углекопа. Идя ощупью, трудно было сбиться съ дороги. Слѣдовало только замѣнить глаза руками и довѣриться тому инстинкту, который у Симона Форда и его сына былъ какъ бы второю натурой.

Итакъ, Джемсъ Старръ и его товарищи двинулись впередъ въ указанномъ порядкѣ. Они не говорили ни слова, и каждый думалъ про себя свою думу. Было очевидно, что они имѣли какого-то врага, но кто онъ былъ и какъ можно было защищаться отъ его нападеній, всегда столь таинственныхъ? Эти тревожныя мысли пробѣгали въ умѣ каждаго изъ нихъ. Однако, сейчасъ не время было приходить въ отчаяніе.

Разставивъ руки, Гарри подвигался впередъ увѣреннымъ шагомъ. Онъ то и дѣло переходилъ отъ одной стѣны галлереи къ другой и ощупывалъ ихъ. Когда его руки встрѣчали пустое пространство, онъ понималъ, что тутъ тоннель и что туда нельзя итти. Такимъ образомъ, ему удавалось все время держаться правильнаго пути.

Но, конечно, трудно было итти посреди непроницаемой тьмы, и наши изслѣдователи шли около двухъ часовъ. Принимая въ расчетъ ту медленность, съ которой они шли, Джемсъ Старръ все-таки думалъ, что пора бы уже имъ дойти до отверстія, пробитаго въ стѣнѣ динамитомъ.

Дѣйствительно, почти въ ту же минуту Гарри остановился.

— Должно-быть, мы дошли до конца галлереи? — спросилъ Симонъ Фордъ.

— Да, — отвѣчалъ молодой углекопъ.

— Въ такомъ случаѣ, отыскивай отверстіе, которое соединяетъ Новый Аберфойль съ копью Дошаръ.

— Его что-то нѣтъ, — сказалъ Гарри, ощупавъ стѣну.

Старый углекопъ выступилъ впередъ, чтобы посмотрѣть, не ошибся ли его сынъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній изъ груди его вырвался крикъ.

Или изслѣдователи сбились съ дороги, или узкое отверстіе, пробитое въ стѣнѣ динамитомъ, было недавно задѣлано!

Какъ бы тамъ ни было, Джемсъ Старръ и его товарищи оказались запертыми въ Новомъ Аберфойлѣ!

ГЛАВА XI.

Огненныя феи.

Черезъ недѣлю послѣ этихъ событій друзья Джемса Старра были въ сильномъ безпокойствѣ. Инженеръ исчезъ, и никто не зналъ причинъ этого исчезновенія. Изъ разспросовъ его слуги выяснилось, что онъ отправился на Грантонскую пристань; капитанъ „Принца Уэльсскаго" сообщилъ, что онъ высадилъ его въ Стирлингѣ... Дальше всѣ слѣды Джемса Старра терялись. Онъ никому не сообщилъ о своемъ отъѣздѣ въ копи Аберфойля, потому что Симонъ Фордъ въ своемъ письмѣ просилъ его объ этомъ.

Итакъ, въ Эдинбургѣ всѣхъ интересовалъ вопросъ о непонятномъ отсутствіи инженера. Сэръ В. Эльфинстонъ, президентъ „Королевскаго Института", предъявилъ членамъ этого учрежденія письмо, въ которомъ Джемсъ Старръ извинялся, что не можетъ присутствовать на ближайшемъ засѣданіи общества. Двое или трое другихъ членовъ представили подобныя же письма. Но если эти документы доказывали, что Джемсъ Старръ оставилъ Эдинбургъ, — что, впрочемъ, было уже извѣстно, — то все же никто не могъ сказать, куда онъ уѣхалъ. Кромѣ того, отсутствіе инженера такъ противорѣчило всѣмъ его привычкамъ, что сначала оно всѣхъ изумило, а потомъ начало не на шутку тревожить.

Никто изъ друзей инженера не могъ и предполагать, чтобы онъ отправился въ копи Аберфойля. Всѣ знали, что онъ не хотѣлъ и видѣть той мѣстности, гдѣ онъ прежде работалъ. Онъ ни разу не былъ тамъ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній кусокъ угля былъ увезенъ оттуда. Однако, нѣкоторые изъ друзей инженера, узнавъ, что онъ сошелъ съ парохода въ Стирлингѣ, направили сначала свои поиски именно въ эту сторону.

Поиски не привели ни къ чему. Никто изъ окрестныхъ жителей не видалъ инженера. Одинъ Жакъ Ріанъ, который встрѣтилъ его и Гарри въ шахтѣ Яроу, могъ бы удовлетворить всеобщее любопытство, но веселый малый, какъ извѣстно, работалъ на фермѣ Мельрозъ, находившейся въ 40 миляхъ отъ Аберфойля, и нисколько не подозрѣвалъ, что исчезновеніе Джемса Старра вызываетъ тревогу. Итакъ, черезъ недѣлю послѣ своего визита въ коттеджъ Жакъ Ріанъ попрежнему продолжалъ бы распѣвать свои пѣсни въ Ирвинскомъ кланѣ, если бы у него тоже, въ свою очередь, не было причинъ безпокоиться, — причинъ, о которыхъ читатель скоро узнаетъ.

Джемсъ Старръ пользовался очень большой популярностью не только въ Эдинбургѣ, но и во всей Шотландіи, и фактъ его исчезновенія не могъ не возбудить всеобщаго вниманія. Лордъ-намѣстникъ, первое лицо въ Эдинбургѣ, судьи и совѣтники, большинство которыхъ было друзьями

инженера, усердно принялись за поиски. Повсюду были разосланы полицейскіе агенты, но все это не повело ни къ какимъ результатамъ.

Тогда помѣстили въ важнѣйшихъ газетахъ Соединенныхъ Королевствъ замѣтку, относившуюся къ инженеру Джемсу Старру. Въ замѣткѣ сообщались его примѣты и точно указывалось, когда именно онъ оставилъ Эдинбургъ. Теперь оставалось лишь ждать, что-то будетъ. Всѣ были въ большой тревогѣ. Ученый міръ Англіи уже склонялся къ мысли о томъ, что одинъ изъ наиболѣе выдающихся его членовъ исчезъ навсегда.

Въ это же время личность Гарри служила предметомъ не меньшихъ безпокойствъ, чѣмъ личность Джемса Старра. Разница была лишь въ томъ, что судьба инженера волновала все общественное мнѣніе страны, а о судьбѣ сына стараго углекопа безпокоился и тревожился одинъ только другъ его Жакъ Ріанъ.

Читатель помнитъ, что, встрѣтившись съ Гарри въ шахтѣ Яроу, Жакъ Ріанъ пригласилъ его прійти черезъ недѣлю на праздникъ Ирвинскаго клана. Гарри принялъ приглашеніе и обѣщалъ присутствовать на праздникѣ. Жакъ Ріанъ прекрасно зналъ, что его товарищъ всегда держалъ свое слово. Онъ зналъ, что сынъ углекопа исполнялъ всякое свое обѣщаніе.

На праздникѣ въ Ирвинѣ не было недостатка ни въ пѣсняхъ, ни въ танцахъ, ни въ удовольствіяхъ всякаго рода, однимъ словомъ — ни въ чемъ. Тамъ не было одного лишь Гарри Форда.

Жакъ Ріанъ сначала былъ очень сердитъ на своего друга, потому что его отсутствіе вызвало у него дурное расположеніе духа. Ему даже измѣнила память въ то время, какъ онъ пѣлъ одну изъ своихъ пѣсенъ, и онъ, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни запнулся, а эта пѣсня обыкновенно вызывала дружные аплодисменты присутствующихъ.

Нужно замѣтить, что объявленіе о Джемсѣ Старрѣ, помѣщенное въ газетахъ, не попало еще на глаза Жаку Ріану. Этотъ славный малый безпокоился пока лишь о Гарри, утѣшая себя, впрочемъ, тѣмъ, что, вѣроятно, какое-нибудь важное обстоятельство помѣшало его товарищу сдержать свое обѣщаніе. Во всякомъ случаѣ, Жакъ Ріанъ предполагалъ на другой же день послѣ праздника въ Ирвинѣ отправиться по желѣзной дорогѣ въ Глэсго, а оттуда въ копь Дошаръ, и онъ это сдѣлалъ бы, если бы его не задержало одно происшествіе, которое чуть не стоило ему жизни.

Это происшествіе случилось въ ночь на 12-е декабря. Надо сознаться, что оно принадлежало къ разряду тѣхъ, которыя могутъ у всѣхъ суевѣрныхъ людей, — а ихъ было не мало на фермѣ Мельрозъ! — укрѣпить вѣру въ сверхъестественное.

Ирвинъ — маленькій приморскій городъ, въ графствѣ Ранфрэ, насчитывающій до 7000 жителей. Онъ расположенъ на одномъ изъ крутыхъ изгибовъ шотландскаго берега, почти у входа въ заливъ Клейдъ. Его гавань, достаточно защищенная отъ вѣтра, освѣщена яркимъ огнемъ, который указываетъ, гдѣ можно пристать къ берегу, такъ что опытный морякъ не ошибется на этотъ счетъ. Поэтому здѣсь рѣдко бываютъ кораблекрушенія, и каботажныя суда, направляющіяся въ Глэсго или въ самый Ирвинъ, безопасно могутъ маневрировать здѣсь даже въ самыя темныя ночи.

Если у города есть историческое прошлое, или его замокъ принадлежалъ нѣкогда Роберту Стюарту, то, конечно, въ немъ должны быть какія-нибудь древнія полуразрушенныя зданія.

Въ Шотландіи всѣ такія зданія посѣщаются духами. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ сами шотландцы.

Произошелъ небольшой взрывъ. (Стр. 44)

Самымъ древнимъ остаткомъ старины въ этой мѣстности былъ замокъ Роберта Стюарта, носившій имя Дендональдъ-Кэстля.

Въ эту эпоху замокъ Дендональдъ, служившій пріютомъ для всѣхъ духовъ околодка, былъ оставленъ совершенно на произволъ судьбы. Рѣдко кто заходилъ на ту высокую скалу, которая находилась миляхъ въ двухъ отъ города и на верху которой стоялъ старый замокъ. Развѣ только иностранцы изрѣдка посѣщали еще эти старыя историческія

развалины, но изъ жителей Ирвина никто не рѣшался на это, потому что въ окрестностяхъ ходило много разсказовъ о какихъ-то „огненныхъ феяхъ“, которыя живутъ въ старомъ замкѣ.

Этихъ фантастическихъ фей многіе изъ наиболѣе суевѣрныхъ жителей Ирвина видѣли своими собственными глазами. Видѣлъ ихъ, конечно, и Жакъ Ріанъ.

Дѣло въ томъ, что по временамъ показывалось пламя то на одной изъ полуразрушенныхъ стѣнъ, то на вершинѣ башни, возвышавшейся надъ развалинами Дендональдъ-Кэстля.

Походило ли это пламя на человѣка, и можно ли было счесть его за „огненную фею“, по примѣру суевѣрныхъ шотландцевъ? Всѣ суевѣрные умы утвердительно отвѣтили бы на этотъ вопросъ; но если бы наука занялась имъ, то она, несомнѣнно, объяснила бы это явленіе вполнѣ естественнымъ путемъ.

Какъ бы тамъ ни было, во всемъ околодкѣ утвердилось мнѣніе, что „огненныя феи“ посѣщаютъ развалины стараго замка и часто устраиваютъ тамъ свои пиршества, выбирая для этого самыя темныя ночи. Жакъ Ріанъ, несмотря на всю свою смѣлость, не рѣшился бы подъ аккомпанементъ ихъ музыки играть на своей волынкѣ.

— Съ нихъ достаточно стараго Ника, — говорилъ онъ, — а Никъ во мнѣ не нуждается для усиленія своего адскаго оркестра!

Конечно, это странное явленіе служило по вечерамъ неистощимымъ матеріаломъ для разговоровъ. Одинъ Жакъ Ріанъ владѣлъ цѣлымъ репертуаромъ легендъ объ огненныхъ феяхъ и охотно дѣлился своими свѣдѣніями съ внимательными слушателями.

На праздникѣ Ирвинскаго клана было выпито много эля и виски. Наступилъ вечеръ, и Жакъ Ріанъ къ бóльшому удовольствію и, можетъ-быть, къ еще бóльшему ужасу своихъ слушателей принялся за свою излюбленную тему объ огненныхъ феяхъ.

Общество собралось на обширномъ гумнѣ фермы Мельрозъ, находившемся вблизи морского берега. Средину гумна занимала жаровня, въ которой пылалъ веселый огонекъ.

На дворѣ стояла ужасная погода. Черныя тучи нависли надъ волнами, которыя яростно бушевали. Тьма была непроницаемая; земля, небо и вода сливались въ одну темную массу. Въ такую бурную погоду кораблямъ опасно приближаться къ берегу.

Маленькая гавань Ирвина рѣдко посѣщалась большими судами. Парусныя коммерческія суда и пароходы приставали обыкновенно къ берегу въ заливѣ Клейдъ.

Однако, въ этотъ вечеръ запоздалый рыбакъ могъ бы не безъ удивленія замѣтить, что какой-то корабль направляется къ берегу. Если бы темный вечеръ внезапно смѣнился яркимъ днемъ, то каждый не съ удивленіемъ, а ужъ съ ужасомъ увидалъ бы, что корабль летитъ сюда на всѣхъ парусахъ. Дѣйствительно, было отъ чего прійти въ ужасъ: не попавъ въ заливъ, что было весьма возможно при такой бурѣ, корабль неминуемо долженъ былъ бы разбиться объ ужасныя береговыя скалы. Но корабль все несся и несся впередъ. Что-то съ нимъ будетъ?

Жакъ Ріанъ доканчивалъ свою послѣднюю исторію. Его слушатели, перенесенные въ міръ привидѣній, пришли въ такое состояніе, въ которомъ человѣкъ легко вѣритъ во все сверхъестественное.

Вдругъ снаружи раздались громкіе крики.

Жакъ Ріанъ тотчасъ же прервалъ свой разсказъ, и всѣ поспѣшили уйти съ гумна, чтобы узнать, что это такое.

Была темная ночь. Шелъ сильный дождь и дулъ ужасный вѣтеръ.

Двое или трое рыбаковъ, укрывшись отъ вихря за скалою, громко кричали.

Жакъ Ріанъ и его товарищи подбѣжали къ нимъ.

Но ихъ крики относились не къ тѣмъ, кто былъ на фермѣ, а къ экипажу корабля, который, самъ того не зная, шелъ на вѣрную гибель.

Дѣйствительно, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега двигалась какая-то темная масса. Это былъ корабль, какъ это легко было узнать по его огнямъ; на фокъ-мачтѣ его горѣлъ бѣлый огонь, на правомъ бортѣ — зеленый, а на лѣвомъ — красный. Такъ какъ всѣ эти огни были видны съ берега, то было ясно, что корабль направляется къ берегу.

— Гибнетъ корабль? — спросилъ Жакъ Ріанъ.

— Да, — отвѣчалъ одинъ изъ рыбаковъ. — Теперь ему не избѣжать гибели, если бы даже онъ захотѣлъ итти въ другомъ направленіи!

— Сигналы, сигналы! — вскричалъ одинъ изъ шотландцевъ.

— Какіе? — спросилъ рыбакъ. — Въ такой вихрь не удержишь въ рукѣ зажженаго факела!

Рыбаки снова закричали. Но развѣ можно было услышать ихъ крикъ въ такую бурю? Гибель судна была неизбѣжна.

— Зачѣмъ они такъ маневрируютъ? — вскричалъ какой-то матросъ.

— На мель, что ли, хотятъ они сѣсть? — пробормоталъ другой.

— Должно-быть, капитанъ ничего не знаетъ объ огняхъ въ Ирвинской гавани? — спросилъ Жакъ Ріанъ.

— Должно-быть, — отвѣчалъ одинъ изъ рыбаковъ. — Впрочемъ, можетъ-быть, его ввело что-либо въ заблужденіе...

Рыбакъ не кончилъ еще своей фразы, какъ Жакъ Ріанъ испустилъ ужасный крикъ. Услышалъ ли его экипажъ судна? Во всякомъ случаѣ, теперь было ужъ поздно, и корабль все равно не могъ бы избѣжать гибели.

Но Жакъ Ріанъ кричалъ вовсе не для того, чтобы предупредить корабль о грозившей ему опасности. Жакъ Ріанъ стоялъ спиною къ морю. Его товарищи, какъ и онъ, смотрѣли теперь не на море.

Они смотрѣли на замокъ Дендональдъ. На верхушкѣ старой башни замка развѣвался длинный огненный языкъ, колебавшійся во всѣ стороны отъ вѣтра.

— Огненная фея! — закричали въ ужасѣ всѣ эти суевѣрные шотландцы.

Откровенно говоря, нужно было обладать большимъ воображеніемъ, чтобы увидать въ этомъ пламени сходство съ человѣческою фигурой. Развѣваясь по вѣтру, оно то совсѣмъ отлетало отъ башни, то снова прикасалось къ ней своимъ синеватымъ краемъ.

— Огненная фея! Огненная фея! — кричали въ ужасѣ крестьяне.

Все теперь объяснилось. Было очевидно, что корабль сбился съ пути посреди тумана и принялъ теперь это пламя, горѣвшее на верху замка Дендональдъ, за огни въ Ирвинской гавани. Капитанъ думалъ, что его корабль находится у входа въ заливъ, а на самомъ дѣлѣ, онъ летѣлъ на ужасныя скалы.

Какимъ бы образомъ его спасти, если еще не поздно? Можетъ-быть, слѣдовало бы пойти въ старый замокъ и постараться потушить этотъ огонь для того, чтобы его нельзя было болѣе смѣшивать съ маякомъ Ирвинской гавани.

Безъ сомнѣнія, это нужно было сдѣлать сейчасъ же; но кто изъ изъ этихъ шотландцевъ отважился бы поднять руку на огненную фею? Можетъ-быть, Жанъ Ріанъ, потому что въ немъ было много мужества, и его суевѣріе не удержало бы его отъ этого смѣлаго шага.

Но было слишкомъ поздно. Посреди бушующей стихіи раздался страшный трескъ.

Огни на кораблѣ потухли. Онъ накренился на бокъ и разбился о береговыя скалы.

Въ то же самое время, по странному стеченію обстоятельствъ, пламя на вершинѣ замка тоже потухло. Море, небо и берегъ тотчасъ же погрузились въ непроницаемую тьму.

— Огненная фея! — въ послѣдній разъ закричалъ Жакъ Ріанъ, когда это явленіе, казавшееся сверхъестественнымъ и ему и его товарищамъ, вдругъ исчезло.

Но тогда къ этимъ суевѣрнымъ шотландцамъ вернулось все ихъ мужество, котораго они лишились было въ виду призрачной опасности. Теперь имъ предстояла дѣйствительная опасность, такъ какъ нужно же было постараться спасти своихъ ближнихъ. Ихъ не остановила разбушевавшаяся стихія. Эти люди, столь же мужественные, какъ и суевѣрные, бросились на помощь къ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе.

Къ счастью, имъ удалось достигнуть цѣли, хотя нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и отважный Жакъ Ріанъ, сильно поранили себя о скалы. Зато капитанъ корабля и 8 матросовъ были спасены.

Этотъ корабль былъ норвежскій бригъ „Мотала“, нагруженный дровами и направлявшійся въ Глэсго.

Какъ и слѣдовало ожидать, капитанъ былъ обманутъ пламенемъ, горѣвшимъ на башнѣ замка Дендональдъ, и наскочилъ на мель, вмѣсто того, чтобы войти въ заливъ Клейдъ.

Теперь отъ „Моталы“ оставались лишь жалкіе обломки, которые буря все еще продолжала разбивать о скалы.

ГЛАВА XII.

Подвиги Жака Ріана.

Жакъ Ріанъ и трое изъ его товарищей, раненыхъ, какъ и онъ, были перенесены въ одну изъ комнатъ фермы Мельрозъ, гдѣ имъ немедленно оказали помощь.

Жакъ Ріанъ пострадалъ больше всѣхъ, потому что въ тотъ самый моментъ, какъ онъ, опоясавшись веревкой, бросился въ море, яростныя волны жестоко ударили его о скалы. Будь ударъ чуть-чуть посильнѣе, Жаку Ріану пришлось бы, вѣроятно, распроститься съ жизнью.

Бѣдный малый принужденъ былъ вылежать нѣсколько дней въ постели. Сначала это было ему очень непріятно, но потомъ, когда ему позволили пѣть, сколько ему хочется, онъ терпѣливо покорился своей

участи, и съ тѣхъ поръ на фермѣ Мельрозъ то и дѣло раздавались веселые звуки его голоса. Все это происшествіе внушило Жаку Ріану еще болѣе суевѣрный ужасъ предъ тѣми злыми духами, которые находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы мучить бѣдныхъ людей, и которые одни, по его мнѣнію, были виноваты въ гибели „Моталы". Напрасно было бы стараться убѣдить его, что огненныхъ фей не существуетъ и что пламя, такъ внезапно появившееся на развалинахъ замка, было чисто физическимъ явленіемъ. Никакіе доводы на него не подѣйствовали бы. Его товарищи вполнѣ раздѣляли его мнѣніе. По ихъ словамъ, одна изъ огненныхъ фей коварно завлекла „Моталу" на мель. Ни ея ни бури привлечь къ отвѣтственности было нельзя. Судьи, конечно, могли дѣлать какія угодно распоряженія, но развѣ можно заключить въ тюрьму неосязаемое существо? Нужно сознаться, что слѣдствіе, произведенное по поводу гибели „Моталы", сначала, казалось, подтвердило суевѣрное объясненіе этой гибели ея очевидцами.

Судья, которому было поручено выяснить всѣ обстоятельства, при которыхъ произошло крушеніе „Моталы", явился разспросить различныхъ свидѣтелей катастрофы. Всѣ свидѣтели были того мнѣнія, что въ кораблекрушеніи виновата единственно огненная фея, появившаяся во время бури на развалинахъ замка Дендональдъ.

Понятно, что законъ не могъ удовлетвориться подобнымъ объясненіемъ. Было ясно лишь то, что во время бури на развалинахъ замка появилось пламя. Было ли появленіе его чистой случайностью или оно было вызвано какими-нибудь злоумышленниками? Вотъ вопросъ, который судья долженъ былъ рѣшить.

Читателя не должно удивлять то, что у судьи явилось подозрѣніе о злоумышленникахъ. Такихъ злоумышленниковъ еще въ очень недавнее время было довольно много на британскомъ берегу. Очень многіе изъ жителей побережья занимались тѣмъ, что завлекали суда на мель и потомъ грабили ихъ. Иногда ночью они зажигали на берегу костеръ изъ смолистыхъ деревьевъ, и корабль, принимая этотъ костеръ за маякъ, попадалъ въ такой проходъ, откуда нельзя было выйти. Въ другой разъ они привязывали къ рогамъ быка зажженный факелъ и потомъ пускали быка на волю; разъяренное животное бѣгало по разнымъ направленіямъ, и огонь факела сбивалъ матросовъ съ пути. Всѣ эти уловки неизбѣжно влекли за собою кораблекрушеніе, которымъ грабители и пользовались для своего обогащенія. Потребовалось вмѣшательство правосудія, потребовались строгія наказанія для того, чтобы уничтожить этотъ варварскій обычай. Можетъ-быть, и въ данномъ случаѣ какой-нибудь злоумышленникъ припомнилъ старыя хищническія привычки?

Такъ думали, по крайней мѣрѣ, полицейскіе агенты, несмотря на всѣ увѣренія Жака Ріана и его товарищей. Когда очевидцы гибели „Моталы" узнали о назначенія слѣдствія, то раздѣлились на двѣ части: одни изъ нихъ довольствовались тѣмъ, что пожимали плечами; другіе, болѣе трусливые по характеру, говорили, что не слѣдовало бы раздражать огненныхъ фей, такъ какъ это поведетъ лишь къ новымъ катастрофамъ.

Тѣмъ не менѣе, слѣдствіе было произведено съ большой тщательностью.

Полицейскіе агенты отправились даже въ замокъ Дендональдъ и весь его внимательно осмотрѣли.

Прежде всего судья захотѣлъ узнать, не сохранилось ли на землѣ около замка слѣдовъ чьихъ-нибудь ногъ. Послѣ внимательнаго осмотра оказалось, что не сохранилось; а между тѣмъ, на землѣ, еще сырой отъ вчерашняго дождя, легко удержались бы слѣды человѣческой ноги, какъ осторожно ни ступала бы эта нога.

— Они ищутъ слѣдовъ фей! — вскричалъ Жакъ Ріанъ, узнавъ о неудачѣ, постигшей слѣдователей. — Ну, это все равно, что искать слѣдовъ водяного на поверхности воды въ болотѣ!

Итакъ, эта первая часть слѣдствія не привела ни къ какимъ результатамъ. Нельзя было надѣяться, однако, и на то, чтобы вторая была успѣшнѣе.

Дѣйствительно, предстояло опредѣлить, какимъ же образомъ былъ зажженъ огонь на вершинѣ старой башнѣ, что именно горѣло и какіе слѣды оставилъ послѣ себя огонь.

На первый вопросъ ничто не давало отвѣта. Нигдѣ не было видно ни сѣрныхъ спичекъ ни какихъ-либо другихъ зажигательныхъ веществъ.

На второй вопросъ тоже нельзя было получить опредѣленнаго отвѣта. Слѣдователи не нашли ни сухой травы ни кусковъ дерева, а между тѣмъ, по словамъ очевидцевъ, пламя горѣло такъ ярко, что горючаго матеріала, казалось бы, должно было быть въ изобиліи.

Подобно двумъ первымъ, и третій вопросъ остался безъ отвѣта. Полное отсутствіе всякаго пепла, всякихъ остатковъ какого-нибудь горючаго вещества не позволяло даже опредѣлить, гдѣ именно горѣлъ огонь. Ни на землѣ ни на скалахъ не было ни одного почернѣвшаго мѣста. Слѣдовало ли отсюда заключить, что огонь былъ зажженъ рукою какого-нибудь злоумышленника? Нѣтъ, такое заключеніе было очень невѣроятно, такъ какъ, по словамъ свидѣтелей, пламя было такихъ гигантскихъ размѣровъ, что экипажъ „Моталы“, несмотря на густой туманъ, замѣтилъ его на разстояніи нѣсколькихъ миль.

— Огненная фея, — говорилъ Жакъ Ріанъ, — можетъ обходиться и безъ спичекъ. Она дышитъ, а этого достаточно для того, чтобы окружающій ее воздухъ загорѣлся; понятно, что отъ такого огня пепла никогда не бываетъ.

Напрасныя усилія судей привели лишь къ тому результату, что къ массѣ легендъ, связанныхъ съ именемъ замка Дендональдъ, прибавилась еще новая легенда, которая должна была сохранить въ потомствѣ память о гибели „Моталы“ и укрѣпить вѣру въ существованіе огненныхъ фей.

Такой здоровый малый, какъ Жакъ Ріанъ, не могъ долго оставаться въ постели. Никакіе ушибы, никакіе вывихи не могли заставить его пролежать на боку болѣе, чѣмъ это было необходимо. Ему некогда было хворать. Въ Шотландіи, вообще, находятъ, что у человѣка нѣтъ времени хворать, оттого-то больныхъ тамъ почти и не бываетъ.

Итакъ, Жакъ Ріанъ быстро поправился. Когда онъ всталъ на ноги, то захотѣлъ исполнить кое-что прежде, чѣмъ вернуться къ своимъ обязанностямъ на фермѣ Мельрозъ. Онъ захотѣлъ посѣтить своего пріятеля Гарри и узнать отъ него, почему онъ не пришелъ на праздникъ

въ Ирвинскомъ кланѣ. Гарри всегда исполнялъ свои обѣщанія, и потому его отсутствіе на праздникѣ казалось Жаку необъяснимымъ. Кромѣ того, было невѣроятно, чтобы сынъ стараго углекопа ничего не слышалъ о гибели „Моталы“,— гибели, о которой съ такими подробностями сообщалось въ газетахъ. Онъ долженъ былъ поэтому знать, что случилось съ Жакомъ Ріаномъ, когда онъ спасалъ матросовъ, и ужъ, конечно, Гарри слѣдовало бы зайти на ферму, чтобы узнать о ходѣ болѣзни своего друга Жака Ріана.

Если Гарри, тѣмъ не менѣе, не зашелъ, то, значитъ, онъ не могъ зайти. Жакъ Ріанъ скорѣе сталъ бы отрицать существованіе огненныхъ фей, чѣмъ повѣрилъ бы въ то, что Гарри отнесся равнодушно къ его болѣзни.

Итакъ, черезъ два дня послѣ катастрофы Жакъ Ріанъ весело оставилъ ферму, какъ совершенно здоровый человѣкъ, который не чувствуетъ въ себѣ никакой болѣзни. Громко распѣвая пѣсни, которыя повторяло за нимъ эхо, онъ отправился на желѣзнодорожную станцію, чтобы уѣхать съ тѣмъ поѣздомъ, который идетъ въ Стирлингъ и въ Каллендеръ.

Въ то время, какъ онъ дожидался на станціи этого поѣзда, ему случайно попала на глаза афишка, которая висѣла на стѣнѣ и на которой было напечатано слѣдующее:

„4-го декабря этого года инженеръ Джемсъ Старръ, изъ Эдинбурга, сѣлъ на Грантонской пристани на пороходъ „Принцъ Уэльсскій“. Въ тотъ же день онъ сошелъ съ парохода въ Стирлингѣ. Съ тѣхъ поръ о немъ не имѣютъ никакихъ свѣдѣній.

„Всякаго, имѣющаго сообщить что-либо объ инженерѣ, просятъ обращаться къ президенту Королевскаго Института въ Эдинбургѣ“.

Жакъ Ріанъ, остановившись предъ афишкой, прочиталъ ее два раза съ видомъ чрезвычайнаго удивленія.

— Мистеръ Старръ! — вскричалъ онъ. — Но именно 4-го декабря я встрѣтилъ его и Гарри на лѣстницахъ шахты Яроу! Это было 10 дней тому назадъ! И съ тѣхъ поръ его нигдѣ не видали! Не исчезъ ли съ нимъ и Гарри? Можетъ-быть, поэтому мой товарищъ и не пришелъ на праздникъ въ Ирвинскій кланъ?

Жакъ Ріанъ и не думалъ терять времени на письменное сообщеніе президенту Королевскаго Института всего того, что онъ зналъ о Джемсѣ Старрѣ. Славный малый сѣлъ въ вагонъ прибывшаго поѣзда, съ твердымъ намѣреніемъ побывать сначала въ шахтѣ Яроу. По пріѣздѣ туда, онъ спустился бы въ самую глубь копи Дошаръ, если бы это потребовалось для того, чтобы отыскать Гарри, а вмѣстѣ съ нимъ и инженера Джемса Старра.

Черезъ три часа молодой человѣкъ сошелъ съ поѣзда на станціи Каллендеръ и быстро направился къ шахтѣ Яроу.

„Съ тѣхъ поръ они не показывались! — думалъ онъ дорогой. — Отчего бы это? Ужъ не помѣшало ли имъ что-нибудь выйти изъ шахты? Или, можетъ-быть, какая-нибудь важная работа задерживаетъ ихъ въ глубинѣ копей? Все это я узнаю!

Жакъ Ріанъ прибавилъ шагу и черезъ нѣсколько времени былъ уже у шахты Яроу.

Снаружи ничто не измѣнилось. Та же мертвая тишина царила вокругъ. Ни одного живого существа не было во всей этой пустынной мѣстности.

Жакъ Ріанъ вошелъ подъ навѣсъ, который прикрывалъ отверстіе шахты. Онъ посмотрѣлъ въ открывшуюся предъ нимъ пропасть и... ничего не увидалъ. Онъ прислушался и... ничего не услыхалъ.

— А моя лампа! — вдругъ вскричалъ онъ. — Гдѣ жъ она?

Лампа, которою Жакъ Ріанъ воспользовался во время своихъ посѣщеніи копи, обыкновенно стояла въ углу около площадки верхней лѣстницы.

Эта лампа исчезла.

— Вотъ первая непріятность! — сказалъ Жакъ Ріанъ, начавшій не на шутку тревожиться.

Потомъ онъ рѣшительно добавилъ:

— Все-таки, я сойду туда, хотя бы въ копи было темнѣе, чѣмъ въ аду!

И опо началъ спускаться по лѣстницамъ мрачной шахты.

Только хорошо зная копь Дошаръ, Жакъ Ріанъ могъ отважиться на это. Впрочемъ, онъ спускался очень осторожно. Его нога ощупывала каждую ступеньку. Одинъ неловкій шагъ, и онъ полетѣлъ бы въ бездонную пропасть. Жакъ Ріанъ считалъ каждую площадку, отдѣлявшую одну лѣстницу отъ другой. Онъ зналъ, что всѣхъ лѣстницъ тридцать и что онъ только тогда очутится на днѣ копи, когда пройдетъ тридцатую лѣстницу. Только бы добраться до этого дна, а тамъ ужъ легко будетъ отыскать коттеджъ, находившійся на концѣ главной галлереи.

Жакъ Ріанъ дошелъ до двадцать шестой-площадки, слѣдовательно, до дна оставалось не болѣе 200 футовъ.

Стоя на этой площадкѣ, онъ опустилъ ногу, чтобы ступить на первую ступеньку 27-ой лѣстницы, но его нога встрѣтила одну лишь пустоту и не нашла никакой точки опоры.

Жакъ Ріанъ сталъ на колѣни. Онъ хотѣлъ рукою достать до края лѣстницы... Все было напрасно.

Было очевидно, что 27-ой лѣстницы не было на ея мѣстѣ и что, слѣдовательно, ее унесли.

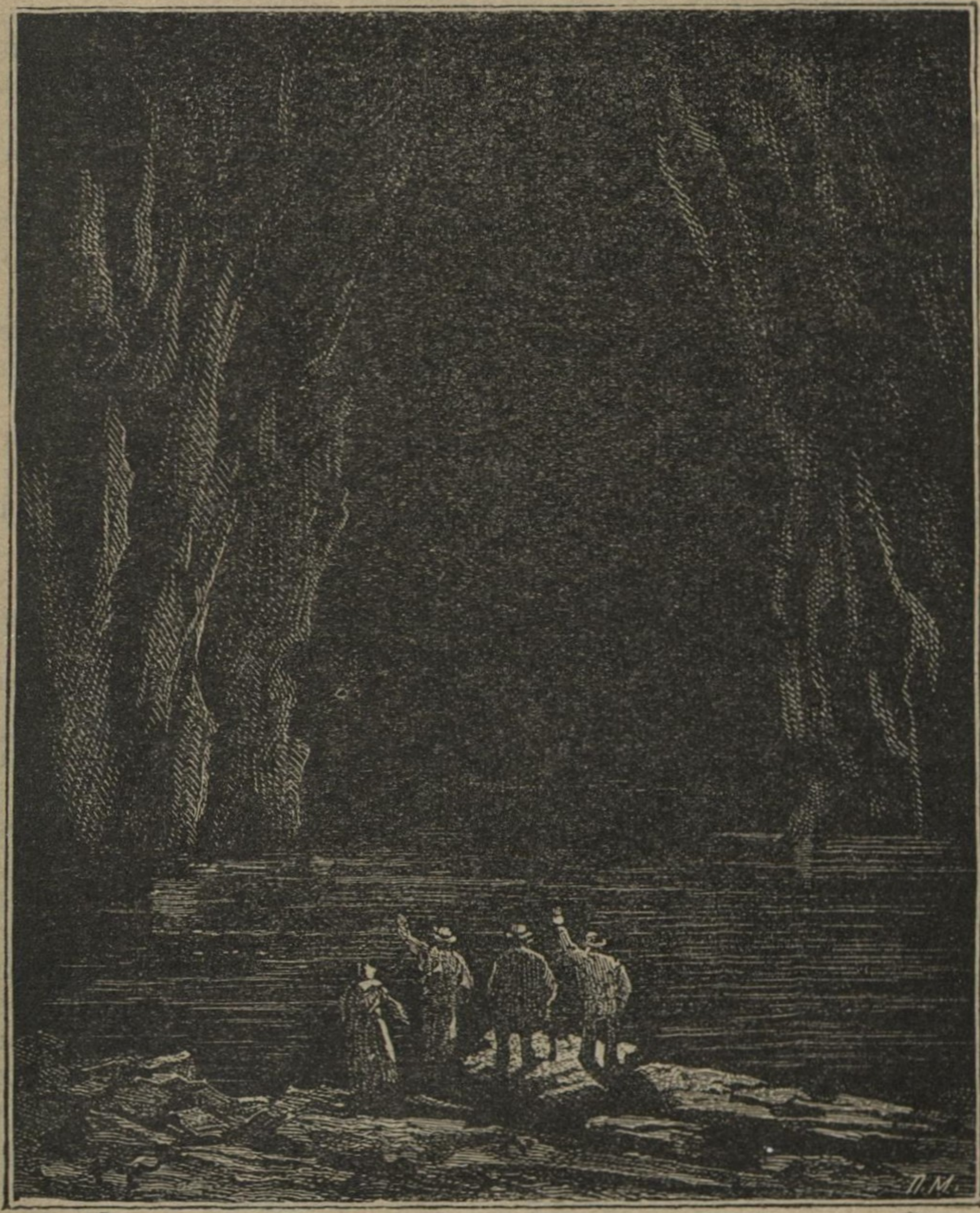
— Ужъ не шутки ли это стараго Ника?! — подумалъ Жакъ Ріанъ съ нѣкоторымъ страхомъ.

Онъ выпрямился и, скрестивъ на груди руки, подождалъ нѣсколько времени. Потомъ ему пришло въ голову, что если онъ не могъ спуститься внизъ, то обитатели копи не могутъ подняться вверхъ. На самомъ дѣлѣ, теперь не существовало сообщенія между копью и поверхностью земли. Если нижнія лѣстницы шахты Яроу были унесены тотчасъ же послѣ его послѣдняго посѣщенія коттеджа, то что сталось съ Симономъ Фордомъ, его женою, его сыномъ и инженеромъ? Продолжительное отсутствіе Джемса Старра, очевидно, доказывало, что онъ не выходилъ изъ копи съ самаго того дня, какъ Жакъ Ріанъ встрѣтился съ нимъ въ шахтѣ Яроу. Чѣмъ питались съ тѣхъ поръ обитатели коттеджа? Были ли съѣстные припасы у этихъ несчастныхъ, заключенныхъ въ землѣ на глубинѣ 1500 футовъ отъ ея поверхности?

Всѣ эти мысли пробѣжали въ умѣ Жака Ріана. Онъ прекрасно понималъ, что одному ему не пробраться въ коттеджъ. Молодому че-

ловѣку казалось несомнѣннымъ, что рука злоумышленника прервала сообщеніе между поверхностью земли и копью Дошаръ. Во всякомъ случаѣ, власти разберутъ это, но слѣдовало лишь извѣстить ихъ объ этомъ какъ можно скорѣе.

Жакъ Ріанъ наклонился надъ площадкою.



На берегу подземнаго озера. (Стр. 53.)

— Гарри! Гарри! — закричалъ онъ громкимъ голосомъ.

Эхо нѣсколько разъ повторило за нимъ имя Гарри; потомъ все опять смолкло.

Жакъ Ріанъ быстро поднялся наверхъ. Не теряя ни одного мгновенія, онъ направился къ желѣзнодорожной станціи въ Каллендерѣ. Всего лишь нѣсколько минутъ пришлось ему подождать прихода Эдин-

бургскаго поѣзда, и въ 3 часа пополудни молодой человѣкъ былъ уже у лорда-намѣстника столицы.

Тамъ онъ разсказалъ все, что зналъ о Джемсѣ Старрѣ. Точныя подробности, которыя онъ сообщилъ, не позволяли сомнѣваться въ истинѣ его словъ. Немедленно извѣстили президента Королевскаго института, сэра В. Эльфинстона, который былъ искреннимъ другомъ Джемса Старра. Сэръ Эльфинстонъ рѣшилъ тотчасъ же отправиться въ въ копь Дошаръ. Въ его распоряженіе отдали нѣсколько полицейскихъ агентовъ, которые захватили съ собою лампы, кирки, длинныя веревочныя лѣстницы, съѣстные припасы и необходимыя лѣкарства. Потомъ всѣ они, вмѣстѣ съ Жакомъ Ріаномъ, поспѣшили въ копи Аберфойля.

Вечеромъ того же дня сэръ В. Эльфинстонъ, Жакъ Ріанъ и полицейскіе агенты пришли къ отверстію шахты Яроу и спустились до 27-ой площадки, на которой Жакъ стоялъ нѣсколько часовъ тому назадъ.

Полицейскіе агенты привязали лампы къ концамъ длинныхъ веревокъ и спустили ихъ въ глубину шахты. При свѣтѣ лампъ оказалось, что четырехъ послѣднихъ лѣстницъ не было.

Итакъ было несомнѣнно, что кто-то съ намѣреніемъ уничтожилъ сообщеніе между поверхностью земли и копью Дошаръ.

— Чего же мы ждемъ, мистеръ? — съ нетерпѣніемъ спросилъ Жакъ Ріанъ.

— Мы ждемъ, чтобы эти спущенныя лампы были снова подняты къ намъ наверхъ, мой милый,— отвѣчалъ сэръ В. Эльфинстонъ. — Потомъ мы сойдемъ на дно, и ты насъ поведешь...

— Въ коттеджъ, — закричалъ Жакъ Ріанъ, — а если нужно, то въ самую глубь копей!

Когда лампы были подняты, агенты прикрѣпили къ площадкѣ веревочныя лѣстницы и спустили ихъ въ шахту. Оказалось, что площадки нижнихъ лѣстницъ не были унесены, и такимъ образомъ можно было спуститься на дно копи, хотя и съ большимъ трудомъ.

Жакъ Ріанъ первый повисъ на качавшейся во всѣ стороны веревкѣ и первый спустился на дно копей.

Вскорѣ къ нему присоединились сэръ В. Эльфинстонъ и агенты.

На днѣ шахты Яроу никого не было, и сэръ В. Эльфинстонъ былъ очень изумленъ, когда услышалъ, что Жакъ Ріанъ закричалъ:

— Смотрите, вотъ нѣсколько обгорѣлыхъ обломковъ лѣстницъ!

— Обгорѣлыхъ! — повторилъ сэръ В. Эльфинстонъ.— Да, въ самомъ дѣлѣ, вотъ и пепелъ!

— Какъ вы думаете, мистеръ, — спросилъ Жакъ Ріанъ, — не самъ ли инженеръ Джемсъ Старръ сжегъ эти лѣстницы и прервалъ такимъ образомъ всякое сообщеніе съ поверхностью земли?

— Не можетъ быть,—задумчиво отвѣчалъ сэръ В. Эльфинстонъ. — Пойдемъ, мой милый, въ коттеджъ! Тамъ мы узнаемъ истину!

Жакъ Ріанъ недовѣрчиво покачалъ головою. Взявъ лампу изъ рукъ агента, онъ быстро пошелъ по главной галлереѣ копи Дошаръ.

Всѣ послѣдовали за нимъ.

Черезъ четверть часа сэръ В. Эльфинстонъ и его спутники очутились на той рытвинѣ, гдѣ былъ расположенъ коттеджъ Симона Форда. Огня не было видно въ окнахъ коттеджа.

Жакъ Ріанъ бросился къ двери и живо ее отворилъ.

Коттеджъ былъ пустъ.

Агенты прошли по комнатамъ мрачнаго дома. Ничто въ этихъ комнатахъ не говорило о какомъ-либо злодѣйствѣ, совершенномъ надъ ихъ обитателями. Все было въ образцовомъ порядкѣ, какъ будто бы старая Мэджъ была еще здѣсь. Съѣстныхъ припасовъ было въ изобиліи, и ихъ, вѣроятно, хватило бы семейству Фордовъ еще на нѣсколько дней.

Итакъ отсутствіе хозяевъ было совершенно непонятно. Но можно ли было съ точностью опредѣлить, когда именно они оставили коттеджъ? Да, потому что Мэджъ имѣла обыкновеніе отмѣчать въ своемъ календарѣ крестомъ каждый наступившій день.

Этотъ календарь висѣлъ на стѣнѣ въ залѣ. Послѣдній крестъ былъ поставленъ въ немъ около 6-го декабря. Это число приходилось какъ разъ на другой день послѣ прибытія Джемса Старра. Итакъ, было очевидно, что Симонъ Фордъ, его жена, его сынъ и его гость оставили коттеджъ 6-го декабря, т. е. 10 дней тому назадъ. Можетъ-быть, инженеръ прибылъ для новыхъ изысканій въ копяхъ, но могли ли эти изысканія послужить причиною столь долгаго отсутствія? Очевидно нѣтъ!

Такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, сэръ В. Эльфинстонъ. Тщательно осмотрѣвъ коттеджъ, онъ положительно не зналъ, что ему слѣдовало теперь дѣлать.

Стояла глубокая тьма. Одинъ лишь свѣтъ лампъ, находившихся въ рукахъ агентовъ, освѣщалъ немного этотъ непроницаемый мракъ.

Вдругъ Жакъ Ріанъ испустилъ громкій крикъ.

— Тамъ, тамъ! — закричалъ онъ.

И онъ указалъ своимъ пальцемъ на довольно яркій свѣтъ, показавшійся въ темной дали галлереи.

— Друзья мои, пойдемте на этотъ огонь! — сказалъ сэръ В. Эльфинстонъ.

— Это огонь злыхъ духовъ! — вскричалъ Жакъ Ріанъ. — Къ чему на него итти? Все равно мы его не догонимъ!

Но президентъ Королевскаго института и полицейскіе агенты не были людьми суевѣрными. Они пошли туда, гдѣ мелькалъ движущійся огонекъ. Жакъ Ріанъ послѣдовалъ за ними.

Сэръ В. Эльфинстонъ и его спутники долго и упорно преслѣдовали этотъ огонекъ. Казалось, что какое-то существо небольшого роста, но необычайно проворное, несло горящій факелъ. Часто это существо исчезало за какою-нибудь насыпью, но черезъ мгновенье же оно снова появлялось въ глубинѣ какой-нибудь галлереи. Потомъ оно дѣлало быстрые повороты и скрывалось. Можно было подумать, что оно исчезло навсегда, какъ вдругъ гдѣ-нибудь опять показывался свѣтъ его факела. Но вообще разстояніе между нимъ и преслѣдовавшими его людьми ничуть не уменьшалось, и Жакъ Ріанъ продолжалъ думать, что этотъ огонекъ невозможно догнать.

Цѣлый часъ продолжалось это безполезное преслѣдованіе, и, наконецъ, сэръ В. Эльфинстонъ и его товарищи очутились въ юго-западной части копи Дошаръ. Полицейскіе агенты тоже, въ свою очередь, начали думать, что они имѣютъ дѣло съ какимъ-то страннымъ и неуловимымъ огонькомъ.

Однако, стало казаться, что разстояніе между огонькомъ и преслѣдующими его людьми какъ будто уменьшается. Устало ли неизвѣстное существо или просто оно хотѣло завлечь сэра В. Эльфинстона и его спутниковъ туда, куда уже были завлечены несчастные жители коттеджа? Рѣшить этотъ вопросъ было очень трудно.

Тѣмъ не менѣе, агенты, видя, что разстояніе уменьшается, удвоили свои усилія. Огонекъ, который все время держался отъ нихъ на разстояніи, не меньшемъ 200 шаговъ, теперь блестѣлъ лишь шагахъ въ 50-ти. Къ тому же и это пространство все уменьшалось и уменьшалось. Иногда существо, несшее факелъ, оглядывалось, и тогда можно было различить человѣческій профиль. Жакъ Ріанъ принужденъ былъ согласиться, что предъ нимъ бѣжитъ не духъ, хотя, впрочемъ, и духъ могъ принять человѣческій видъ.

Жакъ побѣжалъ скорѣе и закричалъ:

— Смѣлѣй, товарищи! Неизвѣстный утомляется! Мы его скоро настигнемъ, и если онъ такъ же хорошо говоритъ, какъ увертывается, то ему много кое-что придется намъ поразсказать.

Однако, преслѣдовать огонекъ стало теперь гораздо труднѣе. Въ этомъ мѣстѣ копей узкіе тоннели то и дѣло перекрещивались между собою. Неизвѣстный легко могъ ускользнуть отъ агентовъ въ этомъ лабиринтѣ. Стоило лишь ему погасить свой фонарь и броситься куда-нибудь въ сторону, въ какой-нибудь темный проходъ.

„Въ самомъ дѣлѣ,— подумалъ сэръ В. Эльфинстонъ, — если неизвѣстный хочетъ отъ насъ ускользнуть, то почему онъ этого не дѣлаетъ?“

Дѣйствительно, неуловимое существо до сихъ поръ этого не дѣлало; но въ тотъ самый моментъ, какъ эта мысль пробѣжала въ умѣ сэра В. Эльфинстона, огонекъ вдругъ исчезъ; почти въ это же время агенты очутились передъ узкимъ отверстіемъ въ скалахъ.

Проникнуть въ это внезапно открывшееся отверстіе для сэра В. Эльфинстона, Жака Ріана и ихъ спутниковъ было дѣломъ одного мгновенья.

Но не сдѣлали они и ста шаговъ въ новой, болѣе широкой и высокой галлереѣ, какъ вдругъ остановились.

На полу, около стѣны, лежало четыре тѣла... можетъ-быть, четыре трупа!

— Джемсъ Старръ!— сказалъ сэръ В. Эльфинстонъ.

— Гарри! Гарри! — закричалъ Жакъ Ріанъ, увидавъ своего товарища.

Дѣйствительно, это были инженеръ, Мэджъ, Симонъ и Гарри Фордъ. Неподвижно лежали они тутъ, у стѣны.

Одно изъ этихъ тѣлъ приподнялось, и слабый голосъ старой Мэджъ пробормоталъ:

— Имъ!.. Помогите сначала имъ!

Сэръ В. Эльфинстонъ, Жакъ Ріанъ и агенты привели въ чувство инженера и его товарищей, заставивъ ихъ проглотить нѣсколько капель подкрѣпляющаго силы лѣкарства. Эти несчастные, уже 10 дней находившіеся въ Новомъ Аберфойлѣ, умирали отъ голода.

И если они еще не умерли, такъ это благодаря лишь тому, что три раза они находили около себя немного хлѣба и кружку съ водой! Несомнѣнно, то благодѣтельное существо, которому они обязаны были этимъ, не могло сдѣлать для нихъ ничего болѣе!..

Когда Джемсъ Старръ сообщилъ объ этомъ сэру В. Эльфинстону, то

президентъ Королевскаго института спросилъ себя,— не это ли благодѣтельное существо привело и ихъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали Джемсъ Старръ и его товарищи.

Какъ бы тамъ ни было, инженеръ, Мэджъ, Симонъ и Гарри Фордъ были спасены. Они были отведены въ коттеджъ черезъ тотъ узкій проходъ, къ которому неизвѣстный огонекъ привелъ сэра В. Эльфинстона и его спутниковъ.

Если Джемсъ Старръ и его товарищи не могли отыскать того отверстія, которое они сами же пробили въ стѣнѣ динамитомъ, то это потому, что отверстіе было плотно заставлено рядомъ камней, которыхъ они не могли разглядѣть въ непроницаемомъ мракѣ.

Итакъ, въ то время, какъ они осматривали новыя копи, рука какого-то врага загородила имъ выходъ изъ Новаго Аберфойля!

ГЛАВА XIII.

Каменноугольный городъ.

Черезъ три года послѣ разсказанныхъ событій путеводители Joanne'а или Murroy'я совѣтовали многочисленнымъ туристамъ, посѣщавшимъ графство Стирлингъ, непремѣнно посвятить нѣсколько часовъ на осмотръ копей Новаго Аберфойля.

Никакія другія копи, ни въ Старомъ ни въ Новомъ Свѣтѣ, не представляли болѣе любопытнаго зрѣлища.

Прежде всего посѣтитель спускался, безъ всякой для себя опасности и не чувствуя ни малѣйшей усталости, на то мѣсто, гдѣ происходили работы на глубинѣ 1500 футовъ подъ земной поверхностью.

Для этой цѣли служилъ отлогій и широкій тоннель, который велъ прямо въ самыя копи. Входъ въ него находился на разстояніи 7-ми миль отъ Каллендера и былъ украшенъ башенками, зубцами и бойницами.

Въ тоннелѣ былъ проложенъ рельсовый путь, по которому безпрерывно ходили вагончики, приводившіеся въ движеніе гидравлическими машинами. Такимъ образомъ, постоянно поддерживалось сообщеніе между поверхностью земли и тѣмъ поселеніемъ, которое находилось подъ землею и которое носило громкое имя „Каменноугольнаго города“.

Прибывъ въ Каменноугольный городъ, посѣтитель видѣлъ прежде всего, что онъ попалъ въ такую мѣстность, гдѣ электричество играетъ главную роль, какъ источникъ тепла и свѣта.

Дѣйствительно, шахты, служившія для вентиляціи, несмотря на свою многочисленность, пропускали мало дневного свѣта въ копи Новаго Аберфойля. Тѣмъ не менѣе, въ копяхъ было постоянно свѣтло, такъ какъ солнечный свѣтъ былъ замѣненъ въ нихъ электрическимъ. Тамъ и сямъ подъ сводами были подвѣшены электрическія солнца, которыя ярко освѣщали Новый Аберфойль. Когда наступилъ часъ отдыха, электрическій токъ замыкали, и тотчасъ же глубокій мракъ окутывалъ копи.

Все это электричество горѣло въ абсолютной пустотѣ, т. е. совершенно не сообщалось съ окружающимъ воздухомъ. Поэтому нельзя было опасаться взрыва даже и въ томъ случаѣ, если бы въ атмосферѣ

было очень много подземнаго газа. Такимъ образомъ, жители Каменноугольнаго города безопасно пользовались электрическимъ свѣтомъ и въ то время, какъ работали въ копяхъ Новаго Аберфойля, и въ то время, какъ отдыхали у себя дома.

Нужно сказать прежде всего, что ожиданія инженера Джемса Старра сбылись: вновь открытыя залежи заключали въ себѣ безчисленныя массы угля. Кирка углекопа застучала впервые на разстояніи четверти мили отъ Каменноугольнаго города. Такимъ образомъ, работы по добыванію угля начались сперва далеко не въ центрѣ новыхъ копей. Многочисленныя шахты соединяли копи съ поверхностью земли. Большой тоннель, по которому ходили вагончики, приводившіеся въ движеніе гидравлическими машинами, служилъ для того, чтобы жители Каменноугольнаго города могли легко и быстро подняться на землю.

Читатель помнитъ, какой своеобразный видъ имѣла та огромная пещера, до которой дошли старый углекопъ и его товарищи во время своего перваго посѣщенія Новаго Аберфойля. Она завершалась высокимъ остроконечнымъ куполомъ. Столбы, которые его поддерживали, достигали высоты въ 300 футовъ, т. е. высоты Мамонтова грота, въ Кентуки.

Всѣмъ извѣстно, что въ громадномъ Мамонтовомъ гротѣ можетъ свободно помѣститься 5000 человѣкъ. Пещера Новаго Аберфойля была такихъ же размѣровъ. Но въ знаменитомъ американскомъ гротѣ взглядъ человѣка встрѣчалъ вездѣ одни лишь удивительной величины сталактиты, тогда какъ въ Новомъ Аберфойлѣ повсюду чернѣлъ каменный уголь.

Дно пещеры Новаго Аберфойля занимало большое и глубокое озеро, прозрачныя воды котораго кишѣли безглазыми рыбами и которое инженеръ назвалъ озеромъ Малькольмъ.

На одномъ изъ береговъ этого озера Симонъ Фордъ построилъ свой новый коттеджъ, который онъ не промѣнялъ бы на самый лучшій домъ въ Эдинбургѣ. Въ этомъ коттеджѣ было всего пять оконъ, и всѣ они отражались въ водахъ озера.

Черезъ два мѣсяца по сосѣдству съ коттеджемъ Симона Форда появилось новое жилище. Оно принадлежало Джемсу Старру. Инженеръ душой и тѣломъ отдался Новому Аберфойлю. Онъ поселился въ немъ и появлялся на поверхности земли лишь въ случаѣ крайней необходимости, такъ что теперь онъ постоянно жилъ среди своихъ углекоповъ.

Когда были открыты новыя залежи, то всѣ рабочіе прежнихъ копей поспѣшили оставить плугъ и борону и снова взялись за кирку и заступъ. Съ одной стороны, ихъ манила увѣренность въ томъ, что теперь работы въ копяхъ на ихъ вѣкъ хватитъ, съ другой — ихъ привлекали высокія цѣны, которыми оплачивался рабочій трудъ въ новыхъ копяхъ. Одинъ за однимъ они оставляли поверхность земли и уходили въ Новый Аберфойль.

Мало-по-малу цѣлый рядъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ покрылъ берега озера Малькольмъ. Углекопы, работавшіе киркой, катальщики, отвозившіе уголь, различные надсмотрщики за работами, сторожа, слѣдившіе за исправностью путей сообщенія, каменьщики, которые устилали камнемъ тѣ мѣста, откуда выламывали уголь, словомъ, — всѣ тѣ рабочіе, которые необходимы при разработкѣ угольныхъ залежей, посе-

лились въ Новомъ Аберфойлѣ. Живописные домики, въ которыхъ жила вся эта масса рабочаго люда, и образовали Каменноугольный городъ, разстилавшійся какъ разъ подъ восточной частью озера Катрайнъ, находившагося въ сѣверномъ углу графства Стирлингъ.

Такимъ образомъ, цѣлый городъ возникъ на берегахъ озера Малькольмъ. На самомъ верху огромной скалы, основаніе которой омывали воды подземнаго озера, возвышалась часовня во имя св. Эгидія.

Когда электрическія солнца освѣщали этотъ подземный городъ, то получалось что-то волшебное, что-то фантастическое, и неудивительно, что туристы массами посѣщали Новый Аберфойль.

Разумѣется, жители Каменноугольнаго города были имъ очень довольны. Они рѣдко покидали свои копи, слѣдуя примѣру Симона Форда, который почти никогда не показывался на поверхности земли. Старый углекопъ былъ увѣренъ, что „тамъ, на верху" постоянно идетъ дождь, и, зная климатъ Соединенныхъ Королевствъ, нужно сознаться, что старикъ былъ до извѣстной степени правъ. Итакъ, въ Новомъ Аберфойлѣ все дышало счастьемъ. Черезъ три года работъ рабочіе достигли такого благосостоянія, о которомъ имъ и не снилось на поверхности земли. За это время у нихъ родилось много малютокъ, ни разу еще не дышавшихъ надземнымъ воздухомъ.

Это давало поводъ Жаку Ріану говорить:

— Вотъ ужъ полтора года, какъ эти малютки ходятъ, а все еще они не успѣли показаться на свѣтъ.

Замѣтимъ, кстати, что Жакъ Ріанъ одинъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ инженера. Этотъ веселый малый съ удовольствіемъ взялся за свое старое ремесло. Такимъ образомъ, ферма Мельрозъ лишилась своего пѣвца и музыканта. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что Жакъ Ріанъ пересталъ пѣть. Напротивъ, Новый Аберфойль то и дѣло оглашался звуками его пѣсенъ.

Жакъ Ріанъ поселился въ новомъ коттеджѣ Симона Форда. Старикъ предложилъ ему комнату у себя въ домѣ, и простой малый, не стѣсняясь, принялъ это приглашеніе. Старая Мэджъ отъ души полюбила его за его прекрасный характеръ и всегда веселое расположеніе духа. Къ тому же она раздѣляла его вѣру въ существованіе злыхъ духовъ, посѣщавшихъ копи; и, оставаясь съ нимъ наединѣ, она или сама разсказывала ему разныя страшныя исторіи о привидѣніяхъ и оборотняхъ, или слушала то, что разсказывалъ онъ.

Такимъ образомъ, всѣ въ коттеджѣ любили Жака Ріана, тѣмъ болѣе, что онъ былъ прекраснымъ работникомъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ открытія работъ онъ былъ уже надсмотрщикомъ надъ цѣлой смѣной рабочихъ.

— Вотъ какое хорошее дѣло сдѣлали вы, мистеръ Фордъ! — говорилъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ поселился въ коттеджѣ. — Вы открыли новыя залежи угля и не слишкомъ дорого заплатили за свое открытіе, хотя чуть и не поплатились жизнью!

— Вѣрно, Жакъ, — отвѣчалъ старый углекопъ. — Но ни мистеръ Старръ ни я — никогда не забудемъ, что тебѣ мы обязаны своей жизнью!

— Да вовсе не я спасъ вамъ жизнь, — возразилъ Жакъ Ріанъ. — Это было дѣломъ вашего сына Гарри, которому пришла въ голову сча-

стливая мысль принять мое приглашеніе на праздникъ въ Ирвинскомъ кланѣ...

— И не пойти туда, не правда ли? — замѣтилъ Гарри, пожимая руку своего товарища. — Нѣтъ, Жакъ, если мы живы теперь, то это благодаря лишь тебѣ,— тебѣ, который, несмотря на свою собственную болѣзнь, не потерялъ ни дня ни часа, чтобы отыскать насъ.

— Да нѣтъ же! — упрямо продолжалъ добрый малый. — Я не допущу, чтобы говорили неправду! Я постарался лишь узнать, что случилось съ тобою, Гарри,—вотъ и все. Но нужно сознаться, что безъ того неуловимаго духа...

— Ну, вотъ опять, — вскричалъ Симонъ Фордъ, — какой-то духъ!..

— Да, духъ, сынъ феи, — повторилъ Жакъ Ріанъ. — Сынъ огненной феи; самъ Урискъ, если хотите! Несомнѣнно, что безъ него мы никогда не проникли бы въ ту галлерею, откуда вы не могли найти выхода!

— Конечно, Жакъ, — подтвердилъ Гарри. — Остается теперь лишь узнать, дѣйствительно ли это былъ духъ, какъ ты говоришь.

— Разумѣется, духъ! — вскричалъ Жакъ Ріанъ. — Онъ бѣжалъ впереди насъ съ своимъ факеломъ въ рукѣ. Мы старались его поймать, но онъ исчезъ, какъ тѣнь! Будь увѣренъ, Гарри, что когда-нибудь онъ снова появится!

— Кто бы это тамъ ни былъ, Жакъ, — сказалъ Симонъ Фордъ, — намъ, все-таки, нужно постараться отыскать его, и я думаю, что ты намъ поможешь въ этомъ.

— Нехорошее дѣло вы задумали, мистеръ Фордъ! — отвѣчалъ Жакъ Ріанъ.

— Тамъ увидимъ, Жакъ!

Нечего и говорить, что Новый Аберфойль вскорѣ сталъ знакомъ, какъ свои пять пальцевъ, всему семейству Фордовъ, а въ особенности Гарри. Сынъ стараго углекопа изучилъ всѣ закоулки новыхъ копей. Онъ достигъ даже того, что могъ точно опредѣлить, что именно на земной поверхности находится надъ тѣмъ или другимъ пунктомъ Новаго Аберфойля. Онъ зналъ, что надъ Новымъ Аберфойлемъ шелъ заливъ рѣки Клейда, разстилалиcь озера: Ломондъ и Катрайнъ, высились Грэмпіэнскія горы и проходила Баллохская желѣзная дорога. Затѣмъ начиналось море, грохотъ волнъ котораго иногда, во время бурь, слышенъ былъ въ новыхъ копяхъ. Гарри удивительно изучилъ то подземелье, въ которомъ жилъ, и среди непроницаемой тьмы могъ безопасно провести по нему любого туриста.

И какъ же онъ любилъ этотъ Новый Аберфойль! Сколько разъ, съ своею лампой въ рукахъ, бродилъ онъ по его мрачнымъ безднамъ! Сколько разъ онъ въ своей лодочкѣ переплывалъ его озеро! Онъ даже охотился, такъ какъ въ подземельѣ жило много дикихъ птицъ, питавшихся рыбами, которыхъ была масса въ подземныхъ озерахъ.

Гарри часто уходилъ изъ дому. Его все еще не покидала надежда на то, что онъ увидитъ же когда-нибудь то таинственное существо, вмѣшательство котораго спасло жизнь какъ его самого, вакъ и его родныхъ. Его предчувствіе подсказывало ему, что эта надежда его не обманетъ; однако, нужно сознаться, что, несмотря на всѣ свои поиски, онъ до сихъ поръ не могъ напасть на слѣдъ таинственнаго незнакомца.

Что касается тѣхъ необъяснимыхъ явленій, которыя происходили незадолго до открытія Новаго Аберфойля, то нужно замѣтить, что они больше не повторялись.

Такимъ-то образомъ шли дѣла въ этомъ удивительномъ подземельѣ.

Не слѣдуетъ думать, что въ Каменноугольномъ городѣ не было никакихъ развлеченій и что жизнь тамъ шла очень однообразно.

Гибель «Моталы». (Стр. 60.)

Напротивъ, его жители, имѣя одинаковые интересы, одинаковыя наклонности и располагая болѣе или менѣе одинаковымъ состояніемъ, не чувствовали никакой потребности искать какихъ-либо удовольствій внѣ своихъ копей, тѣмъ болѣе, что каждое воскресенье устраивались гулянья по копямъ или катанья въ лодкахъ по озерамъ и прудамъ, доставлявшія большое развлеченье.

Кромѣ того, на берегахъ озера Малькольмъ часто раздавались звуки волынки, національнаго музыкальнаго инструмента шотландцевъ. Рабочіе выходили изъ своихъ домиковъ вмѣстѣ съ своими семьями, и начинались танцы. Самымъ лучшимъ танцоромъ былъ, конечно, Жакъ Ріанъ, надѣвавшій всегда въ такихъ случаяхъ національный шотландскій костюмъ.

Однимъ словомъ, Симонъ Фордъ началъ уже увѣрять, что Каменноугольный городъ не уступитъ самому Эдинбургу, климатическія условія котораго не изъ особенно пріятныхъ, въ которомъ зимою бываетъ такъ холодно, а лѣтомъ такъ жарко... Къ тому же воздухъ, которымъ дышатъ въ древней шотландской столицѣ, до такой степени пропитанъ дымомъ, выходящимъ изъ трубъ ея многочисленныхъ заводовъ, что къ ней какъ нельзя болѣе подходитъ названіе „Auld-Reeky" *).

ГЛАВА XIV.

На волосокъ отъ смерти.

Достигнувъ исполненія всѣхъ своихъ завѣтныхъ желаній, семейство Симона Форда было вполнѣ счастливо. Однако, можно было замѣтить, что характеръ Гарри день ото дня становился все болѣе и болѣе мрачнымъ; молодой человѣкъ замѣтно „уходилъ въ себя", какъ выражалась Мэджъ. Жаку Ріану, несмотря на всю его веселость, рѣдко удавалось развеселить своего товарища.

Разъ какъ-то въ воскресенье (дѣло было въ іюнѣ мѣсяцѣ) оба друга гуляли по берегамъ озера Малькольмъ. На землѣ стояла бурная погода; шелъ проливной дождь, и отъ земли поднимались теплыя испаренія.

Въ Каменноугольномъ городѣ, напротивъ, было совершенно тихо: ни дождя ни вѣтра не было. Ничто здѣсь не напоминало о томъ, что на землѣ бушевали разъяренныя стихіи. Поэтому многіе изъ жителей Стирлинга и его окрестностей пріѣхали въ копи, чтобы погулять здѣсь, не страшась дождя.

Электрическіе фонари бросали такой яркій свѣтъ, которому могло бы позавидовать само британское солнце, которое въ данную минуту заволакивали темныя тучи.

Жакъ Ріанъ обратилъ вниманіе своего товарища на громадное количество пріѣзжихъ. Но Гарри, казалось, и не слушалъ того, что говорилъ Жакъ.

— Да посмотри же, Гарри! — вскричалъ Жакъ Ріанъ. — Посмотри, какъ много пріѣзжихъ! Ну же, товарищъ, отгони свои печальныя мысли, а то всѣ эти люди съ земли подумаютъ, что мы имъ завидуемъ!

— Жакъ, — отвѣчалъ Гарри, — не обращай на меня вниманія! Довольно того, что ты веселъ за двоихъ!

— Клянусь старымъ Никомъ, — замѣтилъ Жакъ Ріанъ, — твоя меланхолія заразитъ, наконецъ, и меня! Посмотри, мои глаза и такъ ужъ темнѣютъ, губы сжимаются, смѣхъ замираетъ въ горлѣ, пѣсни исчезаютъ изъ памяти!.. Скажи же, Гарри, что съ тобой?

---

*) „Старый-Закопченный" — прозвище Эдинбурга.

— Ты это знаешь, Жакъ.

— Неужели все та же мысль не даетъ тебѣ покоя?..

— Да.

— Ахъ, бѣдный Гарри! — отвѣчалъ Жакъ Ріанъ, пожимая плечами. — Повѣрь мнѣ, что въ нашихъ копяхъ существуютъ духи, и успокойся!

— Ты прекрасно знаешь, Жакъ, что духи существуютъ лишь въ твоемъ воображеніи, и что съ тѣхъ поръ, какъ начались работы, ни одного изъ нихъ не видали въ Новомъ Аберфойлѣ.

— Пусть такъ, Гарри! Но если духи не показываются болѣе, то вѣдь не показываются и тѣ таинственныя существа, которыя, по твоему мнѣнію, произвели все то, что и до сихъ поръ остается для насъ непонятнымъ!

— Я отыщу ихъ, Жакъ!

— Ахъ, Гарри, Гарри! Не легко отыскать духовъ Новаго Аберфойля!

— Я отыщу твоихъ мнимыхъ духовъ! — повторилъ Гарри тономъ, который не допускалъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что молодой человѣкъ твердо рѣшился сдѣлать это.

— Такъ ты думаешь ихъ наказать?

— Наказать и наградить, Жакъ. Если чья-то рука заперла насъ въ этой галлереѣ, то вѣдь я не забываю, что чья-то другая помогла намъ! Да, я этого не забываю!

— Эхъ, Гарри, — сказалъ Жакъ Ріанъ, — почему ты такъ увѣренъ, что обѣ эти руки принадлежатъ не одному и тому же тѣлу?

— Почему, Жакъ? Да съ чего ты взялъ, что насъ и заперло и спасло одно и то же существо?

— Видишь ли, Гарри... феи... или тѣ существа, которыя живутъ въ нашихъ копяхъ, созданы не такъ, какъ мы!

— Они созданы, какъ мы, Жакъ!

— Да нѣтъ же, Гарри... нѣтъ!.. Къ тому же, почему не предположить, что въ Новый Аберфойль забрался какой-нибудь идіотъ...

— Идіотъ! — воскликнулъ Гарри. — Идіотъ дѣйствуетъ такъ послѣдовательно! Идіотъ — тотъ злодѣй, который не переставалъ всячески вредить намъ съ той самой минуты, какъ сжегъ лѣстницы шахты Яроу!

— Ты забываешь, Гарри, что вотъ уже три года, какъ онъ не причинилъ ни малѣйшаго зла ни тебѣ ни твоимъ роднымъ!

— Это ничего не значитъ, Жакъ, — отвѣчалъ Гарри. — У меня есть предчувствіе, что этотъ злодѣй не отказался еще отъ своихъ плановъ. Я не могу тебѣ сказать, почему я такъ думаю. Но въ интересахъ новыхъ копей я хочу знать, кто онъ и гдѣ онъ скрывается.

— Въ интересахъ новыхъ копей?.. — переспросилъ Жакъ Ріанъ, нѣсколько изумленный.

— Да, Жакъ, — отвѣчалъ Гарри. — Можетъ-быть, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что всѣ желанія этого злодѣя какъ разъ противоположны нашимъ. Впрочемъ, едва ли я ошибаюсь, такъ какъ я долго думалъ объ этомъ. Припомни всю эту цѣпь тѣхъ необъяснимыхъ явленій, которыя такъ логически связаны другъ съ другомъ. Это анонимное письмо, противорѣчившее письму моего отца, доказываетъ, что кто-то зналъ наши планы и захотѣлъ помѣшать ихъ осуществленію. Мистеръ Старръ

пріѣхалъ къ намъ въ копь Дошаръ. Едва лишь я ввелъ его туда, какъ на насъ падаетъ огромный камень; вслѣдъ за тѣмъ были сожжены лѣстницы шахты Яроу, и, такимъ образомъ, намъ было отрѣзано всякое сообщеніе съ поверхностью земли. Мы начинаемъ наше изслѣдованіе. Опытъ, который долженъ доказать существованіе новыхъ залежей, становится невозможнымъ, вслѣдствіе того, что щели въ стѣнѣ замазаны. Несмотря на то, намъ удается отыскать новыя копи. Мы возвращаемся къ себѣ въ коттеджъ, какъ вдругъ въ воздухѣ проносится какъ бы порывистый вѣтеръ; лампа падаетъ у меня изъ рукъ и разбивается. Насъ окружаетъ непроницаемая тьма. Однако, мы достигаемъ конца галлереи и, все-таки... не можемъ изъ нея выйти. Отверстіе, чрезъ которое мы вошли, было задѣлано. Мы были заперты. Неужели, Жакъ, ты не видишь во всемъ этомъ преступную руку? Да, въ нашихъ копяхъ скрывается какое-то неизвѣстное существо, въ которомъ, однако, нѣтъ ничего сверхъестественнаго, хотя ты и настаиваешь на этомъ. Неизвѣстный почему-то старался преградить намъ доступъ въ Новый Аберфойль, а самъ былъ въ немъ!.. Какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что онъ здѣсь еще и теперь, и, можетъ-быть, онъ готовитъ намъ какой-нибудь страшный ударъ! Вотъ почему, Жакъ, я долженъ отыскать его, хотя бы мнѣ и пришлось поплатиться за это своей жизнью!..

Гарри говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, которое произвело сильное впечатлѣніе на его товарища.

— Жакъ Ріанъ прекрасно понималъ, что Гарри былъ правъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ прошлому. Факты говорили сами за себя, какова бы ни была ихъ причина.

Однако, добрый малый полагалъ, что всѣ эти явленія могутъ быть объяснены и съ его точки зрѣнія. Но, понимая, что Гарри ни въ какомъ случаѣ не повѣритъ, чтобы тутъ вмѣшался какой-либо духъ, онъ обратилъ вниманіе своего товарища лишь на то обстоятельство, которое казалось ему несовмѣстимымъ съ тѣми злобными чувствами, которыя неизвѣстный питалъ по отношенію къ семейству Фордовъ.

— Хорошо, Гарри, — сказалъ онъ, — я согласенъ съ тобою въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но не согласишься ли и ты, что какой-нибудь благодѣтельный духъ приносилъ вамъ хлѣба и воды и, такимъ образомъ, спасъ васъ...

— Жакъ, — перебилъ его Гарри, — благодѣтельное существо, которое ты считаешь сверхъестественнымъ, на самомъ дѣлѣ, такъ же реально, какъ и тотъ злодѣй. Я отыщу ихъ обоихъ, хотя бы для этого мнѣ пришлось осмотрѣть самыя мрачныя бездны нашихъ копей.

— Но есть у тебя какія-нибудь указанія, которыми ты могъ бы руководствоваться во время твоихъ поисковъ? — спросилъ Жакъ Ріанъ.

— Можетъ-быть, есть, — отвѣчалъ Гарри. — Выслушай меня внимательно. Въ пяти миляхъ къ западу отъ Новаго Аберфойля, какъ разъ въ той части копей, надъ которой разстилается на землѣ озеро Ломондъ, находится естественная шахта, которая идетъ въ самыя нѣдра земли. Недѣлю тому назадъ я захотѣлъ измѣрить ея глубину. Дѣлая это, я наклонился надъ отверстіемъ шахты, и мнѣ показалось, что внутри раздавались какъ бы взмахи чьихъ-то крыльевъ.

— Вѣроятно, какая-нибудь птица забралась въ нижнія галлереи копи, — замѣтилъ Жакъ.

— Вовсе нѣтъ, Жакъ, — возразилъ Гарри. — Сегодня утромъ я вернулся къ этой шахтѣ, внимательно прислушался, и услышалъ чьи-то стоны...

— Стоны! — вскричалъ Жакъ. — Ты ошибся, Гарри! Вѣроятно, это шумѣлъ вѣтеръ... а можетъ-быть, духъ...

— Завтра, Жакъ, — перебилъ Гарри, — я узнаю это.

— Завтра? — спросилъ Жакъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза своему товарищу.

— Да! Завтра я спущусь въ эту шахту.

— Гарри, это значитъ искушать Бога!

— Нѣтъ, Жакъ! Я буду молиться Ему, чтобы Онъ помогъ мнѣ. Завтра мы оба отправимся къ этой шахтѣ и захватимъ съ собой нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей. Я возьму длинную веревку, однимъ концомъ которой обвяжу себя вокругъ тѣла, а другой будетъ у васъ. Вы спустите меня въ шахту, а потомъ, по данному знаку, вытащите меня изъ нея. Могу я разсчитывать на тебя, Жакъ?

— Гарри, — отвѣчалъ Жакъ Ріанъ, покачивая головой, — я сдѣлаю все, что хочешь, и, однако, повторяю тебѣ: ты рискуешь своей жизнью напрасно.

— Лучше подвергнуться самой страшной опасности, чѣмъ потомъ горевать, что не сдѣлалъ того, что слѣдовало бы сдѣлать, — сказалъ Гарри рѣшительнымъ тономъ. — Итакъ, завтра утромъ, въ 6 часовъ, и больше ни слова объ этомъ! Прощай, Жакъ!

Чтобы прекратить разговоръ съ товарищемъ, который, вѣроятно, продолжалъ бы свои возраженія, Гари оставилъ Жака и вернулся въ коттеджъ.

Однако, нужно сознаться, что опасенія Жака не были совершенно ужъ неосновательны. Если у Гарри былъ какой-либо личный врагъ и если этотъ врагъ находился на днѣ той шахты, въ которую молодой углекопъ хотѣлъ спуститься, то ясно, что Гарри подвергался страшной опасности. Но дѣйствительно ли существовалъ этотъ врагъ?

„Къ тому же, — говорилъ себѣ Жакъ Ріанъ, — зачѣмъ тратить столько усилій для того, чтобы объяснить естественнымъ путемъ всѣ тѣ явленія, которыя такъ легко объясняются, если допустить вмѣшательство духовъ копей?“

Какъ бы тамъ ни было, на другой день Жакъ Ріанъ и трое другихъ углекоповъ отправились вмѣстѣ съ Гарри къ отверстію подозрительной шахты.

Гарри ничего не сказалъ о своемъ предпріятіи ни Джемсу Старру ни своему отцу. Жакъ Ріанъ тоже постарался сохранить все въ тайнѣ. Углекопы, видѣвшіе, какъ они отправились въ путь, подумали, что они хотятъ изслѣдовать какой-нибудь слой угля.

Гарри взялъ съ собою веревку, длиною въ 200 футовъ. Эта веревка была не толстая, но прочная. Выбирая ее, Гарри заботился лишь о томъ, чтобы она могла выдержать тяжесть его тѣла въ томъ случаѣ, если бы его руки почему-либо не могли ему служить во время спуска или подъема. Его товарищи должны были спустить его въ шахту и вытащить изъ нея. Они условились съ нимъ, что если онъ тряхнетъ веревкой, то они должны будутъ вытаскивать его изъ шахты.

Шахта была довольно широка: у своего отверстія она имѣла въ діаметрѣ 12 футовъ. Молодые люди положили поперекъ ея отверстія бревно, такъ что веревка, скользя по этому бревну, должна была все время держаться въ центрѣ шахты. Эта предосторожность была необходима для того, чтобы Гарри во время спуска не ударился о стѣну.

Гарри приготовился.

— Итакъ, ты непремѣнно хочешь осмотрѣть эту шахту? — спросилъ его потихоньку Жакъ Ріанъ.

— Да, Жакъ, — отвѣчалъ Гарри.

Сначала Гарри опоясался веревкой около поясницы, потомъ онъ подвязалъ ее подъ мышками; такимъ образомъ, тѣло его не могло раскачиваться ни во время спуска ни во время подъема.

Руки Гарри остались свободными. У пояса онъ привѣсилъ предохранительную лампу и широкій шотландскій ножъ.

Гарри сталъ посреди бревна, вокругъ котораго была обмотана веревка.

Потомъ онъ сталъ медленно спускаться въ шахту. Такъ какъ веревка слегка крутилась, то свѣтъ лампы падалъ попеременно на каждую изъ стѣнъ шахты, и, такимъ образомъ, Гарри могъ осмотрѣть ихъ очень внимательно.

Стѣны были изъ шифера. Онѣ были довольно гладки, и по нимъ невозможно было взобраться наверхъ.

Гарри разсчиталъ, что онъ проходитъ никакъ не болѣе одного фута въ секунду, т. е. спускается довольно медленно. Поэтому онъ прекрасно видѣлъ все окружающее, и это давало ему возможность подготовиться ко всякой встрѣчѣ.

Прошло двѣ минуты. Гарри находился на разстояніи 120 футовъ отъ того мѣста, съ котораго спустился, а ничего особеннаго еще не случилось. Боковыхъ галлерей не было въ стѣнахъ шахты, которая книзу суживалась въ видѣ воронки. Но Гарри начиналъ чувствовать, что воздухъ свѣжѣетъ, изъ чего онъ заключилъ, что дно шахты сообщается съ какимъ-нибудь проходомъ.

Веревка все опускалась и опускалась. Тьма вокругъ была непроницаемая. Вмѣстѣ съ тѣмъ была глубокая тишина. Если въ этой таинственной и мрачной безднѣ обитало какое-нибудь живое существо, то, вѣроятно, его сейчасъ не было. Во всякомъ случаѣ, ничто не обличало его присутствія.

По мѣрѣ приближенія къ низу, Гарри становился осторожнѣе. Онъ взялъ ножъ въ правую руку.

На глубинѣ 180 футовъ Гарри почувствовалъ, что онъ достигъ дна: веревка ослабла и не спускалась больше.

Гарри перевелъ духъ. Онъ все время боялся, что веревка во время его спуска будетъ перерѣзана, но этого, къ счастью, не случилось. Кромѣ того, онъ не замѣтилъ въ стѣнахъ шахты ни одного углубленія, въ которомъ могло бы скрываться какое-нибудь существо.

Дно шахты было очень узкое.

Гарри отвязалъ лампу отъ пояса и при ея свѣтѣ осмотрѣлъ дно. Онъ не ошибся въ своемъ предположеніи.

Дѣйствительно, сбоку шелъ узенькій проходъ, по которому можно было двигаться лишь ползкомъ.

Гарри захотѣлось узнать, въ какомъ направленіи идетъ этотъ проходъ и не ведетъ ли онъ въ какую-нибудь пропасть.

Онъ сталъ на колѣни и поползъ, но тотчасъ же наткнулся на препятствіе.

Повидимому, чье-то тѣло загораживало проходъ.

Чувство отвращенія заставило сначала Гарри отойти немного назадъ, но потомъ онъ снова вернулся.

Онъ не ошибся: дѣйствительно, какое-то тѣло лежало въ проходѣ. Ощупавъ его, Гарри замѣтилъ, что оно было еще теплое; слѣдовательно, это былъ не трупъ.

Не раздумывая долго, Гарри взялъ это тѣло, отнесъ его на дно шахты и освѣтилъ своею лампой.

— Ребенокъ! — вскричалъ онъ въ удивленіи.

Ребенокъ, найденный въ этой безднѣ, еще дышалъ; но дыханіе его было такъ слабо, что Гарри каждую минуту ожидалъ, что оно прервется. Слѣдовало, не теряя ни одного мгновенія, вытащить бѣдное дитя изъ шахты, отнести его въ коттеджъ, и отдать на попеченіе Мэджъ.

Забывъ все остальное, Гарри поправилъ веревку у пояса, повѣсилъ лампу на прежнее мѣсто, въ лѣвую руку взялъ ребенка, а правую оставилъ свободною и вооруженною. Затѣмъ онъ подалъ условленный знакъ, чтобы веревку потянули къ верху.

Веревка вытянулась, и медленно начался подъемъ.

Гарри смотрѣлъ вокругъ съ удвоеннымъ вниманіемъ. Теперь онъ не одинъ подвергался опасности.

Первую минуту все шло прекрасно; какъ вдругъ воздухъ въ глубинѣ шахты заколебался, какъ бы отъ сильнаго вѣтра. Гарри посмотрѣлъ внизъ и различилъ въ полутьмѣ какую-то массу, которая быстро поднялась кверху и задѣла его мимоходомъ.

Это была огромная птица, породы которой онъ не могъ опредѣлить и которая широко размахивала крыльями.

Взлетѣвъ, чудовищное пернатое остановилось на мгновенье, потомъ съ ожесточеніемъ набросилось на Гарри.

Только правою рукой Гарри могъ защищаться отъ страшнаго клюва птицы.

Онъ боялся, главнымъ образомъ, за ребенка. Но птица нападала не на ребенка, а на него. Благодаря тому, что веревка крутилась, онъ не могъ нанести ей смертельнаго удара.

Итакъ, борьба продолжалась. Гарри сталъ кричать изо всѣхъ силъ, въ надеждѣ, что его услышатъ сверху.

Такъ, повидимому, и случилось, потому что веревка пошла послѣ этого кверху быстрѣе.

Оставалось пройти еще футовъ 80. Птица стала нападать все съ большей и большей яростью, и Гарри удалось ранить ее въ крыло, тогда птица съ крикомъ исчезла въ безднѣ.

Но и теперь опасность не миновала. Дѣло въ томъ, что Гарри, защищаясь своимъ ножомъ отъ птицы, въ одномъ мѣстѣ надрѣзалъ надъ собою веревку.

Веревка не могла теперь сдержать той тяжести, которая на ней

висѣла, и все больше и больше разрывалась въ надрѣзанномъ мѣстѣ
Волосы Гарри стали дыбомъ, и онъ испустилъ крикъ отчаянія.

Гарри выпустилъ ножъ, употребилъ нечеловѣческое усиліе и въ тотъ самый моментъ, какъ веревка готова была оборваться, онъ своею правой рукою схватился за нее повыше того мѣста, гдѣ былъ надрѣзъ. Но, несмотря на желѣзную силу своей руки, онъ чувствовалъ, что веревка мало-по-малу скользитъ у него межъ пальцевъ.

Конечно, онъ могъ бы ухватиться за нее обѣими руками, пожертвовавъ ребенкомъ, котораго онъ держалъ въ лѣвой рукѣ... Но онъ даже и не подумалъ объ этомъ.

Тѣмъ временемъ Жакъ Ріанъ и его товарищи, обезпокоенные криками Гарри, тянули веревку изо всѣхъ силъ.

Тѣмъ не менѣе Гарри не надѣялся добраться до отверстія шахты. Его лицо покрылось холоднымъ потомъ. На мгновенье онъ закрылъ глаза, ожидая, что вотъ-вотъ онъ упадетъ въ бездну, потомъ онъ опять открылъ ихъ...

Но въ тотъ самый моментъ, какъ онъ готовился выпустить изъ рукъ веревку, которую держалъ уже за самый конецъ, для него пришло спасеніе. Его вытащили и положили на землю вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Послѣ нечеловѣческихъ усилій, которыя употребилъ Гарри, онъ пришелъ въ совершенное изнеможеніе и безъ памяти упалъ на руки своихъ товарищей.

ГЛАВА XV.

Нелли въ коттеджѣ.

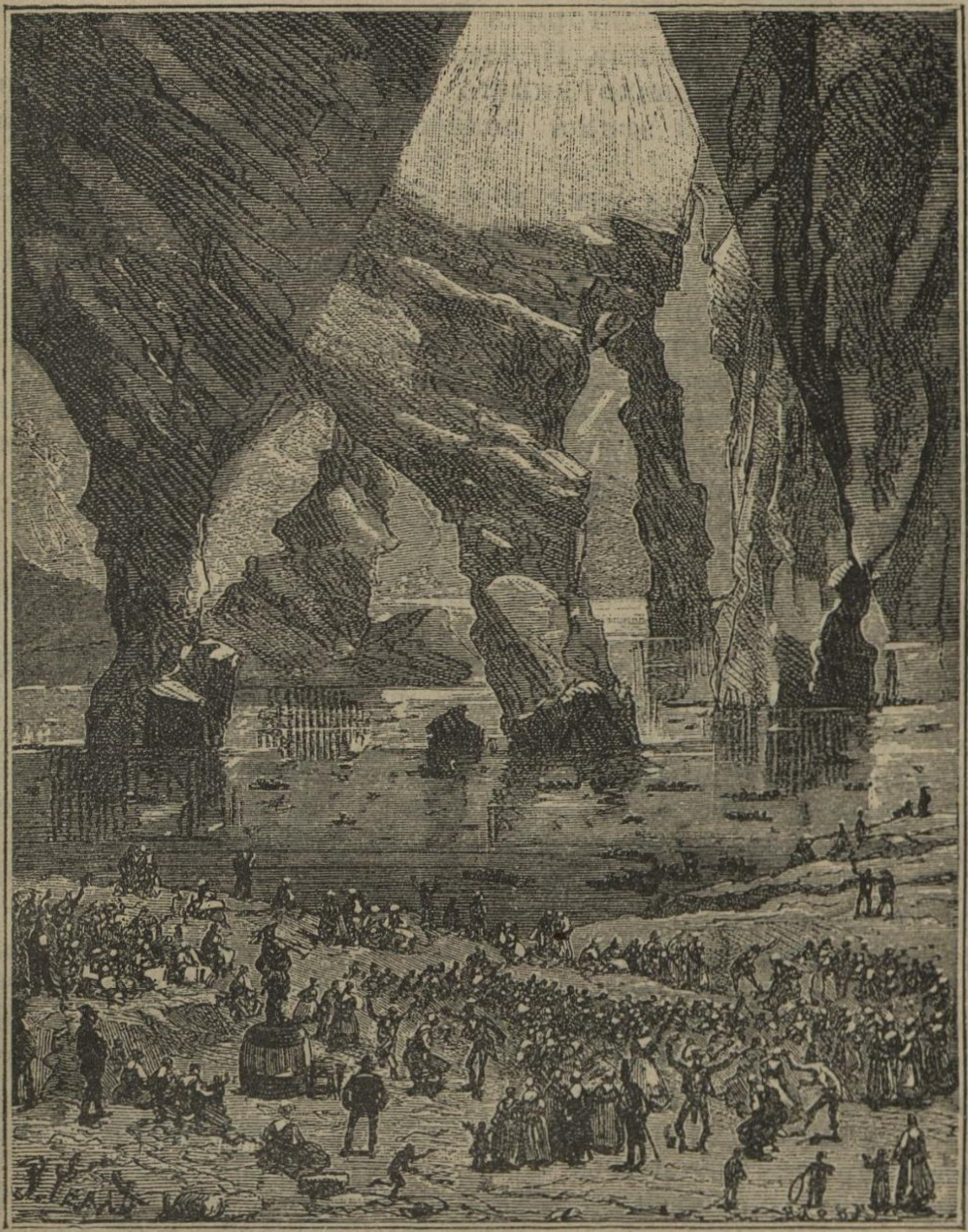
Черезъ два часа Гарри, который не сразу пришелъ въ себя, и ребенокъ, бывшій чрезвычайно слабымъ, были доставлены въ коттеджъ Жакомъ Ріаномъ и его товарищами.

Тамъ Жакъ разсказалъ старому углекопу о всемъ случившемся, и Мэджъ съ величайшей заботливостью стала ухаживать за бѣднымъ созданіемъ, которое было спасено ея сыномъ.

Гарри думалъ, что онъ извлекъ изъ бездны ребенка... Но на самомъ дѣлѣ, это была молодая дѣвушка, лѣтъ 15 или 16, никакъ не болѣе. Ея удивленный взоръ, ея худенькое и блѣдненькое личико, на которомъ горе уже положило свою печать и которое, казалось, никогда не видало дневного свѣта, ея тонкая и маленькая талія — все это дѣлало ее какимъ-то страннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очаровательнымъ созданіемъ. Жакъ Ріанъ счелъ ее сначала за фею; и дѣйствительно, молодая дѣвушка казалась какимъ-то неземнымъ существомъ; можетъ-быть, это происходило отъ того, что она жила до сихъ поръ среди какихъ-то исключительныхъ обстоятельствъ. На ея лицѣ было какое-то странное выраженіе. Ея глазамъ, казалось, былъ непріятенъ свѣтъ лампъ коттеджа: они удивленно смотрѣли на все окружающее, какъ будто бы все было для нихъ слишкомъ ново.

Это странное существо уложили на постель Мэджъ. Когда молодая дѣвушка пришла въ себя, старая шотландка обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Какъ тебя зовутъ? — спросила она ее.
— Нелли *), — отвѣчала молодая дѣвушка.
— Нелли, у тебя ничего не болитъ? — продолжала Мэджъ.
— Я голодна, — отвѣчала Нелли. — Я не ѣла уже... уже...
Нелли сказала всего лишь нѣсколько словъ, но и по нимъ можно



Каменноугольный городъ.

было судить, что она не привыкла говорить. Она говорила на томъ же гельскомъ нарѣчіи, которое употребляется въ Шотландіи и на которомъ изъяснялись Симонъ Фордъ и его семья.

Узнавъ, что молодая дѣвушка голодна, Мэджъ тотчасъ же принесла ей поѣсть. Нелли, дѣйствительно, умирала отъ голода. Сколько же вре-

*) Нелли — уменьшительное имя отъ Елены.

мени пролежала она на днѣ этой шахты? Никто не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Сколько дней провела ты тамъ внизу, дитя мое? — спросила Мэджъ.

Нелли не отвѣчала. Казалось, она не поняла вопроса, который ей предложили.

— Сколько дней?.. — повторила Мэджъ.

— Дней?.. — переспросила Нелли.

Казалось, это слово ровно ничего для нея не значило. Потомъ она покачала головой, желая этимъ показать, что она не понимаетъ того, о чемъ ее спрашиваютъ.

Мэджъ взяла Нелли за руку и поцѣловала, чтобы расположить ее этимъ къ себѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ, дитя мое? — ласково спросила она ее.

Нелли такъ же отрицательно покачала головой.

— Да, да, — повторила Мэджъ, — сколько лѣтъ?

— Лѣтъ?.. — повторила за ней Нелли.

Повидимому, это слово, какъ и слово „день", ничего ей не говорило.

Симонъ Фордъ, Гарри, Жакъ Ріанъ и его товарищи смотрѣли на нее съ сожалѣніемъ и состраданіемъ. Дѣйствительно, состояніе этой бѣдной дѣвушки, одѣтой въ толстую юбку изъ грубой матеріи, внушало невольную жалость.

Гарри болѣе, чѣмъ всякій другой, чувствовалъ, что его безпредѣльно что-то влечетъ къ этому бѣдному созданію.

Онъ подошелъ къ постели и взялъ въ свои руки ту руку, которую только-что оставила Мэджъ. Онъ посмотрѣлъ прямо въ лицо Нелли, на губахъ которой пробѣжало что-то въ родѣ улыбки, и сказалъ ей:

— Нелли... тамъ внизу... въ копи... ты была одна?

— Одна! одна! — вскричала молодая дѣвушка, поднимаясь.

Ея лицо исказилось отъ ужаса. Глаза заблистали дикимъ блескомъ.

— Одна! одна! — повторила она, и упала на постель Мэджъ, какъ будто бы силы внезапно ей измѣнили.

— Бѣдная дѣвочка еще слишкомъ слаба для того, чтобы отвѣчать намъ, — сказала Мэджъ, снова укладывая въ постель молодую дѣвушку. — Нѣсколько часовъ полнаго отдыха и небольшое количество пищи возвратятъ ей силы. Уходи, Симонъ! Уходи, Гарри! Уходите вы всѣ, друзья мои! Дайте ей соснуть!

Всѣ послушались Мэджъ. Нелли осталось одна, и уже черезъ мгновеніе спала крѣпкимъ сномъ.

Это происшествіе возбудило большой шумъ не только въ копяхъ, но и въ графствѣ Стирлингъ, а нѣсколько позднѣе и на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Королевствъ. Молва о Нелли все разрасталась и разрасталась. Молодая дѣвушка привлекла къ себѣ такое же вниманіе, какъ если бы ее нашли въ скалахъ подобно тому, какъ иногда находятъ допотопныхъ животныхъ.

Не зная того сама, Нелли сдѣлалась предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ. Она дала суевѣрнымъ людямъ новую пищу для легендарныхъ разсказовъ. Они охотно повѣрили, что Нелли была геніемъ Новаго Аберфойля. Когда Жакъ Ріанъ высказывалъ это убѣжденіе своему товарищу Гарри, то молодой человѣкъ отвѣчалъ:

— Пусть будетъ такъ, Жакъ! Но, во всякомъ случаѣ, она — добрый геній! Она помогла намъ, она принесла намъ хлѣба и воды, когда мы были заперты въ копяхъ! Это могла сдѣлать только она! Что же касается злого генія, то я непремѣнно отыщу и его, если только онъ скрывается еще въ нашихъ копяхъ!

Само собою разумѣется, что инженера Джемса Старра прежде всѣхъ извѣстили о томъ, что случилось.

Когда къ молодой дѣвушкѣ на слѣдующій же день послѣ ея прибытія въ коттеджъ вернулись силы, то инженеръ внимательно разспросилъ ее кое о чемъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что многаго въ жизни она совершенно не знала. Однако, вскорѣ оказалось, что она была очень понятлива, но ей недоставало самыхъ элементарныхъ познаній; между прочимъ, она не имѣла никакого представленія о времени. Видно было, что она не привыкла дѣлить время ни на часы, ни на дни и что самыя слова эти были ей неизвѣстны. Кромѣ того, ея глаза, привыкшіе къ темнотѣ, съ трудомъ переносили блескъ электрическихъ фонарей; но зато она прекрасно видѣла среди самой непроницаемой тьмы. Можно было также смѣло утверждать, что въ ея умѣ не было никакихъ представленій о внѣшнемъ мірѣ, что передъ ея глазами постоянно разстилались однѣ лишь копи, что все человѣчество заключалось для нея въ этомъ мрачномъ подземельѣ. Знала ли эта бѣдная дѣвушка о существованіи солнца и звѣздъ, городовъ и полей, о существованіи, наконецъ, цѣлой вселенной, въ которой движется столько міровъ?

Что касается вопроса о томъ, жила ли Нелли одна въ глубинѣ Новаго Аберфойля или нѣтъ, то Джемсъ Старръ долженъ былъ отказаться отъ его разрѣшенія. Дѣйствительно, лишь только намекали на этотъ вопросъ, какъ странная дѣвушка тотчасъ же приходила въ ужасъ. Нелли или не могла, или не хотѣла отвѣчать; но, конечно, тутъ скрывалась какая-то тайна, которую необходимо было раскрыть.

— Хочешь остаться съ нами?.. Или, можетъ-быть, хочешь вернуться туда, гдѣ ты была? — спрашивалъ ее Джемсъ Старръ.

На первый изъ этихъ вопросовъ она отвѣчала: „О, да!“ Второй вызывалъ въ ней ужасъ.

Молчаніе Нелли о томъ, кто жилъ раньше съ нею, вызывало сильнѣйшее безпокойство въ Джемсѣ Старрѣ, Симонѣ и Гарри Фордахъ. Они не могли забыть тѣхъ необъяснимыхъ явленій, которыя сопровождали открытіе новыхъ залежей. Хотя съ тѣхъ поръ три года прошли совершенно спокойно, тѣмъ не менѣе они все еще ожидали новыхъ нападеній со стороны своего невидимаго врага. Поэтому они рѣшили внимательно осмотрѣть таинственную шахту. Предварительно они приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы этотъ осмотръ былъ возможно менѣе опаснымъ. Но они не нашли тамъ ничего подозрительнаго. Шахта сообщалась съ нижними этажами подземелья, прорытыми въ слояхъ каменнаго угля.

Джемсъ Старръ, Симонъ и Гарри часто разговаривали обо всемъ этомъ. Если какіе-нибудь злодѣи скрывались въ копи, если они строили какія-нибудь козни, то, можетъ-быть, Нелли могла бы сообщить объ этомъ; но она ничего не сообщала. Малѣйшій намекъ на прошлое молодой дѣвушки вызывалъ въ ней ужасъ, и рѣшено было оставить ее

пока въ покоѣ. Съ теченіемъ времени она, несомнѣнно, сама откроетъ свою тайну.

Черезъ двѣ недѣли послѣ своего прибытія въ коттеджъ Нелли была уже усердной помощницей старой Мэджъ. Очевидно, ей казалось вполнѣ естественнымъ не покидать того дома, гдѣ ее такъ радушно приняли; можетъ-быть, она и не думала, что можетъ жить въ другомъ мѣстѣ. Съ своей стороны старики Форды съ самаго того момента, какъ Нелли вошла въ коттеджъ, мысленно считали ее своею пріемною дочерью.

Нелли была прелестною дѣвушкой. Ея новая жизнь дѣлала ее еще болѣе прелестною. Это были первые счастливые дни ея жизни. Она была преисполнена благодарности по отношенію къ тѣмъ, кто доставилъ ей это счастье. Мэджъ относилась къ Нелли съ чисто материнскою любовью. Въ свою очередь и старый углекопъ вскорѣ пристрастился къ ней. Впрочемъ, всѣ ее любили. Жакъ Ріанъ сожалѣлъ лишь о томъ, что не онъ ее спасъ. Онъ часто приходилъ въ коттеджъ. Онъ пѣлъ, и Нелли, которая никогда не слышала пѣсенъ, находила ихъ прекрасными; но видно было, что, все-таки, молодая дѣвушка пѣснямъ Жака Ріана предпочитаетъ болѣе серьезную бесѣду Гарри, который старался знакомить ее понемногу съ внѣшнимъ міромъ, о которомъ она не имѣла никакого понятія.

Нужно замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ Нелли оказалась обыкновенною дѣвушкой, вѣра Жака Ріана въ существованіе различныхъ духовъ и фей значительно поколебалось. Къ тому же черезъ два мѣсяца его суевѣрію былъ нанесенъ новый ударъ.

Дѣйствительно, въ это самое время Гарри напалъ на неожиданное открытіе, которое до извѣстной степени объясняло появленіе огненныхъ фей на развалинахъ замка Дендональдъ, въ Ирвинѣ.

Однажды, послѣ долгаго осмотра южной части копей, осмотра, продолжавшагося нѣсколько дней, Гарри съ трудомъ пробирался по одной узкой галлереѣ, выдолбленной посреди скалы изъ шифера. Вдругъ онъ съ изумленіемъ увидалъ себя на открытомъ воздухѣ. Галлерея привела его какъ разъ къ развалинамъ замка Дендональдъ-Кэстля. Такимъ образомъ, было секретное сообщеніе между Новымъ Аберфойлемъ и холмомъ, на которомъ стоялъ старый замокъ. Наружное отверстіе этой галлереи было невозможно замѣтить, такъ какъ оно было завалено камнями и кустарникомъ. Вотъ почему судьи во время слѣдствія и не увидали этой галлереи.

Черезъ нѣсколько дней Джемсъ Старръ, въ сопровожденіи Гарри, пришелъ самъ осмотрѣть это мѣсто копей.

— Теперь можно разубѣдить всѣхъ суевѣрныхъ людей въ нашихъ копяхъ, — сказалъ онъ. — Прощайте всѣ духи и огненныя феи!

— Не думаю, мистеръ Старръ, — отвѣчалъ Гарри, — чтобы намъ слѣдовало радоваться этому! Тотъ, кто замѣнилъ духовъ, вѣроятно, гораздо опаснѣе, чѣмъ они.

— Вѣрно, Гарри, — замѣтилъ инженеръ. — Но что же дѣлать? Очевидно, неизвѣстные, которые скрываются въ нашихъ копяхъ, сообщаются чрезъ эту галлерею съ поверхностью земли. Несомнѣнно, что они въ ту бурную ночь и зажгли факелъ на этихъ развалинахъ, чтобы привлечь *Моталу* къ берегу. Они, конечно, надѣялись разграбить корабль, и, вѣроятно, ихъ надежда осуществилась бы, если бы тамъ въ ту пору

не оказалось Жака Ріана и его товарищей! Какъ бы тамъ ни было, теперь все объясняется! Вотъ отверстіе притона! Интересно бы знать, живутъ ли они здѣсь и теперь?

— Конечно, живутъ, потому что Нелли дрожитъ всякій разъ, какъ заговоришь съ нею объ этомъ! — отвѣчалъ Гарри тономъ глубокаго убѣжденія. — Нелли не хочетъ или не осмѣливается говорить о нихъ, значитъ, они живы!

Должно-быть, Гарри былъ правъ. Если бы таинственные жители копи покинули ее или если бы ихъ не было въ живыхъ, то къ чему бы молодой дѣвушкѣ молчать объ этомъ?

Однако, Джемсъ Старръ рѣшился во что бы то ни стало раскрыть эту тайну. Онъ чувствовалъ, что отъ нея могла зависѣть вся будущность новыхъ копей. Итакъ, были приняты всѣ необходимыя мѣры. Снова увѣдомили судъ. Полицейскіе агенты спрятались въ развалинахъ Дендональдъ-Кэстля. Самъ Гарри нѣсколько ночей провелъ тамъ же. Все было напрасно. Ничего не открыли. Ни одинъ человѣкъ не показался въ галлереѣ.

Всѣ пришли къ тому заключенію, что злодѣи окончательно оставили Новый Аберфойль и что, покинувъ Нелли на днѣ шахты, они считаютъ ее теперь мертвою. До начала работъ копи давали имъ надежное убѣжище, но теперь обстоятельства измѣнились. Въ Новомъ Аберфойлѣ стало трудно скрываться, и злодѣи ушли изъ него. Поэтому нечего было опасаться за будущность копей. Тѣмъ не менѣе, Джемсъ Старръ продолжалъ безпокоиться. Опасенія Гарри тоже не исчезли, и онъ часто повторялъ:

„Очевидно, Нелли замѣшана во всю эту тайну. Если бы ей нечего было опасаться, то почему же бы она стала молчать? Несомнѣнно, она счастлива съ нами! Она любитъ насъ всѣхъ! Она обожаетъ мою мать! Если она молчитъ о своемъ прошломъ, о томъ, что могло бы успокоить насъ за нашу будущность, то, очевидно, надъ ней тяготѣетъ какая-то страшная тайна, которую не позволяетъ ей открыть намъ ея совѣсть! Можетъ-быть, также она ради насъ считаетъ нужнымъ хранить свое непонятное молчаніе!

Въ результатѣ всѣхъ этихъ соображеній получилось то, что, съ общаго согласія, стали избѣгать всякихъ разговоровъ, которые могли бы напомнить молодой дѣвушкѣ о ея прошломъ.

Однако, Гарри далъ однажды понять Нелли, что Джемсъ Старръ, Симонъ Фордъ, Мэджъ и онъ самъ считаютъ, что она спасла ихъ жизнь.

Это случилось въ праздничный день. Рабочіе гуляли. Мѣстахъ въ двадцати раздавались пѣсни и оглашали своды Новаго Аберфойля.

Гарри и Нелли вышли изъ коттеджа и медленно пошли по лѣвому берегу озера Малькольмъ. Сюда падало лишь немного электрическихъ лучей, и тутъ царила полутьма. Этотъ полумракъ былъ пріятенъ глазамъ Нелли, которые съ трудомъ выносили яркій свѣтъ.

Черезъ часъ ходьбы Гарри и его подруга остановились противъ часовни св. Эгидія.

— Твои глаза, Нелли, — сказалъ Гарри, — не привыкли къ дневному свѣту и, вѣроятно, они не выдержали бы солнечнаго блеска.

— Да, конечно,— отвѣчала молодая дѣвушка.— Если солнце таково, какимъ ты мнѣ описалъ его, Гарри.

— Нелли, — замѣтилъ Гарри, — мои разсказы не могли дать тебѣ вѣрнаго понятія о блескѣ и красотѣ того міра, котораго никогда не видали твои взоры. Но скажи мнѣ: неужели съ тѣхъ поръ, какъ ты родилась въ глубинѣ этихъ копей, ты ни разу не поднималась на поверхность земли?

— Ни разу, Гарри, — отвѣчала Нелли. — Я думаю даже, что ни отецъ ни мать не носили меня на верхъ, когда я была маленькою; иначе я хоть что-нибудь да знала бы.

— Вѣроятно, — сказалъ Гарри. — Впрочемъ, въ тѣ времена многіе не выходили изъ копей. Сообщеніе съ поверхностью земли было очень трудное, и я зналъ многихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, которые тоже ни разу не видали солнца. Но теперь желѣзнодорожный поѣздъ черезъ нѣсколько минутъ перенесетъ насъ на поверхность графства, и я съ нетерпѣніемъ жду того момента, когда ты мнѣ скажешь: „Ну, Гарри, мои глаза могутъ выносить дневной свѣтъ, и я хочу видѣть солнце! Я хочу видѣть твореніе Божіе!“

— Надѣюсь, Гарри, что я скоро скажу тебѣ это, — отвѣчала молодая дѣвушка. — Вмѣстѣ съ тобой буду я удивляться тогда Божьему міру, однако...

— Что хочешь ты сказать, Нелли? — съ живостью спросилъ Гарри. — Развѣ ты будешь сожалѣть о той мрачной безднѣ, въ которой ты провела первые годы своей жизни и изъ которой мы вытащили тебя почти мертвою?

— Нѣтъ, Гарри,— отвѣчала Нелли.— Я думала только, что и мракъ имѣетъ своеобразную прелесть. Если бы ты зналъ, что могутъ видѣть глаза, привыкшіе ко тьмѣ! Во тьмѣ есть тѣни, за полетомъ которыхъ такъ пріятно слѣдить! Иногда тамъ являются круги, которые переплетаются между собою и изъ которыхъ не хочется уходить! На днѣ копей находятся мрачныя отверстія, въ которыхъ по временамъ бываетъ такой странный свѣтъ! Видишь ли, Гарри, нужно долго пожить тамъ, чтобы понять всѣ эти чувства, которыхъ я не могу тебѣ передать!

— И ты не боялась, Нелли, когда оставалась одна?

— Вотъ именно тогда-то я ничего и не боялась, Гарри, когда оставалась одна! — отвѣчала молодая дѣвушка.

Голосъ Нелли слегка измѣнился, когда она произносила эти слова. Гарри понялъ, что можно кое-что узнать, и сказалъ:

— Но вѣдь въ этихъ длинныхъ галлереяхъ легко было заблудиться, Нелли. Ты не боялась этого?

— Нѣтъ, Гарри. Я съ давнихъ поръ знала всѣ закоулки новыхъ копей!

— Неужели ты ни разу не выходила оттуда?..

— Нѣтъ... иногда я выходила... — отвѣчала съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ молодая дѣвушка. — Иногда я посѣщала старыя копи Аберфойля.

— Такъ ты знала старый коттеджъ?

— Коттеджъ... да... но обитателей его я видала лишь издали!

— Въ немъ жили мой отецъ, моя мать и я! — замѣтилъ Гарри. — Мы вовсе и не хотѣли покидать наше старое жилище!

— А можетъ-быть, вамъ лучше было бы его покинуть! — прошептала молодая дѣвушка.

— Почему же, Нелли? Вѣдь благодаря лишь нашему нежеланію разстаться съ нимъ, мы открыли новыя залежи. Это открытіе принесло, въ свою очередь, столько счастья всѣмъ жителямъ Каменноугольнаго города, да и тебѣ, Нелли, такъ какъ ты нашла здѣсь столько любящихъ сердецъ!

— Мнѣ? — съ живостью повторила Нелли. — Да, что бы потомъ ни случилось! Другимъ... кто знаетъ?..

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего... ничего!.. Но было очень опасно проникать въ новыя копи! Да, очень опасно! Однажды, Гарри, нѣсколько безумцевъ проникли въ эту бездну. Они зашли далеко, далеко! Они заблудились...

— Заблудились? — спросилъ Гарри, смотря на Нелли.

— Да... заблудились... — повторила Нелли, голосъ которой дрожалъ. — Ихъ лампа погасла! Они не могли отыскать дороги...

— И тамъ, — вскричалъ Гарри, — они пробыли цѣлую недѣлю, Нелли, и едва не умерли! Безъ помощи какого-то благодѣтельнаго существа, можетъ-быть, ангела, котораго послалъ имъ Богъ, безъ помощи этого чудеснаго незнакомца, который тайно приносилъ имъ пищу и который впослѣдствіи привелъ къ нимъ ихъ избавителей,— они никогда не вышли бы изъ копей!

— Откуда ты знаешь это? — спросила молодая дѣвушка.

— Эти люди, Нелли, были: Джемсъ Старръ... мой отецъ... я!

Поднявъ голову, Нелли схватила молодого человѣка за руку и посмотрѣла на него такъ пристально, что онъ былъ взволнованъ до глубины души.

— Ты? — повторила молодая дѣвушка.

— Да! — отвѣчалъ Гарри, и, помолчавъ нѣсколько мгновеній, прибавилъ: — Тебѣ обязаны мы своей жизнью, Нелли! Только ты могла это сдѣлать!

Нелли, не отвѣчая, закрыла лицо руками. Никогда Гарри не видалъ ее такою взволнованною.

— Неужели, Нелли, ты думаешь, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — что тѣ, которыхъ ты спасла, когда-нибудь забудутъ объ этомъ?

ГЛАВА XVI.

На подвижныхъ лѣстницахъ.

Между тѣмъ, работы въ Новомъ Аберфойлѣ шли своимъ чередомъ и приносили большія выгоды акціонерамъ. Само собою разумѣется, что инженеръ Джемсъ Старръ и Симонъ Фордъ, которые открыли эти богатыя залежи, пользовались значительною долей приносимаго ими дохода. Такимъ образомъ, Гарри сдѣлался богатымъ женихомъ. Но онъ вовсе не думалъ покидать коттеджъ. Онъ замѣнилъ своего отца въ его званіи старосты углекоповъ и усердно исполнялъ свои обязанности.

Жакъ Ріанъ радовался благосостоянію своего товарища. Его собственныя дѣла шли тоже очень хорошо. Молодые люди часто видались

другъ съ другомъ, то въ коттеджѣ, то на работѣ. Поэтому Жакъ Ріанъ могъ легко подмѣтить тѣ чувства, которыя Гарри питалъ по отношенію къ молодой дѣвушкѣ. Гарри, правда, не сознавался, но Жакъ лишь смѣялся, когда его товарищъ отрицательно качалъ головой.

Жаку Ріану очень хотѣлось сопутствовать Нелли во время ея первой поѣздки на поверхность земли. Ему хотѣлось видѣть ея восхищеніе тою природой, которой она до сихъ поръ не знала. Онъ надѣялся, что Гарри предложитъ ему принять участіе въ этой поѣздкѣ. Однако, сынъ стараго углекопа пока ни слова не говорилъ объ этомъ, и это молчаніе немного безпокоило Жака.

Однажды Жакъ Ріанъ спускался въ нижніе этажи копей по одной изъ вентиляціонныхъ шахтъ. Онъ спускался при помощи одной изъ тѣхъ подвижныхъ лѣстницъ, пользуясь которыми, не чувствуешь ни малѣйшей усталости ни при спускѣ ни при подъемѣ. Онъ былъ уже на разстояніи 150 футовъ отъ отверстія шахты, какъ вдругъ встрѣтился съ Гарри, который, тоже на подвижной лѣстницѣ, поднимался изъ шахты.

— Это ты? — спросилъ Жакъ, узнавъ своего товарища при свѣтѣ электрическихъ лампочекъ шахты.

— Да, Жакъ, — отвѣчалъ Гарри, — и я очень доволенъ, что встрѣтился съ тобою, такъ какъ хочу тебѣ предложить...

— Не буду ничего и слушать, прежде чѣмъ ты не скажешь, какъ поживаетъ Нелли! — перебилъ Жакъ Ріанъ.

— Нелли чувствуетъ себя такъ хорошо, Жакъ, что черезъ мѣсяцъ или черезъ полтора я надѣюсь...

— Ты собираешься жениться на ней, Гарри?

— Ты, Жакъ, самъ не знаешь, что говоришь!

— Очень возможно, но зато я знаю, что я сдѣлаю!

— Что же это ты сдѣлаешь?

— Я женюсь на ней въ томъ случаѣ, если ты на ней не женишься! — отвѣчалъ Жакъ, разражаясь хохотомъ. — Клянусь св. Мунго, прелестная Нелли мнѣ очень нравится! Углекопу и нужна такая жена, которая никогда не покидала копей! Она — такая же сирота, какъ и я, и если, дѣйствительно, ты, Гарри, не думаешь жениться на ней, а она не прочь отъ того, чтобы полюбить меня, то...

Гарри серьезно смотрѣлъ на Жака. Онъ и не думалъ перебивать его.

— Ты не ревнуешь меня, Гарри? — спросилъ Жакъ Ріанъ, нѣсколько болѣе серьезнымъ тономъ.

— Нѣтъ, Жакъ, — спокойно отвѣчалъ Гарри.

— Однако, если ты не собираешься жениться на Нелли, то, конечно, ты не собираешься оставить ее и старою дѣвой?

— Конечно, — подтвердилъ Гарри.

Друзья все еще не разставались, несмотря на то, что оба спѣшили на работу.

— Гарри, — спросилъ Жакъ, — ты не вѣришь, что я сейчасъ серьезно говорилъ съ тобою о Нелли?

— Не вѣрю, Жакъ, — отвѣчалъ Гарри.

— Ну, такъ теперь я буду говорить серьезно!

— Да развѣ ты можешь говорить серьезно?!.

— Видишь ли, Гарри, — отвѣчалъ Жакъ, — я тоже могу дать хорошій совѣтъ другу.

— Я жду, Жакъ!

— Такъ слушай же! Ты любишь Нелли, какъ только можешь, Гарри! Старикъ Симонъ, твой отецъ, старуха Мэджъ, твоя мать, любятъ

Нелли.

ее, какъ родную дочь. Стоитъ тебѣ сдѣлать одинъ шагъ, и она, дѣйствительно, станетъ ихъ дочерью. Почему ты на ней не женишься?

— А ты знаешь чувства Нелли? — спросилъ Гарри вмѣсто отвѣта.

— Всѣ ихъ прекрасно знаютъ, не исключая и тебя самого, Гарри. Вотъ почему ты и не ревнуешь ее ни ко мнѣ ни къ кому-либо другому... Однако, прощай: мнѣ пора на работу...

— Подожди, Жакъ, — сказалъ Гарри, удерживая своего товарища.—

Выслушай меня внимательно, потому что и я, въ свою очередь, буду говорить съ тобою очень серьезно.

— Хорошо, но только нельзя ли поскорѣе!

— Жакъ, — началъ Гарри, — не стану отъ тебя скрывать, что я люблю Нелли. Я страстно желалъ бы сдѣлать ее своею женой...

— Вотъ это хорошо!

— Но пока моя совѣсть запрещаетъ мнѣ п о ить ея согласія на этотъ бракъ.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать этимъ, Гарри?

— Я хочу сказать, Жакъ, что Нелли никогда еще не покидала этихъ копей, гдѣ, безъ сомнѣнья, она и родилась. Она не знаетъ ничего,— ничего изъ того, что дѣлается на землѣ. Ей предстоитъ еще со всѣмъ этимъ ознакомиться, и кто знаетъ, какія мысли зародятся въ ея головѣ послѣ этого ознакомленія! Сейчасъ она еще совсѣмъ не знаетъ земли и, слѣдовательно, не можетъ вполнѣ сознательно предпочесть всему на свѣтѣ пребываніе въ нашихъ копяхъ. Понимаешь ты меня, Жакъ?

— Да... отчасти... Главнымъ образомъ, я понимаю то, что, вѣроятно, я долго еще не попаду сегодня на работу!

— Какъ бы тамъ ни было, Жакъ, но ты долженъ выслушать меня сейчасъ, — сказалъ Гарри рѣшительнымъ тономъ.

— Такъ и быть, согласенъ... Итакъ, мы остановились на томъ, что прежде, чѣмъ жениться на Нелли, ты отправишь ее въ какой-нибудь пансіонъ Эдинбурга?

— Нѣтъ, Жакъ, — отвѣчалъ Гарри.— Я самъ займусь воспитаніемъ той, которая будетъ моею женой!

— Вотъ это всего лучше, Гарри!

— Но прежде всего, — продолжалъ Гарри, — я хочу, какъ я тебѣ ужъ и сказалъ, чтобы Нелли имѣла вѣрное понятіе о внѣшнемъ мірѣ. Позволь мнѣ выразиться сравненіемъ, Жакъ! Если бы ты полюбилъ слѣпую дѣвушку и если бъ тебѣ сказали,— черезъ мѣсяцъ она будетъ зрячею, то не подождалъ ли бы ты мѣсяцъ, чтобы жениться на ней, когда она станетъ зрячею?

— Конечно, подождалъ бы! — отвѣчалъ Жакъ Ріанъ.

— Вотъ видишь, Жакъ, Нелли — такая же слѣпая, и, прежде чѣмъ сдѣлать ее моею женой, я хочу, чтобы она въ совершенствѣ знала и меня и тѣ условія моей жизни, среди которыхъ ей придется жить, въ случаѣ выхода за меня замужъ. Я хочу, чтобы глаза ея увидали, наконецъ, блескъ солнца!

— Отлично, Гарри, отлично! — вскричалъ Жакъ Ріанъ. — Теперь я тебя понимаю. Когда же ты думаешь доставить ей это удовольствіе?..

— Да черезъ мѣсяцъ, Жакъ, — отвѣчалъ Гарри. — Глаза Нелли мало-по-малу привыкаютъ къ свѣту электрическихъ фонарей, такъ что черезъ мѣсяцъ она въ состояніи будетъ съѣздить на землю и увидать небо съ его свѣтилами! Она узнаетъ, что на землѣ глазъ человѣка можетъ смотрѣть въ такую даль, о которой нельзя имѣть и понятія въ мрачной копи! Она увидитъ, что вселенная безпредѣльна!..

Гарри увлекся, говоря это. Жакъ Ріанъ воспользовался его увлеченіемъ, чтобы продолжать свой путь.

— Эй, Жакъ, — закричалъ вдругъ Гарри. — Гдѣ же ты?

— Какъ разъ подъ тобою, — отвѣчалъ со смѣхомъ веселый малый. — Въ то время, какъ ты уносишься въ безконечность, я спускаюсь въ пропасть!

— Такъ прощай, Жакъ, — сказалъ Гарри, въ свою очередь, продолжая свой путь. — Только никому, пожалуйста, не разсказывай о томъ, о чемъ мы сейчасъ съ тобою говорили!

— Хорошо, — закричалъ Жакъ Ріанъ, — но только съ условіемъ...

— Съ какимъ?

— Чтобы ты взялъ меня съ собою, когда въ первый разъ повезешь Нелли на поверхность земли!

— Согласенъ! — отвѣчалъ Гарри.

Разстояніе между обоими друзьями все увеличивалось и увеличивалось. Они ужъ едва слышали другъ друга.

Однако, до Гарри донеслись слѣдующія слова Жака:

— Когда Нелли увидитъ звѣзды, луну и солнце, то знаешь, кого она имъ предпочтетъ?

— Не знаю, Жакъ!

— Да тебя, Гарри!.. Тебя!.. Тебя!..

Наконецъ, голосъ Жака Ріана затихъ.

Гарри все свое свободное время посвятилъ на занятія съ Нелли. Благодаря ея понятливости, онъ быстро научилъ ее читать и писать.

Симонъ и Мэджъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывались къ своей пріемной дочери, прошлое которой внушало имъ, однако, нѣкоторое безпокойство. Они съ удовольствіемъ замѣтили, какія чувства питаетъ Гарри по отношенію къ Нелли.

Читатель припомнитъ, что когда инженеръ въ первый разъ посѣтилъ прежній коттеджъ Симона Форда, то старикъ сказалъ:

„Вы спрашиваете, почему мой сынъ не женится. Да развѣ дѣвушка „сверху“, съ земли, годится въ жены моему мальчику, который всю свою жизнь долженъ прожить въ глубинѣ копей?..“

И вотъ теперь Провидѣніе, казалось, само указало эту дѣвушку, которая одна лишь могла стать женою Гарри Форда.

Поэтому старый углекопъ заранѣе рѣшилъ, что если состоится свадьба его сына съ Нелли, то онъ задастъ такой пиръ, о которомъ долго будутъ вспоминать въ Новомъ Аберфойлѣ.

Нужно замѣтить, что былъ еще одинъ человѣкъ, который не менѣе горячо желалъ брака Гарри съ Нелли. Это былъ инженеръ Джемсъ Старръ. Конечно, онъ желалъ этого брака, главнымъ образомъ, потому, что видѣлъ въ немъ счастье молодыхъ людей, но были и другія причины, побуждавшія инженера желать, чтобы молодые люди повѣнчались возможно скорѣе.

Какъ извѣстно, Джемсъ Старръ все еще опасался за участь своихъ копей, хотя до сихъ поръ все шло благополучно. Съ новыми копями была связана какая-то тайна, которую Нелли, очевидно, знала. Эту тайну нужно было раскрыть во что бы то ни стало, потому что иначе нельзя было оградить углекоповъ Аберфойля отъ новыхъ опасностей, которыя, быть-можетъ, угрожали имъ въ недалекомъ будущемъ.

„Нелли, — думалъ Джемсъ Старръ, — не можетъ долго скрывать отъ своего мужа то, что она до сихъ поръ скрывала отъ всѣхъ другихъ! Опасность угрожаетъ Гарри такъ же, какъ и всѣмъ намъ. Итакъ, этотъ

бракъ принесетъ счастье не только молодымъ супругамъ, но и всѣмъ намъ!"

Такъ разсуждалъ инженеръ Джемсъ Старръ. Онъ сообщилъ свои думы даже старому Симону, и тотъ, съ своей стороны, былъ съ нимъ вполнѣ согласенъ. Такимъ образомъ, не было, казалось, никакихъ препятствій къ тому, чтобы Гарри женился на Нелли.

Дѣйствительно, Гарри и Нелли любили другъ друга. Старые родители Гарри не желали лучшей жены для своего сына. Товарищи молодого человѣка завидовали его счастью, хотя сознавались, что онъ вполнѣ его заслуживаетъ. Молодая дѣвушка ни отъ кого не зависѣла и могла свободно располагать собою.

Но если ничто не препятствовало этому браку, то зачѣмъ же каждую ночь, какъ только жители Каменноугольнаго города, погасивъ электрическіе фонари, расходились по своимъ коттеджамъ,— зачѣмъ же тогда появлялось въ одномъ изъ самыхъ мрачныхъ закоулковъ Новаго Аберфойля какое-то таинственное существо? Какой инстинктъ велъ это привидѣніе по самымъ мрачнымъ и узенькимъ галлереямъ, по которымъ, казалось, нельзя было и пройти? Зачѣмъ это загадочное существо, глаза котораго, казалось, отлично видѣли въ самой непроницаемой тьмѣ, крадучись пробиралось къ берегу озера Малькольмъ? Зачѣмъ оно такъ упорно направлялось всегда къ жилищу Симона Форда? Зачѣмъ оно подслушивало у оконъ этого жилища и старалось уловить хоть кое-что изъ разговора, который велся въ коттеджѣ?

Когда нѣсколько словъ долетало до него, то зачѣмъ же оно злобно сжимало кулаки и грозило ими мирному жилищу? Зачѣмъ, наконецъ, оно гнѣвно произносило эти слова:

— Она и онъ! Никогда!

ГЛАВА XVII.

Восходъ солнца.

Вечеромъ 20-го августа, какъ разъ черезъ мѣсяцъ послѣ описанной встрѣчи Гарри съ Жакомъ Ріаномъ, Симонъ Фордъ и Мэджъ провожали четверыхъ путниковъ, которые собирались оставить коттеджъ.

Джемсъ Старръ, Гарри и Жакъ Ріанъ уѣзжали вмѣстѣ съ Нелли на поверхность земли, которой молодая дѣвушка никогда еще не видала.

Ихъ отсутствіе должно было продлиться два дня. Джемсъ Старръ и Гарри желали, чтобы въ эти 48 часовъ молодая дѣвушка увидала все, чего она не могла видѣть въ мрачныхъ копяхъ, чтобы предъ ея глазами прошла какъ бы движущаяся панорама изъ городовъ, равнинъ, горъ, рѣкъ, озеръ, заливовъ, морей...

Можно было надѣяться, что это желаніе осуществится, такъ какъ въ той части Шотландіи, которая разстилается между Эдинбургомъ и Глэсго, земная поверхность отличается большимъ разнообразіемъ; что же касается до неба, то оно тамъ такое же, какъ и вездѣ; ночью его украшаютъ безчисленныя звѣзды и блѣдная луна, днемъ съ него улыбается солнце, а въ пасмурные дни и ночи по нему ходятъ черныя тучи.

Симонъ Фордъ и Мэджъ съ удовольствіемъ приняли бы участіе въ

этой поѣздкѣ, но на такое долгое время, какъ два дня, они не рѣшались разстаться съ своимъ подземнымъ жилищемъ.

Джемсу Старру очень хотѣлось посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на Нелли неизвѣстный ей до сихъ поръ міръ; изъ-за этого собственно онъ и уѣзжалъ теперь на цѣлыхъ два дня изъ Новаго Аберфойля. Онъ надѣялся, что впечатлѣнія, которыя получитъ Нелли, прольютъ ему нѣкоторый свѣтъ на ту обстановку, среди которой прошло ея дѣтство.

Гарри тревожно спрашивалъ себя, какою станетъ любимая имъ дѣвушка послѣ того, какъ побываетъ на землѣ.

Что касается до Жака Ріана, то онъ былъ веселъ, какъ птичка, вылетѣвшая навстрѣчу первымъ лучамъ солнца. Онъ надѣялся, что его заразительная веселость сообщится и остальнымъ путникамъ.

Нелли была молчалива.

Джемсъ Старръ не безъ основанія рѣшилъ, что лучше всего отправиться въ путь вечеромъ. Дѣйствительно, для молодой дѣвушки было важно, чтобы переходъ отъ тьмы къ свѣту былъ возможно менѣе рѣзокъ.

Выходя изъ коттеджа, Нелли взяла Гарри за руку и сказала ему:

— Гарри, неужели такъ необходимо, чтобы я оставила наши копи, хотя бы даже на нѣсколько дней?

— Да, Нелли, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, — это необходимо! Необходимо какъ для тебя, такъ и для меня!

— Но, Гарри, — возразила Нелли, — вѣдь я и безъ того такъ счастлива, начиная съ того дня, какъ ты меня нашелъ. Ты уже многому научилъ меня. Не довольно ли этого? Что мнѣ дѣлать тамъ, на верху?

Гарри молча посмотрѣлъ на нее: онъ думалъ почти то же самое.

— Дитя мое, — сказалъ тогда Джемсъ Старръ. — Я понимаю твою нерѣшительность, но все же тебѣ слѣдуетъ итти съ нами. Ты пойдешь съ тѣми, кого ты любишь; они же приведутъ тебя обратно. Потомъ ты ужъ по собственному желанію будешь жить въ нашихъ копяхъ! Я не сомнѣваюсь, что такъ случится, и заранѣе тебя одобряю. Мы будемъ знать тогда, по крайней мѣрѣ, что ты сама выбрала нашу долю. Такъ иди же!

— Иди, дорогая Нелли, — добавилъ Гарри.

— Я готова, Гарри, — отвѣчала молодая дѣвушка.

Въ девять часовъ Нелли и ея спутники подъѣзжали къ поверхности земли. Черезъ двадцать минутъ они мчались уже по желѣзной дорогѣ въ Стирлингъ.

Уже стемнѣло. Дулъ сѣверо-западный вѣтерокъ, который освѣжалъ атмосферу. Только что канувшій въ вѣчность день былъ прекрасенъ. Ночь обѣщала быть тоже прекрасною.

По прибытіи въ Стирлингъ Нелли и ея спутники вышли изъ вагона и тотчасъ же оставили станцію.

Прямо предъ ними разстилалась дорога, которая вела на берегъ Форса.

Молодая дѣвушка жадно вдыхала своими легкими свѣжій воздухъ.

— Вдыхай глубже, Нелли, — сказалъ Джемсъ Старръ. — Вдыхай въ себя этотъ живительный воздухъ!

— Что это за дымъ разстилается надъ нашими головами? — спросила Нелли.

— Это не дымъ, — отвѣчалъ Гарри, — это облака, — т. е. сгустившійся паръ; вѣтеръ гонитъ ихъ по направленію къ востоку.

— Ахъ, — замѣтила Нелли, — я хотѣла бы, чтобъ вѣтеръ угналъ и меня! А что это за искорки блестятъ посреди облаковъ?

— Это звѣзды, о которыхъ я говорилъ тебѣ, Нелли. Сколько ихъ, столько, можетъ-быть, и міровъ, похожихъ на нашъ, такъ какъ всѣ эти звѣзды не что иное, какъ солнца!

По мѣрѣ того, какъ вѣтеръ прогонялъ облака, звѣзды все яснѣе и яснѣ вырисовывались на темномъ небосводѣ.

Нелли смотрѣла на эти миріады блестящихъ звѣздъ, которыя сверкали надъ ея головою.

— Но если это солнца, — спросила она, — то какъ же мои глаза могутъ выносить ихъ блескъ?

— Дитя мое, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ, — это, дѣйствительно, солнца; но солнца, которыя отстоятъ отъ насъ на громадномъ разстояніи. Изъ этихъ безчисленныхъ звѣздъ, лучи которыхъ доходятъ до насъ, всего ближе къ намъ вотъ эта звѣзда — Вега, принадлежащая къ созвѣздію Лиры, но и она отстоитъ отъ насъ на разстояніи 50000 милліардовъ миль. Поэтому-то ея блескъ и не можетъ быть очень чувствителенъ для твоихъ глазъ. Но наше солнце взойдетъ завтра на разстояніи всего лишь 38 милліоновъ миль отъ насъ, и ни одинъ человѣкъ не можетъ прямо смотрѣть на него: настолько великъ его блескъ. Но иди, Нелли, иди!

Наши путники двинулись дальше. Джемсъ Старръ держалъ молодую дѣвушку за руку. Гарри шелъ сбоку. Жакъ Ріанъ то уходилъ далеко впередъ, то возвращался опять назадъ, какъ молодая собака, гуляющая съ своими хозяевами.

Дорога шла по совершенно пустынной мѣстности. Нелли смотрѣла на силуэты высокихъ деревьевъ, качавшихся отъ вѣтра. Они казались ей какими-то великанами, которые то и дѣло размахивали руками. Шелестъ вѣтра, проходившаго сквозь чашу деревьевъ, глубокая тишина, наступавшая во время затишья, линія горизонта, обозначавшаяся гораздо явственнѣе, когда дорога пересѣкала какую-нибудь равнину, — все это возбуждало въ молодой дѣвушкѣ совершенно новыя ощущенія и производило на нее сильное впечатлѣніе. Нелли сначала обо всемъ разспрашивала, но потомъ умолкла, и ея спутники, какъ бы сговорившись между собою, тоже хранили молчаніе. Они не желали, чтобы ихъ слова производили какое-либо вліяніе на пылкое воображеніе молодой дѣвушки.

Въ половинѣ двѣнадцатаго они были у залива Форса.

Тамъ ихъ ожидала лодка, нанятая Джемсомъ Старромъ. Черезъ нѣсколько часовъ она должна была доставить ихъ въ Эдинбургскую гавань.

Нелли увидѣла блестящую воду, которая колебалась у ея ногъ подъ дѣйствіемъ прибоя и, казалось, была усѣяна дрожащими звѣздами.

— Это — озеро? — спросила она.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Гарри, — это большой заливъ съ текучею водой; онъ представляетъ собою устье рѣки и какъ бы рукавъ моря.

Зачерпни немножко этой воды въ горсть, Нелли, и ты увидишь, что она не такъ пріятна на вкусъ, какъ вода озера Малькольмъ.

Молодая дѣвушка нагнулась, зачерпнула въ горсть воды и поднесла ее къ губамъ.

— Эта вода солона! — сказала она.

— Да, — замѣтилъ Гарри, — море добралось и сюда, такъ какъ сейчасъ приливъ. Три четверти нашей земли покрыты этой соленою водой, нѣсколько капель которой ты сейчасъ проглотила!

— Гарри, Гарри! — вскричала тутъ молодая дѣвушка. — Отчего это небо покраснѣло на горизонтѣ? Ужъ не горитъ ли лѣсъ?

И Нелли указала на восточную часть неба, которая была освѣщена.

— Нѣтъ, Нелли, — отвѣчалъ Гарри, — это восходитъ луна.

— Да, луна, — вскричалъ Жакъ Ріанъ, — это серебряное блюдо, которое небесные духи передвигаютъ по всему небосводу и въ которое они собираютъ звѣзды, какъ бы деньги!

— Вотъ ужъ, Жакъ, — замѣтилъ, смѣясь, инженеръ, — не ожидалъ я отъ тебя такого смѣлаго сравненія!

— Э, мистеръ Старръ, мое сравненіе вѣрно! Видите, какъ звѣзды исчезаютъ по мѣрѣ приближенія къ нимъ луны. Отсюда я и заключаю, что онѣ падаютъ въ нее!

— Это значитъ, Жакъ, — объяснилъ инженеръ, — что луна затмеваетъ своимъ блескомъ звѣзды шестой величины; вотъ почему онѣ и исчезаютъ при ея приближеніи.

— Какъ все это прекрасно! — промолвила Нелли, съ глубокимъ интересомъ смотрѣвшая на небо. — Но я думала, что луна совсѣмъ круглая?

— Она бываетъ круглою лишь во время полнолунія, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ, — т. е. тогда, когда она стоитъ какъ разъ противъ солнца. Но въ эту ночь она вступаетъ въ свою послѣднюю фазу; она походитъ теперь не на серебряное блюдо нашего друга Жака, а просто на блюдечко для бритья!

— Ахъ, мистеръ Старръ, — вскричалъ Жакъ Ріанъ, — какое прозаическое сравненіе! Я только что хотѣлъ пропѣть куплетъ въ честь луны:

«О, свѣтило ночей! Въ теченьи своемъ
Ты ласкаешь...»

— Но нѣтъ! Теперь это невозможно! Ваше блюдечко для бритья совсѣмъ подрѣзало крылья моему воображенію!

Тѣмъ временемъ луна поднималась все выше и выше. На ея пути исчезали послѣднія облака. На западной сторонѣ неба звѣзды еще блестѣли. Нелли смотрѣла на это восхитительное зрѣлище въ глубокомъ молчаніи, но рука ея дрожала въ рукѣ Гарри и говорила за нее.

— Сядемте въ лодку, друзья мои, — сказалъ Джемсъ Старръ. — Мы должны взобраться на склоны Артуръ-Сито до восхода солнца!

Лодка стояла у берега, подъ охраною лодочника. Нелли и ея спутники вошли въ нее. Распустили паруса. Дулъ юго-западный вѣтеръ.

На водѣ молодую дѣвушку ожидало новое ощущеніе. Она проѣзжала иногда въ лодкѣ по озерамъ Новаго Аберфойля, но, какъ ни искусно правилъ Гарри весломъ, всегда, все-таки, было замѣтно, какихъ

усилій стоило ему передвигать лодку. Тутъ же въ первый разъ Нелли почувствовала, что она скользитъ по водѣ такъ же легко, какъ по воздуху въ воздушномъ шарѣ. Заливъ представлялъ изъ себя такую же ровную поверхность, какъ озеро. Полулежа на кормѣ, Нелли наслаждалась новымъ для нея ощущеніемъ. По временамъ, при извѣстныхъ поворотахъ лодки, лучи луны падали на поверхность Форса; тогда казалось, что лодка бѣжитъ посреди сверкающей серебристой скатерти. Волны тихо журчали. Въ общемъ картина была прямо восхитительная.

Но въ это время глаза Нелли невольно закрылись. Ее охватила легкая дремота. Ея голова наклонилась на грудь Гарри, и молодая дѣвушка заснула крѣпкимъ сномъ.

Гарри хотѣлъ ее разбудить для того, чтобы не лишить ее возможности наслаждаться прекрасною ночью.

— Пускай она поспитъ, мой милый, — остановилъ его инженеръ.— Два часа сна прекрасно подготовятъ ее къ принятію тѣхъ впечатлѣній, которыя ее ожидаютъ днемъ.

Въ два часа ночи лодка остановилась у Грантонской пристани. Нелли тотчасъ же проснулась.

— Я спала? — спросила она.

— Нѣтъ, дитя мое, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ. — Ты просто чуть-чуть подремала, — вотъ и все.

Ночь была очень свѣтлая: луна разливала свой свѣтъ повсюду.

У маленькой Грантонской пристани стояли двѣ - три рыбачьихъ лодки, которыя тихо покачивались на волнахъ. Вѣтеръ началъ стихать. Тумана не было; и слѣдовало ожидать одного изъ чудныхъ августовскихъ дней, особенно прекрасныхъ на берегу моря. Вдали поднимались какія-то теплыя испаренія, но они были настолько прозрачны, что первые же лучи солнца должны были поглотить ихъ. Благодаря отсутствію тумана, молодая дѣвушка могла свободно наслаждаться видомъ моря, которое на горизонтѣ сливалось съ небомъ.

Гарри взялъ Нелли за руку. Они оба послѣдовали за Джемсомъ Старромъ и Жакомъ Ріаномъ, которые пошли по пустыннымъ улицамъ города. Это предмѣстье столицы казалось Нелли простымъ скопленіемъ мрачныхъ домовъ, напоминавшимъ ей Каменноугольный городъ. Вся разница, по ея мнѣнію, была лишь въ томъ, что здѣсь надъ ея головою простирался высокій небесный сводъ, усѣянный блестящими звѣздами. Она довольно быстро шла впередъ, и Гарри не пришлось замедлять своихъ шаговъ.

— Ты не устала? — спросилъ онъ ее минутъ черезъ двадцать.

— Нѣтъ, — отвѣчала она. — Мнѣ кажется, что мои ноги и не прикасаются къ землѣ! Это небо такъ высоко надъ нами, что мнѣ страстно хочется улетѣть туда, какъ будто у меня выросли крылья!

— Держи ее, Гарри! — вскричалъ Жакъ Ріанъ. — Неужели наша малютка Нелли оставитъ насъ? Впрочемъ, и я испытываю точь въ точь такое же ощущеніе всякій разъ, какъ появляюсь на землѣ послѣ долгаго пребыванія въ копяхъ!

— Это происходитъ, вѣроятно, оттого, — замѣтилъ Джемсъ Старръ,— что здѣсь мы не чувствуемъ давленія того невысокаго свода изъ шифера, который простирается надъ Каменноугольнымъ городомъ! Поэтому небосводъ и представляется намъ какою-то глубокою бездной,

въ которую намъ хочется броситься. Не это ли именно ты и чувствуешь, Нелли?

— Да, мистеръ Старръ, — отвѣчала молодая дѣвушка, — именно это. Мнѣ кажется, что у меня какъ будто кружится голова!

— Впослѣдствіи ты привыкнешь къ этому, Нелли, — сказалъ Гарри. —

— Она и онъ! Никогда! (Стр. 92.)

Ты полюбишь этотъ безпредѣльный міръ и тогда, быть-можетъ, ты забудешь наши мрачныя копи!

— Никогда, Гарри! — вскричала Нелли.

Она закрыла глаза рукою, какъ бы желая вызвать въ своей душѣ воспоминаніе о копяхъ, которыя она такъ недавно еще покинула.

Пройдя черезъ сонное предмѣстье, Джемсъ Старръ и его товарищи обогнули Кельтонъ-Гилль, гдѣ виднѣлись въ полумракѣ обсерваторія

и памятникъ Нельсону. Затѣмъ они вступили въ улицу Гегента, перешли черезъ мостъ и, сдѣлавъ небольшой поворотъ, очутились на Кэнонгэтской улицѣ.

Городъ спалъ. На готической колокольнѣ Кэнонгэтъ-Черча пробило два часа.

Нелли остановилась.

— Что это за масса? — спросила она, указывая на уединенное зданіе, стоявшее на большой площади.

— Это — Голирудъ, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ, — дворецъ прежнихъ повелителей Шотландіи, въ которомъ совершилось столько трагическихъ происшествій! Тутъ историкъ могъ бы вызвать много царственныхъ тѣней, начиная съ несчастной Маріи Стюартъ и кончая престарѣлымъ французскимъ королемъ Карломъ X! Когда взойдетъ солнце, Нелли, то ты увидишь, что этотъ дворецъ, несмотря на мрачныя воспоминанія, связанныя съ его именемъ, вовсе не имѣетъ зловѣщаго вида! Съ своими четырьмя толстыми зубчатыми башнями Голирудъ походитъ на какой-нибудь увеселительный замокъ, который до нашихъ дней сохранилъ свой феодальный характеръ! Но пойдемте дальше. Вонъ тамъ, въ самой оградѣ древняго Голирудскаго аббатства, возвышаются скалы Салисбюри. Выше ихъ лишь Артуръ-Ситъ, къ которому мы и направимся. Съ его вершины, Нелли, ты увидишь, какъ солнце покажется изъ-за горизонта!

Они вступили въ Королевскій паркъ. Потомъ, постепенно поднимаясь, они очутились у основанія Артуръ-Сита.

Артуръ-Ситъ не что иное, какъ холмъ въ 750 футовъ высоты. Въ какіе-нибудь полчаса Джемсъ Старръ и его спутники добрались до вершины Артуръ-Сита. Если смотрѣть на Артуръ-Ситъ съ запада, то онъ чрезвычайно походитъ на льва.

Наши путники усѣлись на вершинѣ этого холма, и Джемсъ Старръ, чуть не наизусть знавшій великаго шотландскаго романиста, сказалъ:

— Вотъ что говоритъ Вальтеръ Скоттъ въ восьмой главѣ „Эдинбургской темницы“: „Если бы мнѣ поручили выбрать мѣсто, съ котораго можно было бы всего удобнѣе наблюдать за восходомъ и закатомъ солнца, то я выбралъ бы это самое мѣсто“. Подожди же, Нелли. Скоро взойдетъ солнце, и ты увидишь его во всемъ его блескѣ!

Взгляды молодой дѣвушки были обращены на востокъ. Гарри, сидѣвшій около нея, тревожно слѣдилъ за нею. Онъ боялся, что лучи солнца произведутъ на нее слишкомъ сильное впечатлѣніе. Всѣ сидѣли молча. Даже Жакъ Ріанъ притихъ.

Вдали на горизонтѣ показалась блѣднорозовая полоса. Она нѣсколько освѣтила все окружающее. У основанія Артуръ-Сита въ глубокомъ безмолвіи ночи простирался Эдинбургъ, погруженный все еще въ крѣпкій сонъ. Тамъ и сямъ въ темнотѣ мелькали свѣтлыя точки; это были утренніе огни, которые зажигались жителями Стараго города*), поднимавшимися съ своихъ постелей. На западѣ возвышался рядъ остроконечныхъ вершинъ, которыя прежде всего должны были быть озарены лучами солнца.

Между тѣмъ, востокъ все разгорался и разгорался. Съ каждою се-

*) Эдинбургъ раздѣляется на двѣ части: Старый и Новый городъ.

кундой краски становились все ярче и ярче: розовая переходила въ красную, красная — въ огненную.

Нелли смотрѣла на городъ, который лежалъ у ея ногъ и кварталы котораго начинали вырисовываться яснѣе. Очертанія высокихъ башенъ и остроконечныхъ колоколенъ начинали выдѣляться все съ большею отчетливостью. Всю окрестность окутывалъ какой-то пепельно-сѣрый свѣтъ. Наконецъ, до взора молодой дѣвушки дошелъ первый лучъ! Это былъ тотъ зеленоватый лучъ, который всегда въ ясное утро показывается изъ-за моря.

Черезъ полминуты Нелли протянула руку, указывая на самую высокую часть Новаго города.

— Огонь! — сказала она.

— Нѣтъ, Нелли, — возразилъ Гарри, — это не огонь. Это — золотой вѣнецъ, который солнце кладетъ на памятникъ Вальтеръ Скотта!

Наконецъ, показалось солнце. Потоки свѣта полились на землю. Солнечный дискъ казался еще влажнымъ, какъ будто бы онъ, на самомъ дѣлѣ, вышелъ изъ моря. Сначала онъ былъ очень широкимъ, благодаря преломленію лучей, но потомъ постепенно сузился и принялъ круглую форму.

Его блескъ былъ такъ нестерпимъ, что Нелли почти тотчасъ же закрыла глаза. Она должна была даже плотно прижать пальцы къ своимъ вѣкамъ, которыя были слишкомъ тонки.

Гарри посовѣтовалъ ей стать лицомъ къ западу.

— Нѣтъ, Гарри, — сказала она, — мои глаза должны привыкнуть видѣть все, что видятъ твои глаза!

Сквозь ладони своихъ рукъ Нелли, все-таки, видѣла розовый свѣтъ, который блѣднѣлъ по мѣрѣ того, какъ солнце поднималось надъ горизонтомъ. Наконецъ, она открыла вѣки, и глаза ея увидали дневной свѣтъ.

Дѣвушка упала на колѣни и набожно произнесла:

— Боже, какъ прекрасенъ Твой міръ!

Потомъ она опустила глаза и посмотрѣла внизъ. У ногъ ея развертывалась панорама Эдинбурга; обѣ части древней шотландской столицы рѣзко отличались другъ отъ друга: новые и правильные кварталы Новаго города плохо гармонировали съ безпорядочною кучей домовъ и странной сѣтью улицъ Стараго города. Замокъ на базальтовой скалѣ и Кельтонъ-Гилль, украшенный остатками какого-то греческаго памятника, были наиболѣе возвышенными пунктами Эдинбурга. Великолѣпныя, обсаженныя деревьями дороги вели изъ столицы въ деревни. Съ моремъ Эдинбургъ соединяла дорога, прямая какъ стрѣла. На сѣверѣ, у гавани Лейта, далеко въ берегъ врѣзывался заливъ Форсъ. Еще сѣвернѣе разстилались живописные берега графства Файфъ. На западѣ рисовались чудные берега Ньюгевена и Порто-Белло. Въ открытомъ морѣ шло два или три парохода, изъ трубъ которыхъ клубами выходилъ черный дымъ. Кромѣ того, тамъ и сямъ вокругъ Артуръ-Сита зеленѣли равнины, а на нихъ кое-гдѣ возвышались небольшіе холмы.

Нелли не могла говорить. Ея губы шептали какія-то несвязныя слова. Ея руки дрожали. Ея голова кружилась. Наконецъ, силы оставили ее. Вдыхая въ себя этотъ чистый воздухъ, наслаждаясь этимъ

величественнымъ зрѣлищемъ, она почувствовала, что слабѣетъ, и безъ памяти упала на руки Гарри, который ожидалъ этого.

Эта молодая дѣвушка, жизнь которой проходила до сихъ поръ въ подземельѣ, увидала, наконецъ, вселенную. Взоры ея, окинувъ городъ и поля, въ первый еще разъ устремились на безпредѣльное море и безконечное небо.

ГЛАВА XVIII.

Отъ озера Ломондъ къ озеру Катрайнъ.

Неся Нелли, Гарри сошелъ со склоновъ Артуръ-Сита. Джемсъ Старръ и Жакъ Ріанъ послѣдовали за нимъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ и позавтракавъ въ гостиницѣ Ламбрета, путешественники рѣшили отправиться въ страну озеръ.

Силы вернулись къ Нелли. Глаза ея не боялись уже теперь дневного свѣта, а легкія съ наслажденіемъ вдыхали въ себя живительный и здоровый воздухъ полей. Взоръ ея съ удовольствіемъ останавливался на зелени деревьевъ и растеній и на лазури неба.

Желѣзнодорожный поѣздъ отвезъ Нелли и ея спутниковъ въ Глэсго. Тамъ съ моста, переброшеннаго черезъ рѣку Клейдъ, наши путешественники любовались теченіемъ рѣки. Слѣдующую ночь они провели въ Королевской гостиницѣ.

На другой день поѣздъ Эдинбурго-Глэсговской желѣзной дороги долженъ былъ подвезти ихъ къ южному берегу озера Ломондъ.

— Мы увидимъ страну Робъ Роя и Фергуса Макъ-Грегора, — воскликнулъ Джемсъ Старръ, — такъ поэтически воспѣтую Вальтеръ Скотомъ! Ты не знаешь этой страны, Жакъ?

— Я ее знаю по ея пѣснямъ, мистеръ Старръ, — отвѣчалъ Жакъ Ріанъ, — и думаю, что страна, обладающая такими прелестными пѣснями, должна быть превосходна!

— Такова она и есть на самомъ дѣлѣ, — замѣтилъ инженеръ, — и наша дорогая Нелли сохранитъ о ней самыя лучшія воспоминанія!

— Съ такимъ провожатымъ, какъ вы, мистеръ Старръ, — сказалъ Гарри, — пріятно путешествовать: вы разскажете намъ исторію страны въ то время, какъ мы будемъ ее осматривать.

— Хорошо, Гарри, — согласился инженеръ, — я исполню твое желаніе, насколько мнѣ позволитъ моя память; но съ условіемъ, чтобы веселый Жакъ помогъ мнѣ. Когда я устану разсказывать, онъ намъ споетъ.

— За мною дѣло не станетъ, — отвѣчалъ Жакъ Ріанъ, и взялъ при этомъ высокую ноту, какъ бы желая испробовать свой голосъ.

По желѣзной дорогѣ отъ Глэсго до Баллоха, города, стоящаго на берегу озера Ломонда, насчитывается не болѣе 20 миль.

Поѣздъ прошелъ черезъ Дембартонъ, главный городъ графства того же имени. За́мокъ этого города, постоянно укрѣпленный, согласно договору о союзѣ между Англіей и Шотландіей, живописно расположенъ на двухъ вершинахъ громадной базальтовой скалы.

Дембартонъ лежитъ при сліяніи двухъ рѣкъ: Клейда и Левена.

Проѣзжая через него, Джемсъ Старръ разсказалъ нѣсколько подробностей, относящихся къ исторіи Маріи Стюартъ. Дѣйствительно, изъ этого города несчастная королева отправилась во Францію, чтобы выйти тамъ замужъ за будущаго Франциска II. Въ этомъ же городѣ англійскій кабинетъ думалъ поселить Наполеона послѣ событій 1815 г.; но потомъ выборъ остановился на островѣ Св. Елены, и англійскій плѣнникъ долженъ былъ умереть на скалѣ среди Атлантическаго океана, что окружило массою легендъ его память.

Въ скоромъ времени поѣздъ прибылъ въ Баллохъ и остановился возлѣ деревянной платформы, которая вела на берегъ озера Ломондъ.

Пароходъ „Сенъ-Клеръ" поджидалъ туристовъ, въ большомъ количествѣ посѣщающихъ эту страну. Нелли и ея спутники сѣли на него и взяли себѣ билеты до Инверснеда, находящагося на сѣверной оконечности озера.

Яркое солнце горѣло на небѣ, совершенно ясномъ, что такъ рѣдко бываетъ въ туманной Великобританіи. Пассажиры „Сенъ-Клера" могли вдоволь любоваться тѣмъ прелестнымъ пейзажемъ, который разстилался предъ ними. Сидя на кормѣ между Джемсомъ Старромъ и Гарри, Нелли всѣмъ своимъ существомъ вдыхала въ себя ту величественную поэзію, которая носится, какъ кажется, въ самомъ воздухѣ прекрасной Шотландіи.

Жакъ Ріанъ ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ „Сенъ-Клера" и безпрестанно обращался съ разспросами къ инженеру, который очень охотно отвѣчалъ ему. Съ восторгомъ страстнаго любителя природы инженеръ описывалъ страну Робъ-Роя, проходившую передъ его глазами.

Сначала „Сенъ-Клеръ" шелъ посреди множества островковъ, разсыпанныхъ въ этомъ мѣстѣ по Ломонду. На островкахъ виднѣлись или пустынныя долины, или дикія, скалистыя ущелья.

— Замѣть, Нелли, — сказалъ Джемсъ Старръ, — что съ каждымъ изъ этихъ островковъ точно такъ же, какъ съ каждою изъ горъ, окружающихъ озеро, связана какая-нибудь легенда. Можно безъ преувеличенія сказать, что эти острова и горы дали содержаніе всей исторіи этой страны.

— Знаете, мистеръ Старръ, — сказалъ Гарри, — что напоминаетъ мнѣ эта часть озера Ломонда?

— Что, Гарри?

— Тысячу острововъ озера Онтаріо, съ такимъ удивительнымъ талантомъ описаннаго Куперомъ. Должно-быть, и тебѣ, моя дорогая Нелли, бросилось въ глаза это сходство, такъ какъ всего лишь нѣсколько дней тому назадъ я прочелъ тебѣ тотъ романъ, въ которомъ описано озеро Онтаріо и который я считаю лучшимъ произведеніемъ американскаго писателя.

— Правда, Гарри, — отвѣчала молодая дѣвушка, — тутъ почти то же самое, да и „Сенъ-Клеръ" пробирается межъ этихъ острововъ все равно, какъ катеръ Джеспера — „Прѣсная Вода" по озеру Онтаріо!

— Прекрасно, — замѣтилъ инженеръ, — это доказываетъ, что оба озера заслуживаютъ того, чтобы ихъ воспѣвали поэты! Я не знаю острововъ Онтаріо, Гарри, но сомнѣваюсь, чтобы на нихъ царило такое же разнообразіе, какъ на островахъ Ломонда. Посмотрите на эту картину!

Вотъ островъ Муррей со своей старинной крѣпостью Леноксомъ, въ которой жила престарѣлая герцогиня Альбани послѣ смерти своего отца, своего мужа и своихъ двухъ сыновей, обезглавленныхъ по приказанію Іакова I. Вотъ островъ Кларъ, вотъ Кро, вотъ Торръ... Одни изъ этихъ острововъ скалисты, пустынны, лишены всякой растительности, другіе, наоборотъ, утопаютъ въ зелени. На однихъ — лиственницы и березы, на другихъ — поля, покрытыя желтымъ и сухимъ верескомъ. Признаюсь, я съ трудомъ вѣрю, чтобы такое же разнообразіе было и на Онтаріо!

— Что это за гавань? — спросила Нелли, глядя на восточный берегъ озера.

— Это — Бальмаго, — отвѣтилъ Джемсъ Старръ. — Отсюда начинается наша горная Шотландія. Развалины, которыя ты видишь, Нелли, не что иное, какъ жалкіе остатки древняго женскаго монастыря, на кладбищѣ котораго погребено не мало членовъ семьи Макъ-Грегоровъ. Это имя и теперь еще пользуется широкой извѣстностью во всей этой странѣ.

— Извѣстностью, пріобрѣтенною цѣною крови, которую эта семья проливала и заставляла проливать! — замѣтилъ Гарри.

— Ты правъ, — продолжалъ Джемсъ Старръ. — Надо сознаться, что военная слава и до сихъ поръ переживаетъ всякую другую. Эти разсказы о сраженіяхъ переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію...

— И увѣковѣчиваются въ пѣсняхъ, — добавилъ Жакъ Ріанъ.

Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, славный малый пропѣлъ первый куплетъ старинной военной пѣсни, воспѣвавшей подвиги Александра Макъ-Грегора изъ клана Сраё, одержанные имъ въ борьбѣ противъ сэра Гумфри Калькюгура изъ Лесса.

Нелли внимательно слушала, но разсказъ объ этихъ подвигахъ произвелъ на нее грустное впечатлѣніе. Къ чему столько крови пролито было на этихъ равнинахъ, которыя молодая дѣвушка находила неизмѣримыми и на которыхъ хватило бы мѣста для всѣхъ.

Пароходъ проходилъ мимо небольшой гавани Лёсса. Одно мгновеніе Нелли могла видѣть старую башню древняго замка. Потомъ „Сенъ-Клеръ“ повернулъ къ сѣверу, и передъ глазами туристовъ показался Бенъ Ломондъ, возвышающійся почти на 3000 футовъ надъ уровнемъ озера.

— Чудная гора! — вскричала Нелли. — Какой прелестный видъ, должно быть, открывается съ ея вершины!

— Дѣйствительно, Нелли, — сказалъ Джемсъ Старръ, — съ этой вершины можно видѣть добрыхъ двѣ трети нашей старой Каледоніи. Посмотри, какъ гордо она выступаетъ среди дубовъ, березъ и лиственницъ, зеленымъ ковромъ устилающихъ всю нижнюю часть горы! Вотъ тамъ, въ восточной части озера, была постоянная резиденція клана Макъ-Грегоровъ. По этимъ вотъ пустыннымъ ущельямъ, находившимся вблизи нея, не разъ лилась кровь во время борьбы между приверженцами Стюартовъ и Ганноверской династіи. Вся эта мѣстность въ звѣздныя ночи освѣщается блѣдною луной, которая въ старыхъ пѣсняхъ называется фонаремъ Макъ-Фарлана. Еще и теперь эхо часто повторяетъ тутъ безсмертныя имена Робъ Роя и Макъ-Грегора Кэмпбелля!

Бенъ Ломондъ, послѣдняя вершина Грemпіэнскихъ горъ, дѣйствительно, былъ достоинъ кисти великаго шотландскаго романиста. Джемсъ

Старръ вѣрно замѣтилъ, что есть и болѣе высокія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчными снѣгами, но зато едва ли найдется на землѣ другой такой поэтическій уголокъ.

— Весь Бенъ Ломондъ, — прибавилъ онъ, — принадлежитъ теперь герцогу Монтрозу! Его свѣтлость владѣетъ этою горой такъ же спокойно, какъ какой-нибудь лондонскій житель лужайкой въ своемъ садикѣ.

Въ это время „Сенъ-Клеръ" подошелъ къ деревнѣ Торбету, въ которой высадилось нѣсколько пассажировъ, направлявшихся въ Инверари. Отсюда Бенъ Ломондъ являлся во всей своей красѣ. Его бока, по которымъ бѣжали быстрые потоки, сверкали, какъ расплавленныя серебряныя пластинки.

По мѣрѣ того, какъ „Сенъ-Клеръ" шелъ все дальше и дальше мимо горы, мѣстность становилась все пустыннѣе и пустыннѣе. Кое-гдѣ попадались одинокія деревья, большею частью ивы, на вѣткахъ которыхъ нѣкогда вѣшали людей, принадлежавшихъ къ низшимъ слоямъ населенія.

— Чтобы не тратить напрасно веревокъ, — замѣтилъ Джемсъ Старръ.

По направленію къ сѣверу озеро суживалось. Береговыя горы сближались. Пароходъ прошелъ мимо нѣсколькихъ островковъ. Предъ глазами его пассажировъ промелькнули Инвереглас, Эйладъ-Ву, на которомъ еще замѣтны были слѣды крѣпости, принадлежавшей Макъ-Фарлану. Наконецъ, „Сенъ-Клеръ" остановился у Инверследа, гдѣ наши путешественники и высадились на берегъ.

Заказавъ завтракъ, Нелли и ея спутники направились къ бурливому потоку, который падаетъ въ озеро съ довольно значительной высоты. Казалось, онъ созданъ былъ для того, чтобы доставлять удовольствіе туристамъ. Черезъ его бурныя воды былъ перекинутъ постоянно дрожавшій мостъ. Отсюда взоръ охватывалъ большую часть Ломонда.

Позавтракавъ, наши путешественники рѣшили отправиться на озеро Катрайнъ. Къ ихъ услугамъ было нѣсколько очень удобныхъ каретъ, съ гербами рода Бридальбановъ. Члены этого рода нѣкогда доставляли дрова и воду скрывавшемуся Робъ Рою.

Согласно современной модѣ, Гарри усадилъ Нелли на имперіалѣ. Рядомъ съ нею размѣстились и всѣ ея спутники. Великолѣпный кучеръ, въ красной ливреѣ, взялъ вожжи въ лѣвую руку, и экипажъ, запряженный четверкою лошадей, понесся по извилистому берегу потока.

Дорога шла въ гору. Бенъ Ломондъ съ своими крутыми сѣверными склонами находился слѣва отъ нашихъ путниковъ.

Мѣстность, находящаяся между озерами Ломондомъ и Катрайномъ, представляла изъ себя совершенную пустыню. Дикія ущелья тянутся до самаго клана Аберфойля. Это послѣднее имя напомнило молодой дѣвушкѣ ту ужасную пропасть, въ которой провела она свое дѣтство, и глубокая тоска охватила ея сердце. Замѣтивъ это, Джемсъ Старръ поспѣшилъ развлечь ее своими разсказами.

Къ тому же было о чемъ разсказать, такъ какъ здѣсь именно, на берегахъ небольшого озера Арда, произошли всѣ важнѣйшія событія въ жизни Робъ Роя. Здѣсь высились мрачныя скалы изъ известняка, перемѣшаннаго съ кремнеземомъ, который, подъ дѣйствіемъ времени и атмосфернаго давленія, превратился въ настоящій цементъ. Жалкія

хижины, похожія на берлоги, встрѣчались кое-гдѣ между развалившимися овчарнями. Трудно было сказать, кто жилъ въ нихъ: люди или дикія животныя. Нѣсколько сурковъ, съ полинявшею шерстью, изумленно смотрѣли на проносившіяся мимо кареты.

— Эта мѣстность, — сказалъ Джемсъ Старръ, — въ особенности можетъ называться страною Робъ Роя. Вотъ тутъ знаменитый судья Николай Джарвей, достойный сынъ своего отца, дьякона, былъ схваченъ милиціей графа Ленокса. На этомъ самомъ мѣстѣ повисъ онъ, зацѣпившись своими штанами, которые, къ счастью, были сдѣланы изъ прочнаго шотландскаго сукна, а не изъ тонкаго французскаго камлота! Неподалеку отъ истоковъ Форса и теперь еще можно видѣть то мѣсто, гдѣ герой перешелъ рѣку въ бродъ, убѣгая отъ солдатъ герцога Монтроза. Ахъ, если бы онъ зналъ наши копи! Онъ могъ бы укрыться тамъ отъ всякихъ преслѣдованій! Однимъ словомъ, друзья мои, нельзя сдѣлать и шагу въ этой прославленной мѣстности безъ того, чтобы не наткнуться на какое-нибудь историческое воспоминаніе. Эти воспоминанія вдохновляли и Вальтера Скотта въ то время, какъ онъ въ великолѣпныхъ строфахъ передавалъ содержаніе военной пѣсни клана МакъГрегоровъ!

— Прекрасно, мистеръ Старръ, — возразилъ Жакъ Ріанъ, — но если правда, что Николай Джарвей повисъ на своихъ штанахъ, то какой же смыслъ имѣетъ наша пословица: „Большой хитрецъ будетъ тотъ, кто отниметъ штаны у шотландца“?

— Честное слово, Жакъ, ты сдѣлалъ справедливое замѣчаніе! — отвѣтилъ, смѣясь, Джемсъ Старръ. — Вѣроятно, нашъ судья былъ одѣтъ тогда не по модѣ нашихъ предковъ!

— Въ такомъ случаѣ, онъ самъ виноватъ, мистеръ Старръ.

— Не спорю, Жакъ!

Экипажъ катился теперь по безлѣсной и безводной равнинѣ, покрытой однимъ лишь сухимъ верескомъ. Кое-гдѣ виднѣлись груды камней, напоминавшія собою пирамиды.

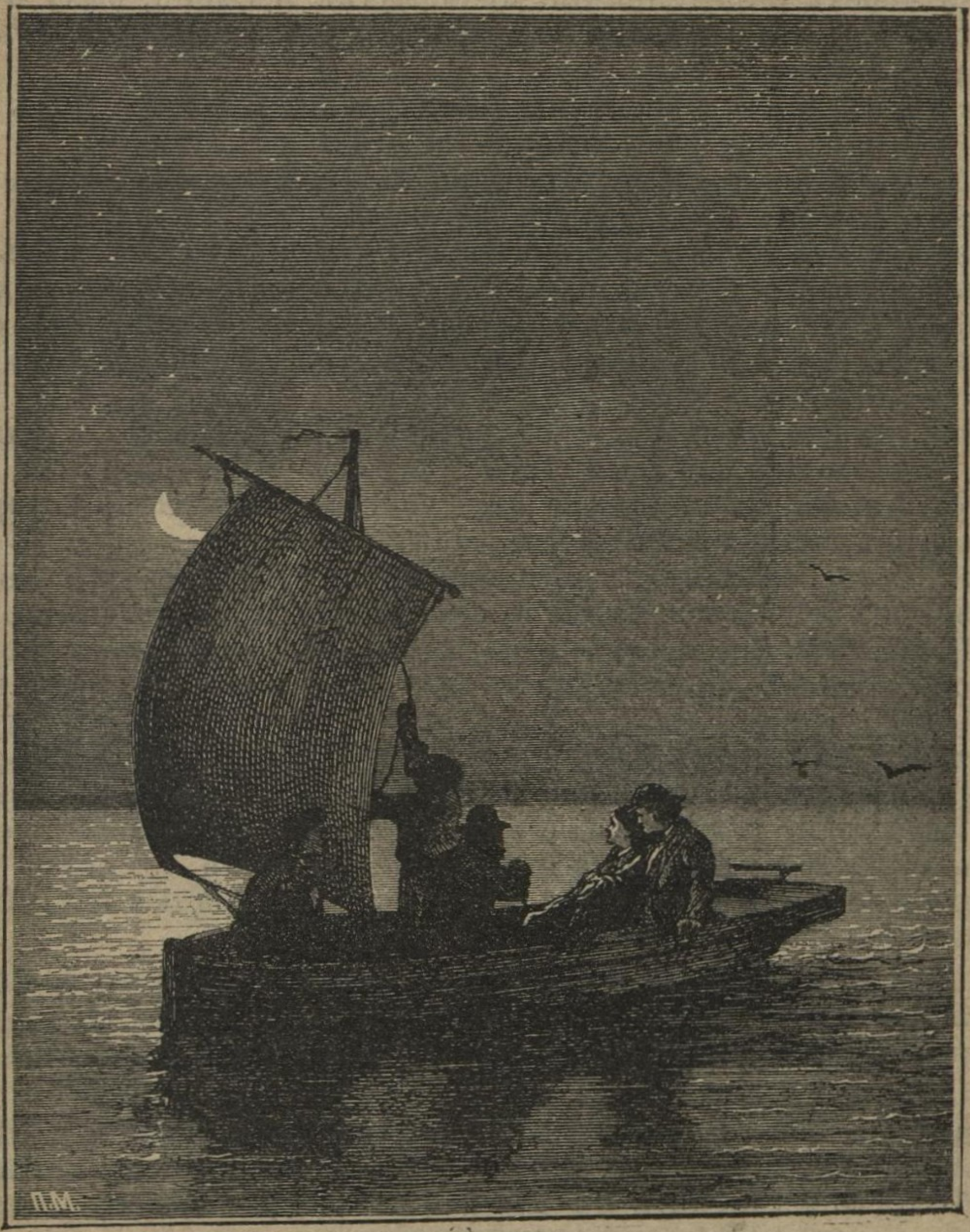
— Это — керны, — сказалъ Джемсъ Старръ. — Въ былое время всякій прохожій клалъ камень на могилу героя, чтобы почтить этимъ его память. Такимъ образомъ и произошли керны. На этотъ обычай указываетъ извѣстная поговорка: „Горе тому, кто проходитъ мимо керна, не положивъ на него камня, послѣдняго привѣтствія!“ Если бы сыновья сохранили вѣру своихъ отцовъ, то эти груды камней обратились бы теперь въ холмы. Словомъ, все въ этой странѣ способствуетъ развитію поэзіи въ сердцѣ горца! Впрочемъ, и во всѣхъ горныхъ странахъ процвѣтаетъ поэзія. Если бы греки жили на какой-нибудь низменности, то мы не имѣли бы античной миѳологіи.

Въ то время, какъ наши путешественники вели такіе разговоры, карета въѣхала въ узкую долину, которую суевѣрное воображеніе могло бы счесть жилищемъ духовъ. Вскорѣ затѣмъ показалась гостиница „Стронахлакаръ“, стоящая на берегу озера Катрайнъ.

У берега стоялъ небольшой пароходъ, который, естественно, носилъ имя „Робъ Роя“. Нелли и ея спутники поспѣшили на него сѣсть.

Озеро Катрайнъ тянется на 10 миль въ длину; ширина его нигдѣ не доходитъ до двухъ миль.

— Вотъ оно, это озеро, — вскричалъ Джемсъ Старръ, — которое справедливо сравниваютъ съ длиннымъ угремъ! Увѣряютъ, что оно никогда не замерзаетъ. Не знаю, правда ли это; но, во всякомъ случаѣ, не должно забывать, что въ былое время на немъ совершала свои подвиги *Озерная Фея.* Я увѣренъ, что если нашъ другъ Жакъ посмотритъ



Въ лодкѣ по заливу Форсъ. (Стр. 94.)

попристальнѣе, то онъ увидитъ, какъ по поверхности озера скользитъ легкая тѣнь прекрасной Елены Дугласъ!

— Почему жъ бы мнѣ и не увидать ее, мистеръ Старръ? — замѣтилъ Жакъ Ріанъ. — Развѣ ее труднѣе видѣть, чѣмъ духовъ нашихъ копей?

Въ это мгновеніе на кормѣ „Робъ-Роя“ раздались чистые звуки волынки.

Это игралъ горецъ, одѣтый въ національный костюмъ. Звуки были просты, пріятны и наивны. Можно было подумать, что національная мелодія, которую они составляли, не была сочинена кѣмъ-либо, а просто произошла естественнымъ путемъ: въ ней были и дуновенье вѣтерка, и рокотъ волнъ, и шелестъ листьевъ... Форма припѣва, повторявшагося черезъ опредѣленные промежутки времени, была очень оригинальна. Его фраза состояла изъ трехъ тактовъ въ два темпа и изъ одного въ три темпа.

Жакъ Ріанъ зналъ эту пѣсню шотландскихъ озеръ. Подъ аккомпанементъ волынки горца онъ громко пропѣлъ слѣдующее:

„О, прекрасныя шотландскія озера съ дремлющими водами! Никогда не забывайте своихъ прелестныхъ легендъ!

„На вашихъ берегахъ постоянно встрѣчаешь слѣды тѣхъ героевъ, которыхъ оплакиваетъ весь міръ, тѣхъ потомковъ благородныхъ отцовъ, которыхъ воспѣлъ нашъ Вальтеръ Скоттъ! Вотъ башня, гдѣ феи готовили имъ ихъ скудный ужинъ; вотъ поля, по которымъ бродитъ тѣнь Фингала!

„Здѣсь темною ночью духи предаются безумному веселью; тамъ, въ тѣни, появляются суровыя лица старыхъ пуританъ! По вечерамъ среди пустынныхъ скалъ можно еще увидать Вэверлея, который увлекаетъ къ вашимъ берегамъ Флору Макъ-Иворъ!

„Здѣсь, безъ сомнѣнія, и Озерная Фея прогуливается верхомъ на своей неземной лошади, и Діана прислушивается къ звукамъ охотничьяго рога Робъ Роя! Не здѣсь ли такъ недавно еще жилъ Фергусъ посреди своего клана? Не отсюда ли эхо разносило по горамъ его боевой кликъ?

„Какъ бы далеко отъ васъ, поэтическія озера, ни забросила насъ судьба, наши глаза никогда не забудутъ вашихъ лощинъ, скалъ и гротовъ! О, зачѣмъ не вернетесь вы къ намъ вновь, былыя времена. Къ тебѣ, старая Каледонія, къ тебѣ летятъ всѣ наши помыслы!

„О, прекрасныя шотландскія озера съ дремлющими водами! Никогда не забывайте своихъ прелестныхъ легендъ!“

Было три часа пополудни. На разстояніи полумили виднѣлся уже тотъ узкій бассейнъ, въ который долженъ былъ войти „Робъ-Рой“, чтобы высадить тамъ пассажировъ, направлявшихся въ Стирлингъ черезъ Каллендеръ.

Нелли была подавлена массою новыхъ впечатлѣній. „Боже мой! Боже мой!“ — повторяла она всякій разъ, какъ видѣла что-нибудь новое. Необходимо было дать ей нѣсколько часовъ полнаго отдыха хотя бы для того, чтобы она могла сохранить въ памяти всѣ видѣнныя чудеса.

Въ этотъ моментъ Гарри взялъ ее за руку, посмотрѣлъ на нее съ волненіемъ и сказалъ:

— Нелли, моя дорогая Нелли! Скоро мы вернемся въ наше мрачное жилище! Не будешь ли ты жалѣть тамъ о томъ, что ты видѣла въ эти нѣсколько часовъ при дневномъ свѣтѣ?

— Нѣтъ, Гарри, — отвѣчала молодая дѣвушка. — Я буду помнить все, что видѣла здѣсь, но съ удовольствіемъ возвращусь съ тобою въ наши горячо любимыя копи.

— Нелли, — спросилъ Гарри голосомъ, въ которомъ ясно слышалось волненіе, — хочешь ли ты, чтобы священныя узы соединили насъ навсегда предъ лицомъ Бога и людей? Хочешь ли стать моею женой?

— Хочу, Гарри, — отвѣтила Нелли, глядя на него своимъ кроткимъ взоромъ. — Хочу, если ты думаешь, что я могу принести тебѣ счастье...

Нелли не окончила еще этой фразы, въ которой заключалось все будущее Гарри, какъ вдругъ произошло необъяснимое явленіе.

„Робъ-Рой“, несмотря на то, что находился въ полумилѣ отъ берега, почувствовалъ неожиданный толчокъ. Оказалось, что пароходъ сталъ на дно озера и что машина не можетъ сдвинуть его съ мѣста.

Какимъ же образомъ это произошло? Дѣло было въ томъ, что восточная часть озера Катрайнъ внезапно обмелѣла, какъ будто бы подъ ея русломъ оказалась громадная трещина. Она высохла въ нѣсколько секундъ, какъ это бываетъ съ морскимъ прибрежьемъ во время отлива. Почти вся вода ея ушла въ нѣдра земли.

— Друзья мои, — вскричалъ Джемсъ Старръ, какъ бы понявъ внезапно причину этого явленія. — Да сохранитъ Господь Новый Аберфойль!

ГЛАВА XIX.

Послѣдняя угроза.

Въ этотъ день работы въ Новомъ Аберфойлѣ шли обычнымъ порядкомъ. Издали доносился трескъ динамитныхъ патроновъ, съ помощью которыхъ находили уголь. Въ мѣстахъ, гдѣ добывался уголь, стучали кирки и ломы или скрипѣли машины, которыми просверливали слои песчаника или шифера. Во всемъ подземельѣ стоялъ какой-то глухой гулъ. Въ нижнихъ тоннеляхъ со скоростью 15 миль въ часъ то и дѣло ходили вагончики, приводившіеся въ движеніе механическими двигателями; ихъ автоматическіе звонки заставляли рабочихъ уходить съ ихъ пути и тѣмъ предупреждали какое-либо несчастье. Корзинки для угля безпрестанно то поднимались, то опускались. Электрическія солнца ярко освѣщали Каменноугольный городъ.

Работы велись очень дѣятельно. Уголь ссыпался въ вагончики, которые быстро доставляли его на дно шахтъ, откуда его вытаскивали на поверхность земли. Въ то время, какъ одна смѣна рабочихъ отдыхала послѣ ночныхъ трудовъ, другая работала днемъ, не теряя ни минуты.

Пообѣдавъ, Симонъ Фордъ и Мэджъ расположились на дворѣ коттеджа. Старый углекопъ предавался своему обычному послѣобѣденному отдыху. Онъ курилъ трубку, набитую отличнымъ французскимъ табакомъ. Счастливые супруги говорили о Нелли, о своемъ мальчикѣ, о Джемсѣ Старрѣ, объ этой поѣздкѣ на поверхность земли. Гдѣ они были? Что они дѣлали въ этотъ моментъ? Не тосковали ли они о копяхъ, находясь такъ долго на землѣ?

Въ это мгновенье раздался страшный шумъ. Можно было подумать, что огромный водопадъ обрушился въ копи.

Симонъ Фордъ и Мэджъ быстро поднялись съ своихъ мѣстъ.

Почти тотчасъ же воды озера Малькольмъ вышли изъ своихъ береговъ, и громадная волна понеслась на коттеджъ.

Симонъ Фордъ, схвативъ Мэджъ, утащилъ ее въ верхнiй этажъ дома.

Въ то же самое время раздались ужасные крики по всему Каменноугольному городу, которому угрожало это неожиданное наводненiе. Жители города искали спасенiя на скалахъ, покрывавшихъ берега озера.

Паника была ужасная. Нѣсколько обезумѣвшихъ углекоповъ бросились къ тоннелю, чтобы чрезъ него пробраться на поверхность земли. Всѣ думали, что море прорвалось въ копи, галлереи которыхъ были прорыты подъ самымъ сѣвернымъ каналомъ. Въ такомъ случаѣ, вода неминуемо залила бы все обширное подземелье, и ни одинъ изъ жителей Новаго Аберфойля не спасся бы отъ смерти.

Но, достигнувъ входа въ тоннель, первые ряды бѣглецовъ сошлись лицомъ къ лицу съ Симономъ Фордомъ, который уже оставилъ свой коттеджъ.

— Остановитесь, остановитесь, друзья мои! — закричалъ имъ старый углекопъ. — Если бы вода должна была залить нашъ городъ, то она, во всякомъ случаѣ, догнала бы васъ, и все равно никто не спасся бы! Но видите, вода не прибываетъ, значитъ, всякая опасность миновала.

— А что съ нашими товарищами, которые теперь на работѣ? — вскричали съ ужасомъ нѣкоторые углекопы.

— За нихъ опасаться нечего, — отвѣчалъ Симонъ Фордъ. — Работы производятся въ мѣстахъ, находящихся гораздо выше уровня воды въ озерѣ!

Факты, казалось, подтверждали слова стараго углекопа. Вода вдругъ перестала прибывать; она подняла лишь на нѣсколько футовъ уровень озера Малькольма. Каменноугольный городъ не былъ залитъ, и можно было надѣяться, что вода, проникнувъ въ самыя нижнiя галлереи копей, не унесла съ собой человѣческихъ жертвъ.

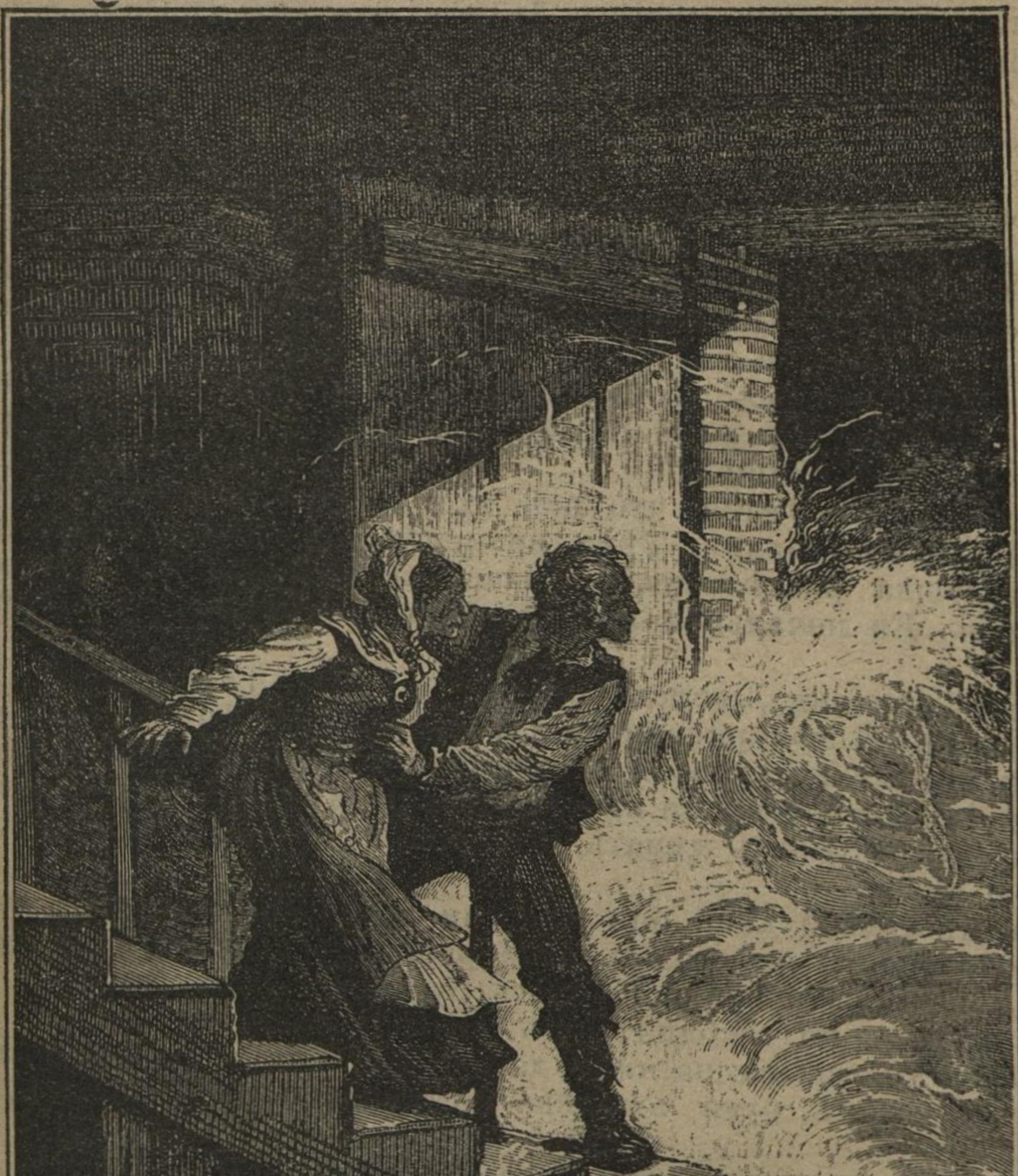
Что же касается до самаго наводненiя, то Симонъ Фордъ и его товарищи не могли съ точностью опредѣлить, отчего оно произошло. Одни держались того мнѣнiя, что какая-нибудь внутренняя водная масса прорвалась сквозь слой шифера, другiе думали, что обрушилось русло какого-нибудь воднаго вмѣстилища на поверхности земли. Въ одномъ только никто не сомнѣвался, это въ томъ, что это происшествiе принадлежало къ числу самыхъ обыкновенныхъ, какiя часто встрѣчаются въ каменноугольныхъ копяхъ.

Но въ тотъ же вечеръ настоящая причина была узнана. Газеты графства поспѣшили сообщить о странномъ явленiи, имѣвшемъ мѣсто на озерѣ Катрайнѣ. Нелли, Гарри, Джемсъ Старръ и Жакъ Рiанъ, со всевозможною поспѣшностью вернувшiеся въ коттеджъ, подтвердили газетныя извѣстiя и, въ свою очередь, не безъ удовольствiя узнали, что наводненiе причинило Новому Аберфойлю лишь матерiальный ущербъ.

Такимъ образомъ, русло озера Катрайна обрушилось. Вода хлынула въ копи, и въ любимомъ озерѣ шотландскаго романиста — по крайней мѣрѣ, въ южной его части, которая превратилась въ прудъ въ нѣсколько акровъ величиною — не осталось воды и настолько, чтобы Озерная Фея могла намочить въ немъ свои прелестныя ножки.

Это странное происшествiе возбудило большой шумъ. Безъ сомнѣнiя,

въ первый еще разъ съ того дня, какъ созданъ былъ міръ, цѣлое озеро въ нѣсколько секундъ провалилось въ нѣдра земли. Теперь оставалось его только вычеркнуть изъ картъ Соединенныхъ Королевствъ и ждать того времени, когда оно снова наполнится водой. Вальтеръ Скоттъ умеръ бы отъ отчаянія, если бы дожилъ до того дня, когда его любимое озеро провалилось въ землю!



Симонъ Фордъ схватилъ Мэджъ. (Стр. 108.)

Несмотря на свою странность, явленіе это легко объяснялось. Очевидно, между русломъ озера и сводами копей былъ тонкій слой почвы вторичной формаціи, который, наконецъ, не выдержалъ тяжести воды, находившейся въ озерѣ, и рухнулъ.

Тѣмъ не менѣе, Джемсъ Старръ, Симонъ и Гарри Форды склонны были и здѣсь видѣть руку злоумышленника. Прежнія подозрѣнія вер-

нулись къ нимъ. Они спрашивали себя, не припялся ли опять ихъ злобный геній за свою борьбу противъ копей.

Черезъ нѣсколько дней Джемсъ Старръ разговаривалъ объ этомъ въ коттеджѣ съ старымъ углекопомъ и его сыномъ.

— Симонъ, — сказалъ онъ, — у меня есть предчувствіе, что и этотъ фактъ, несмотря на то, что онъ легко объясняется, тоже относится къ разряду тѣхъ, причины которыхъ мы не можемъ опредѣлить.

— Согласенъ съ вами, мистеръ Джемсъ, — отвѣтилъ Симонъ Фордъ.— Произведемте разслѣдованіе!

— О, — вскричалъ инженеръ, — я заранѣе знаю результатъ этого разслѣдованія!

— Вотъ какъ! Какой же это результатъ?

— Мы убѣдимся въ томъ, что здѣсь, дѣйствительно, былъ злой умыселъ, но не найдемъ злоумышленника.

— Однако, вѣдь существуетъ же онъ! — отвѣчалъ Симонъ Фордъ.— Гдѣ онъ скрывается? Но, какъ бы ни былъ золъ этотъ человѣкъ, неужели ему могла прійти въ голову такая адская мысль, чтобы устроить провалъ озера? Сознаюсь, я начинаю думать, вмѣстѣ съ Жакомъ Ріаномъ, что какой-нибудь злой геній копей сердится на насъ за то, что мы овладѣли его жилищемъ!

Само собою разумѣется, что всѣ эти разговоры велись, по возможности, тайкомъ отъ Нелли. Тѣмъ не менѣе, по временамъ казалось, что молодая дѣвушка раздѣляетъ тѣ опасенія, которыя были у лицъ, ее пріютившихъ. Ея печальное лицо носило слѣды жестокой внутренней борьбы.

Въ концѣ концовъ, Джемсъ Старръ, Симонъ и Гарри Фордъ рѣшили отправиться на мѣсто происшествія и въ точности опредѣлить его причину. Они никому не сказали о своемъ намѣреніи, такъ какъ всякому, кто былъ не знакомъ со всѣми предшествовавшими фактами, показалось бы совершеннымъ безуміемъ думать, что провалъ озера Катрайна устроенъ преступною рукой.

Черезъ нѣсколько дней они привели въ исполненіе свое намѣреніе и тщательно осмотрѣли столбы, поддерживавшіе своды пещеры Новаго Аберфойля, надъ которою находилось русло озера Катрайна.

Этотъ осмотръ подтвердилъ ихъ опасенія. Столбы носили на себѣ слѣды недавняго взрыва; на нихъ даже были видны еще черныя пятна.

Такимъ образомъ, рука человѣка заставила обрушить часть сводовъ пещеры.

— Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія, — сказалъ Джемсъ Старръ.— И кто знаетъ, что случилось бы, если бы этотъ обвалъ открылъ сюда доступъ водамъ не озера, а всего моря!

— Да, — вскричалъ старый углекопъ съ чувствомъ нѣкоторой гордости, — одно только море могло бы затопить нашъ Аберфойль! Но опять повторяю, для чего нужно кому-то желать прекращенія нашихъ работъ?

— Непонятно, — заговорилъ Джемсъ Старръ. — Очевидно, тутъ не какая-нибудь шайка обыкновенныхъ преступниковъ, которые, скрываясь въ какой-либо норѣ, выходятъ изъ нея съ цѣлью воровства и грабежа! Если бъ, въ дѣйствительности, тутъ скрывалась такая шайка, то почему же за всѣ три года у насъ не было ни одного случая воровства? Невѣ-

роятно также, чтобы это были контрабандисты или фальшивые монетчики, которые, занимаясь своимъ преступнымъ ремесломъ, были бы заинтересованы въ томъ, чтобы удалить насъ изъ копей. Дѣйствительно, нигдѣ ничего вѣдь не слышно ни о фальшивой монетѣ ни о контробандномъ товарѣ! Однако, ясно, что какой-то непримиримый врагъ поклялся уничтожить Новый Аберфойль и что какія-то причины побуждаютъ его употреблять всевозможныя средства для того, чтобы удовлетворить ту ненависть, которую онъ къ намъ питаетъ! Безъ сомнѣнія, онъ слишкомъ слабъ, чтобы дѣйствовать открыто; вотъ почему онъ и строитъ въ тиши свои козни; но умъ, который онъ при этомъ обнаруживаетъ, дѣлаетъ изъ него страшнаго врага. Друзья мои, онъ лучше насъ знаетъ наши копи, потому что, несмотря на всѣ наши усилія, мы все еще не можемъ отыскать его! Онъ — мастеръ своего дѣла, Симонъ! Всѣ его поступки доказываютъ это. Припомните, нѣтъ ли у васъ какого-либо личнаго врага, котораго вы могли бы подозрѣвать въ желаніи отомстить вамъ. Подумайте хорошенько. Есть такая ненависть, которой не можетъ уничтожить само время. Припомните всю вашу жизнь!

Симонъ Фордъ отвѣтилъ не сразу. Видно было, что честный углекопъ прежде, чѣмъ отвѣтить, постарался возобновить въ своей памяти все свое прошлое. Наконецъ, онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Нѣтъ, клянусь Богомъ, ни Мэджъ, ни я никому и никогда не сдѣлали зла. Мы не думаемъ, чтобы у насъ могъ быть какой-нибудь врагъ!

— Ахъ, — вскричалъ тогда инженеръ, — если бъ Нелли захотѣла, наконецъ, сказать!

— Прошу и васъ, мистеръ Старръ, и тебя, отецъ, — замѣтилъ Гарри, — никому ни слова не говорить о нашемъ осмотрѣ пещеры! Не разспрашивайте мою бѣдную Нелли! Я чувствую, что она взволнована и чего-то боится. Для меня ясно, что какая-то тайна гнететъ ее. Если она молчитъ, то это потому, что ей нечего сказать, или потому, что она думаетъ, что она не должна говорить! Мы не можемъ сомнѣваться въ расположеніи ея ко всѣмъ намъ! Если впослѣдствіи она откроетъ мнѣ то, о чемъ она до сихъ поръ молчитъ, то я тотчасъ сообщу вамъ объ этомъ.

— Хорошо, Гарри, — сказалъ инженеръ. — Однако, если Нелли знаетъ что-нибудь, то ея молчаніе прямо непонятно!

Гарри хотѣлъ что-то возразить, но инженеръ прибавилъ:

— Будь покоенъ: мы ничего не скажемъ той, которая должна быть твоею женой.

— И которая вскорѣ будетъ ею, если ты, отецъ, согласенъ на это!

— Сынъ мой, — сказалъ Симонъ Фордъ, — твоя свадьба будетъ ровно черезъ мѣсяцъ. Вы будете посаженымъ отцомъ Нелли, мистеръ Джемсъ?

— Непремѣнно, Симонъ, — отвѣчалъ инженеръ.

Джемсъ Старръ и его спутники вернулись въ коттеджъ. Они никому не сказали ни слова о результатѣ своего осмотра пещеры, и все населеніе копей осталось въ увѣренности, что провалъ озера былъ дѣломъ простого случая. Итакъ, однимъ озеромъ стало меньше въ Шотландіи.

Мало-по-малу Нелли вернулась къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Она прекрасно помнила все то, что видѣла на землѣ во время своей по-

ѣздки: но это не мѣшало ей попрежнему любить тѣ мрачныя копи, въ которыхъ она провела свое дѣтство и въ которыхъ она думала жить и послѣ своего выхода замужъ.

Между тѣмъ, предстоящая свадьба Гарри Форда и Нелли сильно интересовала весь Новый Аберфойль. Поздравленія неслись въ коттеджъ отовсюду. Жакъ Ріанъ поздравилъ его обитателей одинъ изъ первыхъ. Онъ усердно началъ разучивать свои лучшія пѣсни, чтобы спѣть ихъ на свадебной пирушкѣ, въ которой должно было принять участіе все населеніе Каменноугольнаго города.

Но въ теченіе того мѣсяца, который оставался до свадьбы, Новый Аберфойль подвергся большимъ испытаніямъ. Можно было бы сказать, что приближеніе брака Гарри съ Нелли вызывало катастрофу за катастрофой. Несчастія происходили, главнымъ образомъ, въ нижнихъ этажахъ копей, и ихъ настоящая причина оставалась неизвѣстной.

Однажды пожаръ истребилъ деревянныя постройки нижней галлереи; на мѣстѣ пожара была найдена лампа, которой пользовался поджигатель. Съ опасностью для жизни Гарри и его товарищи затушили огонь, который грозилъ уничтожить угольныя залежи. При этомъ имъ много помогли огнетушители, наполненные водой, пропитанной угольною кислотой.

Въ другой разъ рухнули подпорки одной шахты, и Джемсъ Старръ убѣдился, что подпорки были подпилены. Гарри, который находился въ шахтѣ во время обвала, былъ заваленъ обломками и какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти.

Черезъ нѣсколько дней вагончикъ подземной желѣзной дороги, въ которомъ ѣхалъ Гарри, встрѣтилъ на своемъ пути какое-то препятствіе и опрокинулся. Потомъ оказалось, что поперекъ пути было положено бревно.

Всѣ эти приключенія слѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что среди углекоповъ обнаружилась паника. Они соглашались работать лишь въ присутствіи начальниковъ.

— Но эти злодѣи, — повторялъ Симонъ Фордъ, — составляютъ, видно, цѣлую шайку, а мы не можетъ поймать ни одного изъ нихъ.

Снова начались поиски. Вся полиція графства была поставлена на ноги и, все-таки, ничего не открыла. Джемсъ Старръ запретилъ Гарри, въ котораго, повидимому, главнымъ образомъ, мѣтили злодѣи, выходить одному изъ дому.

Та же предосторожность была принята и по отношенію къ Нелли, отъ которой, по настоянію Гарри, скрывали всѣ эти преступныя покушенія, потому что они могли ей напомнить о прошломъ. Симонъ Фордъ и Мэджъ берегли ее и день и ночь съ какою-то свирѣпою заботливостью. Бѣдняжка видѣла это, но не сдѣлала ни одного замѣчанія, не произнесла ни одной жалобы. Вѣроятно, она понимала, что съ нею поступаютъ такъ въ ея же собственныхъ интересахъ. Съ своей стороны и она выказывала, какъ только могла, заботливость по отношенію къ другимъ; такъ, она успокоивалась лишь тогда, когда видѣла всѣхъ, кого любила, около себя въ коттеджѣ. По вечерамъ, когда Гарри возвращался съ работы, она встрѣчала его съ такою бурною радостью, которая вообще не соотвѣтствовала ея сдержанному характеру. Наоборотъ, всѣ дни она проводила въ самомъ мучительномъ безпокойствѣ.

Для ея спокойствія Гарри желалъ, чтобы ихъ бракъ совершился какъ можно скорѣе. Ему казалось, что Нелли почувствуетъ себя въ безопасности лишь тогда, когда станетъ его женою. Его желаніе раздѣлялось, впрочемъ, и Джемсомъ Старромъ, точно такъ же, какъ и Симономъ Фордомъ и Мэджъ. Каждый изъ нихъ считалъ дни.

Паника была ужасная. (Стр. 108.)

Дѣло въ томъ, что всѣ они находились подъ вліяніемъ самыхъ мрачныхъ предчувствій. Потихоньку говорили они другъ другу, что, несомнѣнно, ихъ таинственный и страшный врагъ очень интересуется судьбою Нелли. Поэтому слѣдовало ожидать новаго проявленія его ненависти въ торжественный день свадьбы Гарри съ молодою дѣвушкой.

Однажды утромъ, за недѣлю до дня, назначеннаго для свадьбы, Нелли встала раньше всѣхъ и рѣшила выйти изъ коттеджа. Побуждае-

мая какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ, она хотѣла возможно тщательнѣе осмотрѣть всю мѣстность около коттеджа.

Дойдя до порога, она вдругъ испустила ужасный крикъ.

Этотъ крикъ раздался по всему дому, и въ одно мгновеніе Мэджъ, Симонъ и Гарри очутились около молодой дѣвушки.

Нелли была блѣдна, какъ смерть; лицо ея было искажено отъ ужаса. Она не въ состояніи была говорить, но взглядъ ея былъ устремленъ на дверь коттеджа, которую она только-что отворила. Она указала рукою на тѣ нѣсколько строчекъ, которыя, очевидно, ночью были написаны на двери и видъ которыхъ приводилъ ее въ ужасъ.

На двери было написано слѣдующее:

„Симонъ Фордъ, ты укралъ у меня послѣдніе угольные пласты нашихъ старыхъ копей! Гарри, твой сынъ, укралъ у меня Нелли! Горе вамъ! Горе всѣмъ! Горе Новому Аберфойлю!

Сильфаксъ".

— Сильфаксъ! — разомъ вскричали Симонъ Фордъ и Мэджъ.

— Что это за человѣкъ?—спросилъ Гарри, взоры котораго останавливались то на отцѣ, то на молодой дѣвушкѣ.

— Сильфаксъ! — повторяла Нелли въ отчаяніи. — Сильфаксъ!

Она дрожала всѣмъ своимъ существомъ, шепча это имя, въ то время, какъ Мэджъ силой вела ее въ ея комнату.

Прибѣжалъ и Джемсъ Старръ. Прочтя нѣсколько разъ угрожающую фразу, онъ сказалъ:

— Рука, которая написала эти строки, написала и то письмо ко мнѣ, которое противорѣчило вашему, Симонъ! Этого человѣка зовутъ Сильфаксъ. По вашему волненію я вижу, что вы его знаете. Кто этотъ Сильфаксъ?

ГЛАВА XX.

Кающійся грѣшникъ.

Это имя было цѣлымъ открытіемъ для стараго углекопа.

Оно принадлежало послѣднему „кающемуся грѣшнику" копи Дошаръ.

Нѣкогда, до изобрѣтенія предохранительной лампы, Симонъ Фордъ знавалъ этого суроваго человѣка, который, рискуя своей жизнью, производилъ частичные взрывы газа. Онъ часто видѣлъ это странное существо, которое постоянно бродило по копи въ сопровожденіи „гарфанга", чудовищнаго филина особой породы, который помогалъ ему въ его опасномъ ремеслѣ, относя зажженный факелъ туда, куда не могла достать рука Сильфакса. Однажды старикъ исчезъ вмѣстѣ съ маленькою сироткой, родившейся въ копяхъ и не имѣвшей другихъ родственниковъ, кромѣ Сильфакса, ея дѣда. Эта сиротка, очевидно, и была Нелли. Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ. Все это время старикъ и сиротка прожили вмѣстѣ до самаго того дня, когда Нелли была спасена Гарри.

Симонъ Фордъ, чувствуя въ одно и то же время и жалость и гнѣвъ, сообщилъ инженеру и своему сыну то, о чемъ напоминало ему имя Сильфакса.

Это сообщеніе проливало яркій свѣтъ на все положеніе дѣла. Сильфаксъ былъ тѣмъ таинственнымъ существомъ, которое напрасно искали въ глубинѣ копей Новаго Аберфойля!

— Такъ вы его знали? — спросилъ инженеръ.

— Какъ же, какъ же, — отвѣчалъ углекопъ. — Человѣкъ съ гарфангомъ! Онъ и тогда ужъ былъ не молодъ. Вѣроятно, онъ на 15 или на 20 лѣтъ старше меня. Это былъ какой-то дикарь, который ни съ кѣмъ не былъ друженъ и, по общему мнѣнію, не боялся ни огня ни воды. Онъ по своей охотѣ выбралъ себѣ ремесло „кающагося грѣшника", которымъ рѣдко кто соглашался заниматься. Эта опасная профессія сдѣлала его сумасшедшимъ. Его называли злымъ, но, должно-быть, онъ былъ просто помѣшаннымъ. Сила у него была удивительная. Копь онъ зналъ, какъ никто. Ходили слухи, что у него есть порядочное состояніе. Честное слово, я думалъ, что онъ давно ужъ умеръ!

— Но, — замѣтилъ Джемсъ Старръ, — что онъ хотѣлъ сказать этими словами: „Ты укралъ у меня послѣдніе угольные пласты нашихъ старыхъ копей?"

— Ахъ, да! — отвѣчалъ Симонъ Фордъ. — Сильфаксъ, мозгъ котораго, какъ я уже сказалъ, всегда былъ не въ порядкѣ, заявлялъ какія-то претензіи на старый Аберфойль. По мѣрѣ того, какъ копь Дошаръ (его копь!) истощалась, характеръ его становился все угрюмѣе и угрюмѣе. Казалось, что каждый ударъ кирки вырывалъ у него часть его тѣла! Ты помнишь объ этомъ, Мэджъ?

— Да, Симонъ, — отвѣчала старушка.

— Я вспомнилъ обо всемъ этомъ, — продолжалъ Симонъ Фордъ, — какъ только увидалъ имя Сильфакса на этой двери. Но, повторяю, я считалъ его мертвымъ и не могъ даже и подумать, чтобы тотъ злоумышленникъ, котораго мы такъ долго искали, былъ прежній „кающійся грѣшникъ" копи Дошаръ.

— Дѣйствительно, — сказалъ Джемсъ Старръ, — теперь все объясняется. Случай открылъ Сильфаксу новыя залежи. Въ своемъ эгоизмѣ сумасшедшаго человѣка онъ вообразилъ, что онъ долженъ быть ихъ защитникомъ отъ людей. И днемъ и ночью пребывая въ копи, онъ узналъ вашу тайну, Симонъ, узналъ, что вы просите меня возможно скорѣе прибыть въ коттеджъ. Тогда онъ посылаетъ ко мнѣ письмо, противорѣчащее вашему. Когда я, тѣмъ не менѣе, пріѣзжаю, онъ бросаетъ въ насъ съ Гарри камень и уничтожаетъ лѣстницы шахты Яроу; потомъ замазываетъ щели въ стѣнѣ, за которой скрываются новыя залежи; потомъ, наконецъ, запираетъ насъ въ Новомъ Аберфойлѣ, откуда мы освобождаемся лишь благодаря помощи Нелли, которая сдѣлала доброе дѣло, конечно, безъ вѣдома Сильфакса и, можетъ-быть, даже наперекоръ ему!

— Должно-быть, все такъ и было, какъ вы говорите, мистеръ Джемсъ, — замѣтилъ Симонъ Фордъ. — Теперь очевидно, что старый „кающійся грѣшникъ" — сумасшедшій!

— Это бы хорошо! — сказала Мэджъ.

— Вѣроятно, его безуміе прямо ужасно! — заговорилъ Джемсъ Старръ послѣ нѣкотораго молчанія. — Ахъ, я понимаю, почему Нелли не можетъ и подумать о немъ безъ ужаса. Я понимаю также, почему ей не

хотѣлось выдавать своего дѣда! Сколько печальныхъ лѣтъ должна она была провести у этого старика!

— Да, — согласился Симонъ Фордъ. — Не весело было ей жить съ этимъ дикаремъ и его гарфангомъ! Я увѣренъ, что гарфангъ живъ! По всей вѣроятности, онъ потушилъ нашу лампу и онъ же набрасывался на Гарри, когда нашъ мальчикъ спасалъ Нелли!..

— Я теперь понимаю, — сказала Мэджъ, — что извѣстіе о свадьбѣ Нелли съ нашимъ сыномъ должно было удвоить ярость Сильфакса!

— Дѣйствительно, — замѣтилъ Симонъ Фордъ, — Сильфакса, вѣроятно, приводитъ въ бѣшенство бракъ Нелли съ сыномъ того, кто, какъ онъ думаетъ, укралъ у него залежи.

— Однако, нужно же, чтобы онъ согласился на этотъ бракъ! — вскричалъ Гарри. — Какимъ бы врагомъ общества онъ ни былъ, можетъ же онъ, все-таки, понять, что Нелли живется здѣсь лучше, чѣмъ съ нимъ! Я увѣренъ, мистеръ Старръ, что мы могли бы его образумить, если бы намъ удалось поймать его!..

— Сумасшедшихъ нельзя образумить, мой милый Гарри! — отвѣчалъ инженеръ. — Конечно, лучше знать своего врага, чѣмъ не знать его, но наша борьба съ нимъ не кончена! Будемъ же осторожны, друзья мои, и прежде всего разспросимъ Нелли! Это необходимо! Она пойметъ, что въ настоящее время ея молчаніе не имѣетъ смысла. Даже въ интересахъ своего дѣда ей нужно все разсказать намъ. Столько же для него, сколько и для насъ важно, чтобы его мрачные планы не были приведены въ исполненіе!

— Я не сомнѣваюсь, мистеръ Старръ, — сказалъ Гарри, — что Нелли сама пожелаетъ отвѣтить на ваши вопросы. Вы знаете теперь, что до сихъ поръ она молчала, потому что ей запрещала говорить ея совѣсть, ея долгъ. Но именно поэтому же она разскажетъ теперь все, что знаетъ. Матушка хорошо сдѣлала, что отвела ее въ ея комнату. Ей нужно было собраться съ силами, но сейчасъ я пойду къ ней...

— Не трудись, Гарри, — сказала твердымъ и яснымъ голосомъ молодая дѣвушка, входя въ это мгновеніе въ большую залу коттеджа.

Нелли была блѣдна. Глаза ея были красны отъ слезъ; но было видно, что она твердо рѣшилась сдѣлать то признаніе, котораго требовала отъ нея въ настояще время ея искренность.

— Нелли! — вскричалъ Гарри, бросаясь къ молодой дѣвушкѣ.

— Гарри, — отвѣчала Нелли, однимъ жестомъ остановивъ своего жениха. — Нужно, чтобы твой отецъ, твоя мать и ты — узнали сегодня все. И вы, мистеръ Старръ, должны узнать все о той дѣвушкѣ, которую Гарри, къ своему несчастію, вытащилъ изъ бездны.

— Нелли! — воскликнулъ Гарри.

— Не мѣшай ей, Гарри! — сказалъ Джемсъ Старръ, останавливая Гарри.

— Я — внучка стараго Сильфакса, — продолжала Нелли. — Я не знала матери до тѣхъ поръ, пока не попала сюда, — прибавила она, глядя на Мэджъ.

— Да будетъ благословенъ этотъ день, дитя мое, — отвѣчала старушка.

— Я не знала и отца до тѣхъ поръ, пока не увидала Симона Форда, — продолжала Нелли. — Не знала и друга до того времени.

пока рука Гарри не коснулась моей! Я жила одиноко цѣлыхъ 15 лѣтъ въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ нашихъ копей вмѣстѣ съ своимъ дѣдомъ. Съ нимъ — этого, пожалуй, нельзя сказать. Имъ — это будетъ вѣрнѣе. Я рѣдко его видала. Когда онъ скрылся изъ стараго Аберфойля, ло ушелъ въ такіе закоулки, которые были извѣстны лишь ему одному. Онъ, по-своему, былъ добръ ко мнѣ, хотя и страшенъ. Онъ кормилъ

Она указала рукою на надпись. (Стр. 114.)

меня тѣмъ, что добывалъ на поверхности земли; но я смутно помню, что въ самомъ раннемъ моемъ дѣтствѣ моею кормилицей была коза, потеря которой привела меня въ отчаяніе. Дѣдъ, видя мою печаль, замѣнилъ козу другимъ животнымъ, собакой, какъ онъ сказалъ. Къ несчастью, эта собака была весела. Она лаяла. Дѣдъ не любилъ веселости. Онъ страшился шума. Меня онъ пріучилъ быть тихой, но съ собакой онъ ни-

чего не могъ подѣлать. Бѣдное животное очень скоро пропало У дѣда была товарищемъ угрюмая птица гарфангъ, который сначала внушалъ мнѣ ужасъ; но эта птица, несмотря на то отвращеніе, которое она мнѣ внушала, такъ привязалась ко мнѣ, что и я, наконецъ, ее полюбила. Она начала повиноваться мнѣ болѣе, чѣмъ своему хозяину, и это встревожило меня, такъ какъ дѣдъ былъ ревнивъ. Мы съ гарфангомъ скрывали нашу дружбу. Мы понимали, что это было необходимо... Но я слишкомъ много говорю о себѣ! Нужно говорить о васъ!

— Нѣтъ, дочь моя, — отвѣчалъ Джемсъ Старръ. — Разсказывай, что хочешь.

— Мой дѣдъ, — продолжала Нелли, — очень непріязненно смотрѣлъ на своихъ сосѣдей въ копи, хотя мѣста было вполнѣ достаточно. Онъ выбиралъ себѣ пріютъ всегда далеко отъ васъ, но ему непріятно было даже знать, что вы живете въ копи; когда я разспрашивала его о васъ, его лицо становилось мрачнымъ, онъ не отвѣчалъ мнѣ и долго, долго не говорилъ ни слова. Но въ какой гнѣвъ онъ пришелъ, когда оказалось, что вы не хотите довольствоваться старыми копями, а желаете пробраться и въ новыя! Онъ поклялся погубить васъ, если вы проникнете въ новыя копи! Несмотря па свой преклонный возрастъ, онъ еще обладаетъ необычайною силой, и его угрозы заставляютъ меня дрожать и за васъ и за него.

— Продолжай, Нелли, — сказалъ Симонъ Фордъ молодой дѣвушкѣ, которая пріостановилась на минуту, какъ бы желая разобраться въ своихъ воспоминаніяхъ.

— Когда вы въ первый разъ проникли въ галлерею Новаго Аберфойля, онъ заперъ васъ тамъ. Я плохо знала васъ, но я не могла допустить того, чтобы христіане умерли отъ голода въ этой безднѣ, и, украдкой, я принесла вамъ на нѣсколько дней немного хлѣба и воды!.. Я хотѣла вывести васъ изъ Новаго Аберфойля, но было такъ трудно обмануть бдительность моего дѣда! Вы медленно умирали. Пришелъ Жакъ Ріанъ съ своими товарищами... Богу угодно было, чтобы я встрѣтилась съ ними въ тотъ день! Я привела ихъ къ вамъ. На обратномъ пути дѣдъ поймалъ меня. Гнѣвъ его на меня былъ ужасенъ. Я думала, что я погибну отъ его руки. Съ тѣхъ поръ жизнь стала для меня невыносима. Разсудокъ моего дѣда совершенно помѣшался. Онъ провозглашалъ себя царемъ тьмы и свѣта! Когда онъ услыхалъ, что ваши кирки ударяютъ о скалы въ тѣхъ копяхъ, которыя онъ считалъ своими, то онъ пришелъ въ бѣшенство и осыпалъ меня ударами. Я хотѣла бѣжать. Это было невозможно, такъ какъ онъ все время слѣдилъ за мною. Наконецъ, три мѣсяца тому назадъ, въ припадкѣ страшнаго безумія, онъ опустилъ меня въ пропасть, гдѣ вы меня нашли, а самъ ушелъ, напрасно призывая гарфанга, который остался со мною. Что тамъ было со мною, я не знаю. Знаю только, что я почти совсѣмъ умирала, когда пришелъ ты, мой Гарри, и спасъ меня. Но ты видишь, что внучка стараго Сильфакса не можетъ быть женою Гарри Форда, такъ какъ дѣло идетъ теперь о жизни всѣхъ васъ!

— Нелли! — вскричалъ Гарри.

— Нѣтъ, — продолжала молодая дѣвушка. — Я рѣшила пожертвовать собою. Единственное средство предотвратить вашу погибель заключается въ томъ, чтобы я вернулась къ моему дѣду. Онъ угрожаетъ всему Но-

вому Аберфойлю!.. Онъ не способенъ прощать, и одинъ Богъ знаетъ, до чего онъ способенъ дойти въ своей жаждѣ мести! Мой долгъ ясенъ. Я буду самымъ жалкимъ созданіемъ, если я его не исполню. Прощайте, и спасибо вамъ! У васъ я узнала, что на землѣ есть счастье! Что бы ни случилось, знайте, что мое сердце всегда будетъ съ вами!

При этихъ словахъ Симонъ Фордъ, Мэджъ и Гарри поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Какъ, Нелли, — вскричали они въ отчаяніи, — ты хочешь насъ покинуть?!

Отстранивъ ихъ повелительнымъ жестомъ, Джемсъ Старръ подошелъ къ Нели и взялъ ее за руки.

— Прекрасно, дитя мое, — сказалъ онъ ей. — Ты сказала, что должна была сказать; но вотъ что мы тебѣ отвѣтимъ. Мы не отпустимъ тебя, и если понадобится, то удержимъ и силой. Неужели ты думаешь, что мы такіе низкіе люди, что примемъ твое великодушное предложеніе? Пусть Сильфаксъ грозитъ! Вѣдь онъ не болѣе, какъ человѣкъ, и мы будемъ осторожны. Можетъ-быть, ты, въ интересахъ самого Сильфакса, откроешь намъ его привычки, скажешь намъ, гдѣ онъ скрывается? Мы хотимъ только одного — устроить такъ, чтобы онъ не былъ въ состояніи вредить намъ; быть-можетъ, намъ даже удастся вернуть ему разсудокъ.

— Вы желаете невозможнаго, — отвѣчала Нелли. — Мой дѣдъ вездѣ и нигдѣ. Я никогда не знала, куда онъ скрывается! Я никогда не видала его спящимъ. Когда онъ находилъ какой-нибудь пріютъ, онъ оставлялъ меня одну, а самъ исчезалъ. Когда я обдумывала свое рѣшеніе, мистеръ Старръ, я предвидѣла все, что вы можете мнѣ отвѣтить. Повѣрьте мнѣ! Есть одно только средство обезоружить моего дѣда: это — мнѣ вернуться къ нему! Онъ невидимъ, но самъ видитъ все. Скажите, какимъ образомъ могъ бы онъ открыть ваши тайныя мысли, начиная съ письма, посланнаго къ мистеру Старру и кончая моей свадьбой съ Гарри, если бы не обладалъ непонятною способностью знать все? Мой дѣдъ, хотя и сумасшедшій, но человѣкъ геніальнаго ума. Иногда ему приходило въ голову учить меня. Онъ научилъ меня вѣрѣ въ Бога и обманулъ меня только въ одномъ: желая внушить мнѣ свою ненависть ко всему человѣчеству, онъ заставилъ меня повѣрить въ то, что всѣ люди лицемѣрны. Когда Гарри привелъ меня въ этотъ коттеджъ, вы думали только, что я ничего не знала! Но кромѣ того, я была еще и напугана. Ахъ, простите мнѣ! Въ теченіе нѣсколькихъ дней я думала, что попала къ злымъ людямъ, и хотѣла отъ васъ бѣжать! Но вы, Мэджъ, навели меня на путь истинный, навели не словами, а своей жизнью. Я поняла, за что васъ любятъ и уважаютъ вашъ мужъ и вашъ сынъ. Потомъ, когда я увидала, какъ уважаютъ мистера Старра всѣ тѣ рабочіе, которыхъ сначала я считала его рабами, и поняла, за что они его уважаютъ, то я опять сказала себѣ: „Мой дѣдъ обманулъ меня!“ Но теперь я понимаю, что онъ обманулся самъ! И вотъ я пойду теперь къ нему по тѣмъ тайнымъ дорожкамъ, по которымъ, бывало, ходила. Онъ будетъ подстерегать меня... я позову его, и кто знаетъ, можетъ-быть, я верну и его на путь истинный.

Всѣ предоставили молодой дѣвушкѣ высказаться. Когда же она замолчала, то Гарри, обратившись къ Мэджъ, сказалъ:

— Мать! Что подумала бы ты о томъ человѣкѣ, который покинулъ бы ту благородную дѣвушку, которую ты сейчасъ только выслушала?

— Я подумала бы, — отвѣчала Мэджъ, — что тотъ человѣкъ негодяй, и если бы онъ оказался моимъ сыномъ, то я отреклась бы отъ него и прокляла бы его!

— Нелли, ты слышала, что сказала наша мать? — продолжалъ Гарри. — Куда бы ты ни пошла, я всюду послѣдую за тобою. Если ты будешь настаивать на томъ, чтобы итти къ твоему дѣду, то мы пойдемъ вмѣстѣ...

— Гарри, Гарри! — вскричала Нелли.

Губы молодой дѣвушки побѣлѣли. Она безъ чувствъ упала на руки Мэджъ, которая просила инженера, Симона и Гарри оставить ихъ однѣхъ.

ГЛАВА XXI.

Свадьба Нелли.

Прежде чѣмъ разойтись, обитатели коттеджа условились соблюдать еще большую осторожность. Угроза стараго Сильфакса была высказана слишкомъ прямо, чтобы можно было пренебрегать ею. Самъ собою напрашивался вопросъ, не располагаетъ ли старый „кающійся грѣшникъ“ какимъ-нибудь страшнымъ средствомъ, которое можетъ уничтожить весь Аберфойль.

Вооруженные люди были разставлены по разнымъ мѣстамъ копей и получили приказаніе слѣдить днемъ и ночью. Всякій посѣтитель копи долженъ былъ явиться къ Джемсу Старру для удостовѣренія въ своей личности. Всѣмъ жителямъ Каменноугольнаго города сообщили объ угрозѣ Сильфакса. Сильфаксъ не имѣлъ съ ними никакихъ сношеній, и потому нельзя было опасаться какой-либо измѣны. Нелли тоже сообщили о принятыхъ мѣрахъ предосторожности, и она нѣсколько успокоилась. Рѣшимость Гарри послѣдовать за нею всюду, куда бы она ни пошла, побудила ее оставить всякую мысль о бѣгствѣ.

Въ теченіе той недѣли, которая оставалась до свадьбы Нелли и Гарри, въ Новомъ Аберфойлѣ не произошло ничего особеннаго. Благодаря этому, углекопы оправились отъ паники, которая чуть было не разстроили всѣ работы въ копьяхъ.

Тѣмъ временемъ Джемсъ Старръ продолжалъ искать стараго Сильфакса. Такъ какъ мстительный старикъ объявилъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ того, чтобы Нелли вышла замужъ за Гарри, то слѣдовало опасаться, что онъ не отступитъ ни предъ чѣмъ, чтобы помѣшать ненавистному браку. Всего лучше было бы, конечно, захватить его, не посягая при этомъ на его жизнь. Начался поэтому самый тщательный осмотръ Новаго Аберфойля. Прежде всего осмотрѣны были галлереи, которыя вели къ развалинамъ Дендональдъ-Кэстля, въ Ирвинѣ, такъ какъ не безъ основанія полагали, что Сильфаксъ сообщается съ поверхностью земли чрезъ старый замокъ; подниматься же на землю ему было необходимо, хотя бы для покупки необходимой пищи. Что касается огненныхъ фей, то Джемсъ Старръ былъ того мнѣнія, что

какая-нибудь струя подземнаго газа, выходившая въ этой части копей, могла быть зажжена Сильфаксомъ и произвести напугавшее Жака Ріана явленіе. Онъ не обманывался, но всѣ поиски были напрасны.

Во время этой борьбы противъ неуловимаго существа Джемсъ Старръ былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ, хотя и не выказывалъ

Сильфаксъ. (Стр. 123.)

этого. По мѣрѣ того, какъ приближался день свадьбы, опасенія его все увеличивались, и онъ счелъ своею обязанностью сообщить объ этомъ старому углекопу, который началъ безпокоиться еще больше инженера.

Наконецъ, этотъ день насталъ.

Сильфаксъ не подавалъ признаковъ жизни.

Съ самаго утра все населеніе Каменноугольнаго города было на

ногахъ. Работы въ Новомъ Аберфойлѣ были прекращены. Старосты и простые рабочіе считали своимъ долгомъ оказать вниманіе Симону Форду и его сыну. Это вниманіе должно было служить выраженіемъ признательности двумъ смѣлымъ и настойчивымъ людямъ, которые вернули копямъ ихъ прежнее благосостояніе.

Въ 11 часовъ въ часовнѣ св. Эгидія, расположенной на берегу озера Малькольма, должна была начаться религіозная церемонія.

Въ назначенный часъ изъ коттеджа вышли двѣ пары; это были: Гарри подъ руку съ матерью и Симонъ Фордъ подъ руку съ Нелли.

Вскорѣ изъ коттеджа же вышли Джемсъ Старръ, повидимому, совершенно спокойный, но въ душѣ готовый на все, и Жакъ Ріанъ.

За ними слѣдовали остальные инженеры копей, почетныя лица Каменноугольнаго города, друзья и товарищи стараго углекопа, наконецъ, всѣ члены той большой семьи углекоповъ, которая составляла спеціальное населеніе Новаго Аберфойля.

На землѣ стоялъ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ августовскихъ дней, которые бываютъ такъ нестерпимы въ сѣверныхъ странахъ. Знойный воздухъ проникалъ и въ копи, гдѣ температура, благодаря этому, стала выше нормальной. Атмосфера была насыщена электричествомъ.

Барометръ въ Каменноугольномъ городѣ значительно понизился, что было довольно рѣдкимъ явленіемъ. Являлся вопросъ, не разыграется ли буря подъ сводами изъ шифера, замѣнявшими въ подземельѣ небо.

Но жители Каменноугольнаго города въ этотъ день не думали объ этомъ. Каждый изъ нихъ, напротивъ, нарядился во все лучшее, что у него было.

На Мэджъ былъ костюмъ, напоминавшій доброе старое время. На головѣ ея былъ *toy*, какъ у древнихъ матронъ, а на плечахъ развѣвалась клѣтчатая мантилья, которую шотландки носятъ съ большой граціей.

Нелли дала себѣ обѣщаніе не обнаруживать душевнаго волненія. Она удерживала біеніе своего сердца, ничѣмъ не выказывала своихъ опасеній и хранила спокойный видъ.

Одѣта она была очень просто, и эта простота дѣлала ее еще болѣе очаровательною.

На Симонѣ Фордѣ была такая одежда, отъ которой не отказался бы самъ достойный судья Николай Джарвей, воспѣтый Вальтеръ Скоттомъ.

Всѣ направились къ часовнѣ св. Эгидія, которая была великолѣпно убрана.

Электрическія солнца ярко освѣщали Новый Аберфойль.

Часовня была тоже освѣщена электрическими лампочками, и ея разноцвѣтныя стекла горѣли какъ калейдоскопы.

Религіозную церемонію долженъ былъ совершить преподобный Вильямъ Гобсонъ. У самаго входа въ часовню онъ ожидалъ прибытія молодыхъ.

Свадебный кортежъ приближался, величественно обогнувъ берегъ озера Малькольма.

Въ этотъ моментъ органъ заигралъ, и обѣ четы, вслѣдъ за преподобнымъ Гобсономъ, направились къ алтарю часовни.

Благословеніе Божіе было призвано на всѣхъ присутствующихъ. Потомъ Гарри и Нелли остались одни предъ преподобнымъ Гобсономъ, державшимъ въ рукахъ священную книгу.

— Гарри, — спросилъ преподобый Гобсонъ, — хотите ли вы взять Нелли себѣ въ супруги и клянетесь ли вы постоянно любить ее?

— Клянусь! — отвѣчалъ молодой человѣкъ твердымъ голосомъ.

— А вы, Нелли, — продолжалъ пасторъ, — хотите ли взять себѣ въ супруги Гарри Форда и...

Молодая дѣвушка не успѣла еще отвѣтить, какъ внѣ часовни раздался страшный крикъ.

Одна изъ огромныхъ скалъ, находящихся на берегу озера Малькольма, внезапно развалилась безъ всякаго взрыва, какъ будто бы ея паденіе было приготовлено заранѣе. Подъ этой скалой оказалось отверстіе, о существованіи котораго никто и не догадывался.

Потомъ вдругъ въ этомъ отверстіи, которое залила вода изъ озера, показалась лодка. Черезъ нѣсколько мгновеній лодка была на озерѣ.

Въ лодкѣ стоялъ старикъ въ темномъ плащѣ, съ всклокоченными волосами, съ длинною сѣдою бородой, покрывавшей всю его грудь.

Въ рукѣ онъ держалъ зажженную лампу Дэви.

Старикъ громко закричалъ:

— Подземный газъ! Подземный газъ! Горе всѣмъ! Горе!

Въ это самое время въ атмосферѣ сталъ ощущаться характерный запахъ подземнаго газа.

Произошло это оттого, что разсѣвшаяся скала дала выходъ громадному количеству вреднаго газа, скопившагося подъ нею съ давнихъ поръ.

Старикъ зналъ о существованіи этого громаднаго скопленія газа и устроилъ ему выходъ.

Тѣмъ временемъ Джемсъ Старръ и нѣкоторые другіе, покинувъ часовню, бросились на берегъ.

— Вонъ изъ копей! Вонъ изъ копей! — закричалъ инженеръ, понявъ угрожающую опасность.

— Подземный газъ! Подземный газъ! — повторялъ старикъ, отъѣзжая съ лодкой на средину озера.

Гарри, увлекая свою невѣсту, своего отца и свою мать, выбѣжалъ изъ часовни.

— Вонъ изъ копей! Вонъ изъ копей! — повторялъ Джемсъ Старръ.

Но бѣжать было слишкомъ поздно! Старый Сильфаксъ былъ тутъ: онъ готовъ былъ привести въ исполненіе свою угрозу, готовъ былъ помѣшать браку Нелли съ Гарри, готовъ былъ похоронить все населеніе Каменноугольнаго города подъ развалинами копей.

Надъ его головой леталъ огромный гарфангъ, на бѣлыхъ крыльяхъ котораго кое-гдѣ виднѣлись черныя пятна.

Но въ эту минуту какой-то человѣкъ бросился въ воду и быстро поплылъ по направленію къ лодкѣ.

Это былъ Жакъ Ріанъ. Онъ спѣшилъ добраться до безумца прежде, чѣмъ тотъ успѣетъ привести въ исполненіе свой ужасный замыселъ.

Сильфаксъ увидалъ его. Онъ разбилъ свою лампу и, выхвативъ зажженный фитиль, провелъ имъ по воздуху.

Гробовое молчанiе воцарилось среди присутствующихъ. Джемсъ Старръ удивлялся, что неизбѣжный взрывъ не уничтожилъ еще „Новаго Аберфойля“.

Сильфаксъ, съ искаженнымъ отъ злобы и досады лицомъ, понялъ, что газъ скопился въ верхнихъ слояхъ воздуха, до которыхъ не могъ достать огонь его фитиля.

Но тутъ гарфангъ, по знаку Сильфакса, схватилъ въ свои лапы воспламененный фитиль и началъ подниматься подъ высокiе своды, на которые старикъ указалъ ему рукой.

Еще нѣсколько секундъ — и Новаго Аберфойля не стало бы.

Въ этотъ моментъ Нелли вырвалась изъ рукъ Гарри.

Спокойно побѣжала она къ берегу озера.

— Гарфангъ! Гарфангъ! — закричала она. — Ко мнѣ! Иди ко мнѣ!

Вѣрная птица остановилась въ воздухѣ. Узнавъ голосъ Нелли, она вдругъ выпустила зажженный фитиль, который упалъ въ воду озера, и, описавъ широкiй кругъ, сѣла у ногъ молодой дѣвушки.

Такимъ образомъ, огонь не попалъ въ верхнiе слои воздуха, гдѣ скопился газъ.

Ужасный крикъ огласилъ своды пещеры Новаго Аберфойля. Это былъ крикъ стараго Сильфакса.

Въ то мгновенiе, какъ Жакъ Рiанъ одной рукой ухватился уже за лодку, старикъ, видя, что его мщенiе не удалось, бросился въ воды озера.

— Спасите его! Спасите его! — закричала Нелли раздирающимъ душу голосомъ.

Гарри услышалъ этотъ крикъ. Бросившись въ озеро, онъ быстро очутился возлѣ Жака Рiана и нырнулъ нѣсколько разъ.

Но все было напрасно.

Воды озера Малькольма не отдали своей добычи. Онѣ навсегда закрылись надъ старымъ Сильфаксомъ.

ГЛАВА XXII.

Легенда о старомъ Сильфаксѣ.

Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ этого происшествiя, свадьба Гарри Форда и Нелли, такъ неожиданно прерванная, состоялась въ часовнѣ св. Эгидiя. Послѣ того, какъ преподобный Гобсонъ благословилъ союзъ молодыхъ супруговъ, они, все еще трауре́, вернулись въ коттеджъ.

Джемсъ Старръ и Симонъ Фордъ, не безпокоясь теперь за участь копей, весело пировали на праздникѣ, послѣдовавшемъ за религiознымъ обрядомъ и продолжавшемся весь слѣдующiй день.

На этомъ праздникѣ Жакъ Рiанъ, при громкихъ аплодисментахъ присутствующихъ, былъ провозглашенъ лучшимъ музыкантомъ, пѣвцомъ и танцоромъ.

Сейчасъ же послѣ праздника снова начались работы въ Новомъ Аберфойлѣ, подъ управленiемъ инженера Джемса Старра.

Излишне говорить, что Гарри и Нелли были очень счастливы. Эти

два сердца, такъ много испытавшія на своемъ вѣку, нашли въ своемъ союзѣ счастье, котораго заслуживали.

Что касается до Симона Форда, почетнаго старосты углекоповъ Новаго Аберфойля, то и онъ и Мэджъ разсчитывали дожить до дня своей золотой свадьбы.

— А потомъ почему бы не отпраздновать и другую золотую свадьбу? — говорилъ Жакъ Ріанъ. — Сто лѣтъ супружеской жизни не составляютъ слишкомъ многаго для васъ, мистеръ Симонъ!

— Ты правъ, мой милый! — спокойно отвѣчалъ старый углекопъ.— Нѣтъ ничего удивительнаго, если проживешь и 200 лѣтъ въ этомъ чудномъ климатѣ Новаго Аберфойля.

Будущее покажетъ, дождутся ли жители Каменноугольнаго города золотой свадьбы стариковъ Фордовъ.

Одной птицѣ тоже суждено было дожить до глубокой старости; мы говоримъ о гарфангѣ стараго Сильфакса. Хотя онъ не оставилъ мрачнаго подземелья, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько же дней послѣ смерти старика улетѣлъ отъ Нелли, какъ она ни старалась удержать его у себя. Вѣроятно, общество людей нравилось ему не болѣе, чѣмъ его бывшему хозяину. Къ тому же онъ питалъ особенную непріязнь къ Гарри: ревнивая птица сразу узнала и возненавидѣла въ Гарри того похитителя Нелли, у котораго она такъ долго отбивала добычу во время подъема изъ шахты.

Съ этихъ поръ Нелли видѣла гарфанга только черезъ долгіе промежутки времени, именно тогда, когда гарфангъ появлялся въ пещерѣ Новаго Аберфойля и носился надъ поверхностью озера Малькольма.

Хотѣлъ ли онъ увидать свою прежнюю подругу? Или онъ хотѣлъ проникнуть своимъ взоромъ въ самую глубину той бездонной пропасти, которая поглотила стараго Сильфакса?

Легенда думаетъ, что онъ прилеталъ и за тѣмъ и за другимъ. „Легенда“ — говоримъ мы, потому что гарфангъ сдѣлался легендарной птицей, и одному Жаку Ріану внушилъ не мало фантастическихъ разсказовъ.

Благодаря Жаку Ріану, ни одна вечеринка въ Шотландіи не обходится безъ пѣсни о птицѣ стараго Сильфакса, послѣдняго „кающагося грѣшника“ копей Аберфойля.

КОНЕЦЪ.

Гос. Центр. Библиотека ГЦБИЛ Иностр. Лит-ры

Оглавленіе.

		Стр.
Глава I.	Два противорѣчивыхъ письма	3
II.	Дорогой	8
III.	Подъ почвой Соединенныхъ Королевствъ	13
IV.	Копь Дошаръ	19
V.	Семейство Фордовъ	27
VI.	Нѣкоторыя необъяснимыя явленія	34
VII.	Опытъ Симона Форда	32
VIII.	Взрывъ динамита	44
IX.	Новый Аберфойль	47
X.	Туда и оттуда	50
XI.	Огненныя феи	55
XII.	Подвиги Жака Ріана	60
XIII.	Каменноугольный городъ	69
XIV.	На волосокъ отъ смерти	74
XV.	Нелли въ коттеджѣ	80
XVI.	На подвижныхъ лѣстницахъ	87
XVII.	Восходъ солнца	92
XVIII.	Отъ озера Ломондъ къ озеру Катрайнъ	100
XXI.	Послѣдняя угроза	107
XX.	Кающійся грѣшникъ	114
XXI.	Свадьба Нелли	120
XXII.	Легенда о старомъ Сильфаксѣ	124